В. П. АНИКИН

Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор

Государственное
учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
Москва * 1957

Русский народ создал огромную изустную литературу: мудрые пословицы и хитрые загадки, веселые и печальные обрядовые песни, торжественные былины... героические, волшебные, бытовые и пересмешные сказки.

Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга. Она была достоинством и умом народа. Она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов.

А. Н. Толстой, Из статьи «Родина»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Старые сборники пословиц, поговорок, загадок, книги детских песенок, прибауток и считалок давно стали библиографической редкостью. Столь же редки и те немногие исследования, которыми располагает наука об этих жанрах фольклора. Вместе с тем существующие пособия и хрестоматии по вполне понятным причинам не всегда могут удовлетворить учителя.

В этой книге даны расширенные характеристики «малых» жанров фольклора. В ее «хрестоматийную» часть вошли тексты, выбранные из лучших научных сборников и публикаций. Здесь представлены также и те произведения старого фольклора, которые, хотя и не принадлежат к лучшим, но тем не менее ярко характеризуют народный быт и сознание народа прошлых эпох.

Автор не счел возможным вдаваться в подробности спорных вопросов науки, однако в некоторых случаях избежать этого было невозможно. Это касается прежде всего истории пословиц и поговорок, вопроса о происхождении загадок, определения и классификации произведений так называемого «детского фольклора», а также происхождения его отдельных жанров: считалок, игровых припевов и приговоров.

В конце книги приложена основная библиография сборников, исследований и пособий.

К ней отсылаем всех, кто хотел бы продолжить ознакомление с литературой по заинтересовавшему его вопросу.

Методику изучения фольклора в школе, освещение вопроса о том, как обучать фольклору на уроках с тем, чтобы занятия были интересными и плодотворными, читатель найдет в существующей научно-методической литературе.

Пословицы, поговорки, загадки, детские песенки и прибаутки живо обрисовывают облик народа, его стремления и надежды. Этот фольклор поражает тонкостью художественной отделки.

В истории изучения и собирания пословиц, поговорок, загадок и детского фольклора многое было сделано народными сельскими и городскими учителями.

Их самоотверженный и благородный труд мог бы послужить вдохновляющим примером всем, кто имеет отношение к народному образованию и воспитанию подрастающего поколения.

«Малые» жанры фольклора достойны глубокого изучения. Между тем еще не существует даже более или менее удовлетворительной классификации этого разнообразного поэтического материала.

В настоящей книге предлагается новая классификация «малых» жанров народного устно-поэтического творчества.

Эта книга может оказаться полезной и всем тем, кто независимо от учебно-педагогических целей интересуется богатейшим фольклором нашего народа.

Таких людей в нашей стране — миллионы, и мнение этих людей есть самая значительная оценка, которую получает работа каждого отдельного человека в нашей великой стране.

Автор.

СТАТЬИ

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

В фольклоре, при всем разнообразии и богатстве его поэтических видов и форм, трудно найти более любопытный жанр, чем пословица. Она была предметом пристального изучения в трудах ученых самых различных идейных направлений и школ и все же во многом остается загадочным и непонятным явлением. Большинство ученых согласились с тем, что пословица — это народное изречение, что в ней выражается не мнение отдельных лиц, а массовая народная оценка, народный ум. С пословицей согласны тысячи и десятки тысяч людей. Все, что не соответствует строю мыслей и чувствам народных масс, отсеивается из пословиц в процессе бытования. Пословица стала крылатой потому, что в ней есть нечто такое, что позволяет многим признать ее своей. И именно этот емкий смысл пословиц делает их трудными для изучения.

Пословицу создал народ, и употребивший ее в своей речи как бы говорит: мною сказанное не только мое, но и народное, то, что признано за истину народом. Сила пословицы в силе мнения народных масс.

При всей бесспорности это положение нуждается в дополнительных пояснениях. Кто употребил в своей речи пословицу и ради какой цели — вот обстоятельство, которое надо принять во внимание при изучении пословиц. Пословицы вошли в речь и тесно с нею связаны. Только в речи необыкновенно емкая пословица приобретает свой конкретный смысл и свое конкретное приложение. Таковы пословицы: *Назвавшись груздем, полезай в кузов, На что вороне большие разговоры: знай ворона свое «Кра!»* или: *Не в свои сани не садись, На ловца и*

зверь бежит. Эти пословицы могут быть использованы любым классом.

Что же мешает признать нам пословицу явлением языка? Не все пословицы подобны только что приведенным. *Барская милость — кисельная сытость, Кому тошно, а попу в мошно, Богатый и в будни пирует, бедный и в праздник горюет* — эти пословицы не могут быть употребляемы любым классом, в них выражено отношение угнетенных к своим эксплуататорам. Положение осложняется и тем, что существуют пословицы, созданные в среде господствующих классов, такие, которые не мог употреблять угнетенный, так как пословицы этого рода оскорбляли его нравственное чувство, клеветали на народ.

Итак, среди пословиц есть такие, которые исполнены общенародного, национального значения и смысла, но немало и таких, классовый смысл которых не вызывает сомнения: в одних случаях — это пословица классово-народного содержания, в других — антинародная. Примирить эти противоположные по классовому смыслу пословицы невозможно, как невозможно примирить разные классовые идеологии.

Народная пословица есть нечто отличное от узко классовых пословиц боярина, купца и заводчика. Народные пословицы отражают духовный облик масс, их идеалы, стремления, их суждения о самых разнообразных сторонах быта и общественной жизни.

Созданные в веках, переходя от поколений к поколениям, пословицы и поговорки поддерживали устои народной жизни, крепили нравственный и духовный облик народа. Это как бы духовный «кодекс» народа, который регламентировал жизнь каждого простого человека. Эти пословицы выражают те мысли, к которым народ пришел в процессе своей общественной практики.

Пословица всегда поучительна в широком смысле слова, но ее поучительность не всегда назидание. Пословица может и просто толковать о чем-либо, однако в ней всегда есть «вывод» или нечто такое, что полезно помнить, принять к сведению.

Непосредственный социально-исторический опыт — источник правдивого глубокого отражения действительности в пословицах. Чего нет в опыте народа, того не может быть и в пословицах. Однако пословицы отражают не только силу народного мышления, непосредственно

связанного с общественной практикой, но и историческую ограниченность народного опыта и сознания. Эта ограниченность преодолевалась трудовыми массами народа в процессе исторического прогресса. В пословицах оседало бесспорно ценное, то непреходящее, что имело значение и для последующих эпох. Время безжалостно уносило то, что противоречило новому социально-историческому опыту народных масс.

В отличие от народных пословиц, развитие пословиц у классов, враждебных народным массам, шло своими особыми путями. С появлением в человеческом обществе классовых отношений те, кто встал у кормила власти и подчинил себе массы народа, восприняли народное пословичное достояние предыдущих веков. Начался процесс переосмысления и трансформации старых общенародных пословиц. Никакой своей собственной формы для крылатого афоризма господствующие классы не выдумали. Они приспособили для узких классовых целей старую народную пословичную форму. Так, пословица *Посади свинью за стол, она и ноги на стол* была бездарно обращена в пословицу о мужике. Изменение народных пословиц принимало и более тонкие формы. Печальная народная пословица, отмечавшая бесправие угнетенного: *Холоп на господина не доказчик* — стала употребляться угнетателями для грубого и властного подтверждения права делать со своим холопом все что угодно.

В среде господствующих классов создавались и новые пословицы, которые никогда ранее не были известны народу. Создание этих новых пословиц происходило в условиях, отличающихся от условий массового народного фольклорного процесса. Известно, что творческий процесс создания народных произведений немыслим вне массовой работы над отдельными произведениями большого множества людей.

Известно также, что фольклорные традиции поддерживаются и плодотворно развиваются лишь в условиях чисто народного их продолжения. Наконец, фольклорный процесс уступает место иным творческим процессам, как только на смену устности идут грамота и печать. Творческий процесс в среде господствующих классов принял свою особую форму в силу того, что вместо массы народа, коллективно из века в век разрабатывающей произведения фольклора, в качестве творцов предстала

незначительная по сравнению с остальной массой народа группа господ и хозяев жизни. Это резко сократило творческие возможности господствующих классов в жанре пословицы, нуждающейся во многократной шлифовке и отделке со стороны множества людей.

Узко классовое переосмысление и приспособление народных пословиц к новым нуждам вступило в противоречие с народными традициями и народной пословичной формой. Это также не могло пройти безболезненно для художественных качеств пословицы. Наконец, завоевания общественного прогресса позволили господствующим классам обратиться к иным формам художественного творчества, далеким от фольклорных.

Вместо народных пословиц в быту и общественной жизни господствующих классов все чаще стал употребляться тяжелый книжный афоризм. Церковные книги превратились в постоянный источник афористической мудрости. Тут уместно заметить, что тысячелетняя проповедь с амвона привела к тому, что и в среду народа проникло немало этих книжных афористических суждений.

Влияние особых условий на развитие антинародных пословичных суждений в основном коснулось той части пословиц, классовый смысл которых не вызывал сомнения и делал их неприемлемыми для народных масс. Во всех остальных случаях господствующие классы употребляли в своей речи пословицы и поговорки, созданные народом. Это допускал емкий смысл пословичных суждений, не касающихся классовых тем: таковы в большинстве случаев бытовые пословицы.

Подчиняясь народным традициям, в иных случаях представители господствующих классов могли принимать участие и в создании пословиц, которые затем входили в народный быт. Массы народа корректировали это творчество, удаляя из него все чуждое им. На развитие фольклора вообще и на пословичную поэзию в частности влияли сложные конкретные исторические условия. Много раз в истории нашей страны наступали такие моменты, когда решение общенародной, общенациональной задачи объединяло в одном стремлении на какой-то промежуток времени все классы и все слои общества. В этом случае народной пословицей мог стать афоризм, идущий от представителя любого класса, если только это суждение выражало всенародную цель и

оценку явлений с позиций всего народа, всей нации. Таковы, по-видимому, некоторые из пословиц о татарском иге.

Широкому распространению и долголетию пословиц немало способствовало то, что часть их, теряя свой прямой смысл, в новых жизненных условиях приобретала смысл переносный. При этом возрастала обобщающая сила пословичного суждения, его многозначность. Тем самым открывались все новые и новые возможности для самого широкого толкования пословиц в речи представителей самых различных классов и при разных обстоятельствах. Давно народ оставил лук; пищаль и винтовка пришли на смену древнему оружию, а еще долго помнили пословицу: *Изломанного лука двое боятся,* то есть и враг и хозяин. Какой различный смысл можно вложить в это пословичное суждение, приобретшее переносный смысл!

От пословиц, усвоивших переносный смысл лишь со временем, надо отличать пословицы, которые с самого начала возникли как суждения с исконным переносным значением. *В камень стрелять — стрелы терять* — эту пословицу никогда не понимали в прямом смысле. Ее и раньше относили к самым различным предметам и явлениям.

Почти каждая пословица с прямым смыслом имеет «потенциальные» возможности быть примененной и в переносном смысле. Однако надо иметь в виду, что в народной речи пословица никогда не употребляется в любом переносном смысле. *Сухая ложка рот дерет* — пословица открывает, казалось бы, огромный простор для толкований в переносном смысле, а в народной речи она употреблялась только по поводу одного конкретного случая — когда говорили о взятке и взяточничестве во всех его формах. Абстрактный подход к толкованию переносного значения пословиц народа недопустим. Их надо знать в конкретных толкованиях народных масс. Не случайно в «Толковом словаре» В. И. Даля и его собрании пословиц очень часто указывается, в каком смысле надо понимать ту или иную пословицу.

О чем бы конкретно ни говорилось в пословицах — это всегда обобщенная форма выражения мысли, но вместе с тем это конкретное поэтически-образное обобщение социально-исторического опыта народа. Образное

отражение действительности в пословице, как во всяком художественном произведении, нерасторжимо связано с эстетической оценкой разнообразных явлений жизни. Вот почему среди пословиц множество насмешливых и печальных, веселых и грустных, потешных и горьких, беззаботных и лукавых. Очень точно охарактеризовал эту черту народных пословиц В. И. Даль. О пословицах он сказал: это «свод народной премудрости и суемудрия, это стоны и вздохи, плач и рыдание, радость и веселье, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый».

Своеобразна и определенна форма пословицы. Ей свойственна ритмическая организация, особое звуковое оформление и композиционно-синтаксическое строение. Пословица кратка, в ней нет лишних слов, каждое слово весомо, содержательно и точно.

Так что же такое народная пословица? Суммируя все сказанное, можно дать такое определение пословице: это краткое, вошедшее в речевой оборот и имеющее поучительный смысл, ритмически организованное поэтическое изречение, в котором народ на протяжении веков обобщал свой социально-исторический опыт.

Яркую и точную характеристику пословицам дал сам народ. Он отметил меткость пословиц: *Пословица не даром* (или: *не мимо) молвится; Старая пословица не в бровь, а прямо в глаз;* их мудрость: *Глупая речь не пословица;* их правдивость: *Пословица правду всем говорит.* В пословице видели доброго советчика: *Пословица — всем делам помощница;* отмечали живучесть и долголетие пословиц: *Пословица век не сломится;* их краткость: *Есть притча*[1] *короче носа птичья;* их особый склад: *Глупая речь не пословица;* их связь с речью: *Красна речь пословицей.* Народ видел в пословичном суждении выражение общего мнения, не считаться с которым нельзя: *От пословицы не уйдешь.* Был отмечен и острый классовый смысл некоторых пословиц, которые безбоязненно указывали на пороки общественного строя, враждебного народу: *На пословицу ни суда, ни расправы —* мстить некому, пословица — живая молва тысяч людей.

[1] Так в старину называли пословицу.

Поговорка — это широко распространенное образное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление. В отличие от пословиц, к которым они близки по своей форме, поговорки лишены прямого обобщенного поучительного смысла и ограничиваются образным, нередко иносказательным определением какого-либо явления. Встречаются в речи такие выражения: *надоел как горькая редька, легок на помине, ни к селу ни к городу, благим матом, как снег на голову, за семь верст киселя хлебать, баклуши бить.* Это типичные поговорки — образные выражения, часто сравнения, лишенные характера законченного суждения и поучительности. Отличие поговорки от пословицы сам народ видит в том, что поговорка — это украшение речи — *цветок,* тогда как пословица — суждение полное, завершенное, зрелое — *ягодка: Поговорка — цветок, пословица — ягодка.* Это поэтическое сравнение говорит и о том, что народ видел близость пословиц и поговорок.

В живой речи поговорка часто становится пословицей, а пословица превращается в поговорку. Уже И. Снегирев, исследователь первой половины XIX века, отмечал, что «некоторые поговорки произошли от пословиц и, наоборот, например: *Чужими руками жар загребать»* [1]. В самом деле, это выражение есть типичная поговорка: это сравнение, уподобление. В речи оно используется как образное изображение любителя чужого труда: привык, мол, чужими руками жар загребать, но это выражение в зависимости от контекста может принять и вид общего суждения, законченного и завершенного, вынесенного уже не только по поводу какого-либо отдельного лица, а обо всех ему подобных, например: *Легко* (или *хорошо*) *чужими руками жар загребать* — и это уже пословица. В ней есть обобщающий синтезирующий смысл, законченность самостоятельного суждения.

Поговорки в силу своей особенности как образных выражений значительно чаще, чем пословицы, сближаются с языковыми явлениями. В поговорках больше, чем в пословицах, национального, общенародного значения и смысла. Поговоркам часто присущи все свойства языковых явлений. Таково выражение *свинью подложить,* то

---

[1] И. Снегирев, Русские народные пословицы и притчи, М., 1848, стр. XXX.

есть устроить кому-нибудь неприятность, помешать в каком-либо деле.

Происхождение этого выражения не без оснований связывают с военным строем древних славян. Дружина становилась «клином», наподобие «кабаньей головы», иначе — «свиньей», как называли этот строй русские летописи. Со временем был утрачен конкретный смысл, который это выражение имело в древности. Оно, подобно многим другим: *чур меня!, подвести под монастырь* и пр., — разделило судьбу языковых явлений, став характерным идиомом русской речи.

Древность пословиц и поговорок засвидетельствована первыми памятниками письменности. Рассказывая о прошлых временах, летописец писал об аварах-обрах, которые бесследно исчезли, оставив по себе недобрую память в «притчи»: *Погибоша аки Обри, их же нет ни племени, ни наследка.* Согласно летописи, князь Владимир, отказываясь принять веру магометан, сослался на шутливую пословицу: *Руси есть веселье пити, — не может без того быти. Не погнеши пчел — меду не едать; Мир стоит до рати, а рать до мира; Не идет место к голове, а голова к месту* — эти и еще несколько других пословиц — вот и все, что сохранила нам ранняя письменность из древней пословично-поговорочной поэзии.

Было бы, однако, неверно думать, что все древние пословицы и поговорки погибли для науки. Если В. Даль в первой половине XIX века мог записать несколько пословиц, древность которых засвидетельствована первыми памятниками письменности, то разве не допустимо, что среди тридцати тысяч русских пословиц и поговорок найдется немало таких, которые идут с далеких времен, хотя их древность и не подтверждена письменностью древней Руси?

Очень важно, что древние пословицы дошли до нас в почти неизмененной форме. Летописная пословица *Един камень много горьнцев избивает* почти точно повторена в записи В. Даля: *Одним камнем много горшков перебьешь.* Одна из «припевок» Бояна «Ни хитру, ни горазду — суда божья не минути» («Слово о полку Игореве») записана В. Далем как пословица в таком виде: *Ни хитру, ни горазду, ни богату, ни убогу — суда божьего не миновать.*

Изучение пословиц и поговорок показывает, что они неотступно следовали за историей народа и отмечали все

то новое, что вносила жизнь в быт и воззрения трудящихся масс.

Уже в XIX веке исследователи обратили внимание на то, что сквозь некоторые пословицы и поговорки прозрачно проглядывает эпоха, их породившая. По большей части это были пословицы и поговорки, связанные с конкретными историческими событиями, например: *Пусто, словно Мамай прошел*, или с древними обычаями, например: *Подавайся по рукам, легче будет волосам.* Происхождение этой пословицы таково. До середины XVI века существовал на Руси обычай решать судебное дело поединком на специально отведенном для этого месте. Соперники при свидетелях и под наблюдением судных мужей, наклонив головы, хватались за волосы и кто перетягивал, тот и признавался правым.

Пословица советовала мириться до поединка — *легче будет волосам.*

Однако сколько бы ни набралось таких пословиц, приуроченных к определенным историческим событиям и обычаям, их число всегда останется несоизмеримо малым по сравнению со всей остальной массой народных пословиц и поговорок. Проблема исторического изучения народных пословиц и поговорок не может быть решена приурочением отдельных пословиц и поговорок к определенным историческим событиям, обрядам и обычаям. Это уже понимали ученые прошлого века (например, Ф. Буслаев).

Дореволюционная фольклористика неоднократно делала попытки воссоздать историю развития пословиц и поговорок (И. Снегирев, Ф. Буслаев и др.), но эти попытки не были в целом удачными из-за ложности общих мировоззренческих принципов исследователей.

Историко-материалистический взгляд на развитие общества раскрыл широкие перспективы изучения пословиц и поговорок. Чтобы решить вопрос о том, когда появилась та или иная пословица, надо сопоставить ее с историей народа, его жизнью, бытом, обычаями и взглядами в каждый отдельно взятый период народной истории. При этом важно обращать внимание не только на то, о чем говорит пословица или поговорка, но и на то, как она говорит об этом. Так, пословица *Дом домом, а домовой даром* не может быть отнесена к языческим временам, хотя и говорит о весьма древнем веровании: то, как она

говорит о домовом, свидетельствует об угасании языческих верований, насмешке над ними.

Нередки также случаи, когда, возникнув в конкретных условиях одной эпохи, приобретя новый смысл, пословицы переходили в другую эпоху. Это значительно осложняет вопрос об историческом приурочении пословиц и поговорок.

В дошедших до нас древних пословицах отразились языческие верования и воззрения народа, но это не означает, что древние пословицы и поговорки вообще возникли как отражение языческих религиозных воззрений по преимуществу. Это означает лишь то, что пословицы, говорившие о быте, общественном и домашнем укладе первобытных людей, исчезали вместе с отмиранием старых порядков и обычаев скорее, нежели пословицы, говорящие о древних верованиях и суевериях: бытование таких пословиц и поговорок поддерживалось перешедшими из древности суеверными представлениями. *Кукушка кукует: горе вещует* — эта пословица, несомненно, восходит, к древнейшим языческим представлениям о том, что птичий крик может предвещать нечто роковое для человека. *Мать — сыра земля, говорить нельзя* — поговорка отзывается нетронутой верой в таинственные, то разрушительные, то благоприятные силы «живой» земли. *Вещий сон не обманет, Береженого коня и зверь в поле не берет, Ловит волк роковую овцу. Кричит, как леший* — древность этих и подобных им пословиц и поговорок может быть подтверждена всей системой понятий и представлений, вынесенных народом из языческих времен. Остатки язычества долго держались в среде народных масс и в эпоху средневековья. Пословицы отмечали разнообразие культовых и обрядовых отправлений в селениях и городах: *Во всяком подворье свое поверье.*

Насильственное крещение в христианскую веру легло рубежом в народном сознании и вызвало к жизни пословицу *Добрыня крести мечом, Путята — огнем.* Пословицы, появившиеся после крещения Руси, стали сочетать древнейшие языческие представления с новой верой — воедино соединились языческие боги и христианские святые: *Егорий и Влас — всему богатству глаз* (Егорий — христианский святой; Влас, Власий — языческий покровитель стад). В насмешку над старыми культовыми отправлениями, отличавшимися крайним разнообразием

в разных местностях, кто-то из новообращенных в христианскую веру сложил пословицу *Церкви не овины, в них образа все едины.* Однако и старая вера еще была крепка — пословица отмечала: *С камня лык не надерешь, аминем беса не отбудешь.*

Значительная часть дошедших до нас пословиц и поговорок сложилась в эпоху зарождения и развития феодализма в России, господства натурального феодального хозяйства, патриархального уклада жизни. Веками жили в народе пословицы и поговорки, отражавшие зависимость крестьянина от феодала-князя, от монастырей. Не менее четко выразилась в пословицах и поговорках непосредственная связь крестьянского труда с природой и зависимость от ее капризов, прочность сложившегося патриархального уклада в семье, в «мире» (общине).

В силу традиционности пословицы усвоили из прошлого известный запас наблюдений и выводов, дополнив их новыми фактами и суждениями. Несомненно, из эпохи, предшествующей созданию Киевского государства, народ вынес некоторые пословицы, которые говорили об уже сложившемся к этому времени патриархальном общественном и семейном укладе жизни. Пословица *Всякий дом на большую голову стоит* отмечала строгость и самый характер патриархального строя общественной и семейной жизни. В патриархальной семье мужчина был занят ратным делом, охотой, женщина — домашним хозяйством; тугой лук для хозяина то же, что коромысло для хозяйки: *Тугой лук — коромыслице, калены стрелы — веретеньица, Колчан пригож стрелами, а обед пирогами.* То же четкое разделение жизненных дел было и в общественной жизни: *Молодой на битву, а старый на думу* — каждому свое.

Старые пословицы еще помнят силу и могущество решения, вынесенного «миром» (общиной): *Мира никто не судит, Мир за себя постоит, Мир столбом стоит, Мира не перетянешь* и другие. Часть этих пословиц идет с древнейших времен, когда сельская община, объединявшая свободных крестьян, решала судьбу каждого и всех вместе взятых общинников. Старые пословицы о круговой поруке и о коллективной ответственности: *Все за одного и один за всех, Где у мира рука, там моя голова, Вор ворует, мир горюет; вор попал, а мир пропал, Один вор всему миру разорение* и другие — восходят к тем

временам, когда миряне несли общую ответственность за поступки каждого члена общины. Такие пословицы сопутствовали крестьянской общине во все времена ее существования. Мирские пословицы времени Киевского государства уже знают общину, основанную не на кровных отношениях общинников, а общину территориальную. Пословицы говорят: *От миру прочь — не мирянин, К миру приложился — головой заложился,* то есть возможен переход от одного «мира» к другому. Очевидно, уже в эти времена стала архаической поговорка о *роде-племени.*

Миряне-общинники эпохи феодализма находились в тягчайшей личной зависимости от господ. В эпоху сложившихся феодальных отношений крестьянство предстало как единая масса крепостных. В этих условиях община не только не гарантировала прав крестьянина, но и способствовала укреплению гнета феодалов.

Крестьяне, осознавшие свое бесправие, стали говорить: *Мирская шея толста (вынесет много), Правда не на миру стоит, а по миру ходит* и пр. Некогда могущественная сила мирского «приговора» теперь стала восприниматься как потерявшая свою власть: *Мир (сходка) что вода: пошумит и разойдется.*

Со времен «Русской Правды», отдававшей крестьян под власть бояр и князей, появилось много пословиц и поговорок о крепостничестве и крепостных порядках: *Муж крепок по жене, а жена крепка по мужу, По муже раба, по рабе холоп.* До самого конца XVI века крестьяне еще не были окончательно прикреплены к землевладельцу и земле: они имели право перехода от одного помещика к другому в так называемый Юрьев день. Защищаясь, как мог, крестьянин говорил: *Мужик — не тумак: знает, когда живет Юрьев день.* В 1581 году был наложен запрет на переход крестьян от одного помещика к другому, и другая пословица выразила мысли и чувства обманувшегося в ожиданиях крестьянина: *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.* Жестокий крепостной гнет, полное закабаление вызвали к жизни горькую пословицу о крестьянском бесправии: *Тело — государево, душа — божья, спина — барская.*

Собственность на землю и внеэкономическое принуждение давали феодалу возможность присваивать труд крестьянина. Формы этого присвоения были разными: сначала барщина, позднее оброк, натуральный и денеж-

ный. Барин стриг крестьянина *яко овцу* — не давая обрастать. Веками жила пословица о барщине: *Нужда учит, а барщина мучит.*

Круг барщинных работ был широким: пахота барской земли, сев, сбор урожая, порубка леса, выпас скота и пр. При барщине крестьянин был заинтересован в труде лишь на своем наделе, на барских работах этой заинтересованности не было — об этом весьма живописно рассказывает пословица: *День в день, а топор в пень; смотрю не на работу, а на солнышко* — не пора ли кончать? Позднее появились пословицы об оброке. Горькой правдой отзывается печальная крестьянская пословица *Одна была рубашонка, повесил на кол и тое тянут за оброк. Не шей дубленой шубы, оброку прибавят*, — советовал крестьянин соседу.

Крестьянин платил барину лютой ненавистью. *Были, были, и бояре волком выли* — то ли сулит, то ли вспоминает крестьянская пословица. А другая загадочно грозит расправой наедине: *Будет то, что и нам не помешает никто. Князья в платье, и бояре в платье; будет платье и на нашей братье* — раскрывает смысл угрозы третья пословица. *Пустить красного петуха* — сжечь — старая и хорошо знакомая крестьянину поговорка. Сознание своей силы никогда не покидало крестьянина, он говорил: *Мир заревет, так леса стонут (лес клонится).* Согласно крестьянскому взгляду, мужик-труженик — центр русской земли. Он кормит, поит, одевает всех: бояр, судейских чиновников, воевод, духовенство: *Не будет пахотника, не будет и бархатника.* Другие пословицы уточняют: *Белые руки чужие труды любят, Мужичьими мозолями бары сыто живут.* Множество народных пословиц и поговорок резко осуждает барские привычки, их нетрудовой, паразитический образ жизни.

Восточно-славянская народность рано осознала единство своего этнического облика, языка, общность исторических судеб своих племен. Первые государственные образования, самым могущественным из которых было Киевское государство, погибли. Единое Киевское государство распалось под ударами татар в результате усиления феодальной раздробленности на отдельные княжества, но оно оставило глубокий след в народной памяти. Киев с его первыми великими князьями остался в сознании народа как *Мать городов святорусских.* Живая молва сла-

вила родную землю: *Русь богатырская; Мать святорусская земля.* Богатство и мощь древнерусских городов вызывали чувство законной гордости. В народе ласково и с уважением говорили: *Господин Великий Новгород.*

Нашествие татарских завоевателей обострило чувство связи с родной землей. Многочисленные патриотические пословицы русского народа генетически восходят к эпическим временам жестоких боев древней Руси за свободу и независимость: *С родной земли — умри, не сходи, Своя земля и в горсти мила.* Народ жил высокими помыслами о родине, ее судьбах. До нас дошли пословицы, отразившие памятные события старины: *Бей сполох, татарин идет, Злее зла татарская честь* и другие.

Древняя Русь времени борьбы с татарским игом представляла ряд находящихся в сложных отношениях областных княжеств. Эта эпоха породила пословицы, отмечавшие дробность и разобщенность отдельных княжеств и областей: *Что город, то норов, что деревня, то обрядня, что двор, то говор, Что край, то обычай* и другие. В народе крепла мысль о необходимости объединения русских земель в единое централизованное государство. Жестокий опыт гибели Киевского государства, опыт неудачной борьбы отдельных княжеств с татарскими завоевателями без поддержки других княжеств, наконец, победа объединенных сил русского народа на Куликовом поле, исторический опыт соседних народов, не сумевших выстоять в борьбе из-за разделения страны на отдельные княжества, позволили народным массам сделать мудрый вывод: *Царство разделится, скоро разорится.* Начался поддержанный народными массами процесс объединения русских земель. Роль объединителей на себя взяли московские великие князья. Усиление московской великокняжеской власти шло навстречу начавшемуся в конце XVI и начале XVII века процессу действительного объединения русских земель на экономической основе. В эту эпоху сложились многочисленные пословицы, суть которых точно выражается следующей: *Все божье да государево,* то есть государь всея Руси должен владеть всей Русской землей. Москва становится в сознании народных масс оплотом самостоятельности и силы. О своей столице народ стал говорить так же, как некогда говорил о Киеве: *Москва — всем городам мать,* а об отдален-

ных селениях, городах и городках: *Наш городок — Москвы уголок.* Царь Иван Васильевич Грозный оставил по себе добрую память, несмотря на жестокий нрав, именно потому, что стоял за централизованное сильное государство, которое укреплял всеми силами. *Лучше Грозный царь, чем семибоярщина,* — говорил народ.

Процесс объединения земель шел неровно, с переменным успехом то бояр-удельников, то царя. Ниспровержение старых, древних боярских родов и выдвижение новых, незнатных людей дало основание иронически заметить: *Добр был князь, да ввалился в грязь* и наоборот: *Взят из грязи, да посажен в князи.* Эта эпоха оставила после себя много пословиц и поговорок. Еще долго, спустя десятилетия после царствования Ивана IV, когда кто-либо хотел сказать, что я, мол, не поддамся тебе, он говорил: *Ты мне опричнина, да лих я тебе не земщина!*

В последующие столетия, как свидетельствуют пословицы и поговорки, созданные в эпоху Петра I, Отечественной войны 1812 года, народ одобрял борьбу России за укрепление национальной государственности, независимости и свободы. *Погиб, как швед под Полтавой* — говорили о роковой неудаче Карла XII в Полтавском бою. Война 1812 года, всколыхнувшая Россию, породила множество патриотических пословиц: *На француза и вилы ружье, Голодный француз и вороне рад* и другие. Осуждая завоевательные войны, трудовой народ сурово предупреждал агрессоров: *Русский не шутит ни с калачом, ни с мечом, Русский терпелив до зачина.*

Было бы, однако, грубой ошибкой представлять отношение народных масс к княжеской и царской государственной власти только по этим пословицам. История русского народа — это история кровавой борьбы трудящихся против социального гнета и тех порядков, которые были выгодны угнетателям. Эти порядки и гнет поддерживало классовое государство феодалов и шедшей им на смену буржуазии.

Уже древние пословицы отмечали столкновение классовых интересов горожан на вечевых собраниях: *На одном вече, да не одни речи.* Эта же противоположность классовых интересов резко подчеркнута многочисленными крестьянскими пословицами, например, такими, как *Барин за барина, мужик за мужика.* Крестьянин с горечью

заключал, оглядываясь окрест: *Велика святорусская земля, а правде нигде нет места. Правда на небо улетела* — говорит другая пословица.

Уже во времена Ярослава Мудрого в народе жила печальная пословица, отмечавшая бесправие угнетенного: *Холоп на боярина не послух* (не *доказчик* — поясняют другие варианты): холоп в полной власти боярина, и тот может поступить с ним так, как захочет, ведь перед судом не докажешь. *Где суд, там и неправда, В суде убогий с богатым, хотя прав, бывает виноватым* — таков вывод, который рано сделал народ, наблюдая обычаи и нравы судопроизводства.

На древней Руси долго помнили князя Дмитрия Шемяку (умер в 1453 году), чинившего произвол и самоуправство. *Шемякин суд, Шемяка-кривосуд* — говорили кратко и определенно про неправедных царских и княжеских судей. Имя Шемяки стало прикрепляться ко всякому корыстолюбивому судье, а таких было немало. *С кого судья взял, тот и прав стал, Скорее дело вершишь, коли судью подаришь* — говорят пословицы. Какое уж тут правосудие и какая уж тут истина! *Дари судью, так не посадят в тюрьму, Мздою, что уздою, обратишь судью в твою волю.*

Свой счет предъявил народ воеводам — злонравным и высокомерным стражам существующего государственного и общественного порядка. В своих пословицах народ нелестно уподобил воеводу лошади: *Лошадь любит овес, земля — навоз, а воевода — принос. Воеводой быть, без меду не жить* — характеризует сладкое воеводино житье другая пословица. Воевода ставил на первое место свое собственное благополучие; ироническими пословицами отозвался народ на обычай воевод грабить вверенные их попечению города: *Мышь в коробе, как воевода в городе, Помути, бог, народ, накорми воевод.* Так-то сказать об «отце-благодетеле» целого края и града! Пословицы недвусмысленно намекали на корыстолюбие воевод, радующихся ссоре, тяжбе (воевода наживался на суде-расправе): *Люди ссорятся, а воеводы кормятся, На мир беда, а воеводе — нажиток.* Народ знал, сколь тяжело было бороться с поставленными воеводами, на их стороне все: власть, суд, расправа, есть и крепкие затворы для тех, кто упорствует. *На воеводу просить,* — говорит пословица, — *что в тюрьму идти.*

Народная сатира становилась неистощимой, когда касалась дьяка, подьячего, приказного. *Дьяк у места, что кошка* (или: *кот*) *у теста, Подьячим и на том свете хорошо: умрут — прямо в дьяволы произведут, Подьячего бойся и спящего: притворяется, Вор виноват, а подьячий мошне его рад, Бог сотворил два зла: подьячего и козла* — насмехался народ и обобщал, имея в виду всех чиновников: *Бойся худого локтя да светлой пуговицы.*

Судьи, воеводы, дьяки и подьячие воспринимались народом как представители государственной власти, враждебной крестьянину, мелкому ремесленнику-горожанину, однако долгие столетия понадобились народным массам, чтобы сделать последний и окончательный вывод, что вся система политического и общественного уклада феодального государства сверху донизу враждебна интересам угнетенного.

Веками в среде народа жили надежды на государственную царскую власть, которая покарает всех неправедных судей, бояр, князей, чиновников и облегчит положение народа. *Коли все миром вздохнут и до царя дойдут* — говорила пословица. Народным массам казалось, что *царские милости в боярском решете сеются,* что *Не ведает царь, что делает псарь,* что бояре *царя застят, народ напастят.* Тем не менее народная сатира иной раз достигала и царских палат. Не жалуясь, а просто печально устанавливали пословицы тот факт, что крестьянин опутан сетями царской, боярской и поповской власти, что нечего и помышлять найти через царя управу на местных властей: *Бог — высоко, а царь — далеко.*

Нещадно бичевал народ служителей культа, видя в них невежественных, глупых и жадных угнетателей, тех, кто, подобно прочим угнетателям, сидел *на его горбе: Поповские глаза завидущие, а руки загребущие, Первую мерлушку попу на опушку. Богу — слава, а попу — каравай сала* — ядовито замечала народная пословица.

Крестьянин видел, что духовенство наживалось на всем: *Родись, крестись, женись, умирай — за все денежки подай.* Поп наживался на крестьянском горе: *Кому тошно, а попу в мошно.* Особенно много панихид, а следовательно, даров-доходов было у попа в день поминовения родителей — в Дмитриеву субботу (26 октября).

Крестьянин иронически замечал: *Не всегда поповым ребятам Дмитриева суббота.*

Еще беспощаднее был крестьянин к монаху. По мнению крестьянина, в монахи шли не по призванию: *Не для Исуса, а ради хлеба куса, Есть деньги, так в свайку; нет денег, так в схиму.* В иных монастырях монахи жили весело и вольготно, что не подобало строгим монастырским уставам. Народные пословицы не преминули обратить на это внимание: *Игумен за чарки, братья за ковши. Монах — не кот, молока не пьет,* — нарочито простодушно замечал крестьянин и, уже не скрывая лукавства, заканчивал: *а вина только подавай.* Зависимость от крупных монастырских землевладений наводила крестьянина на мысль: *Монастырщина, что барщина;* он не делал различия между помещиком — крепостником и помещиком духовным.

Сложным было отношение русского крестьянина к богу и религии. В своей основе русский народ чужд религиозности. Это народ с ясным, не затемненным религиозностью сознанием. Об этом весьма красноречиво говорят пословицы: *Гром не грянет — мужик не перекрестится* (сама пословица свидетельствует о том, как «крепко» верил мужик в бога), *Богу взывай, а руки прикладай, Богу молись, а к берегу гребись, Бог-то, бог, да сам не будь плох, Кто рано встает, тому бог подает.* Все эти пословицы могли сложить люди, знавшие, что вера верой, а труд трудом: не приложи рук — и бог не поможет. Тем не менее в некоторых пословицах народа выражено упование на божескую милость и щедрость его в раздаче жизненных благ. И все же некоторые из пословиц дерзали иронизировать над небесами: *Где просто, тут ангелов со сто, а где мудрено, тут нет ни одного, Говори: господи, подай, а сам руками хватай.* По-видимому, как ответ кому-то из сильных мира сего, сославшемуся на божье наказанье, крестьянин сложил пословицу: *Бог за оброки не бьет в боки.* Большинство из пословиц, сложенных в эпоху феодального средневековья, перешло в новый период русской истории (начиная со второй половины XVII века). Это объяснялось не только тем, что со времени феодального средневековья в общественно-экономической жизни уцелела нетронутой значительная часть общественных институтов, порядков и законов, но и тем, что уже в недрах старого, средневекового феодального общества зародились и прогрессировали элементы капиталистических отношений. Они своим подспудным развитием

расшатывали старые жизненные устои особенно сильно в XVIII—XIX веках. Разрыва между феодальным средневековьем и новым периодом не было, тем не менее новая эпоха изменила во многом содержание народных пословиц и поговорок, так как время изменяло образ жизни и облик народных масс.

Весь ход экономического развития толкал Россию на путь капитализма. Усиленно развивается внутренняя торговля, устанавливаются новые пути сообщения, укрепляются крупные города, складывается внутренний российский рынок.

Крепостнические порядки тормозят развитие капитализма, но под его напором сдают одну позицию за другой, и, наконец, в 1861 году правящие классы должны были отменить крепостное право. В многочисленных пословицах отмечен факт проникновения капиталистических товарно-денежных отношений в крепостную, а после 1861 года в пореформенную деревню; городские пословицы и поговорки свидетельствуют о развитии этих отношений в городе.

Почти все дошедшие до нас пословицы о торгово-денежных отношениях, о рынке, о займах относятся к этому периоду и отражают те социально-экономические изменения, которые внесла эта эпоха в жизнь крестьян и горожан.

Уже в раннем средневековье город выступал носителем товарного производства в отличие от деревни с ее натуральным хозяйством. Городское население состояло из ремесленников и торговцев. Феодальной формой ремесла были так называемые цехи с их строгой регламентацией производства, с теми отношениями, когда мастер превращал ученика и подмастерья в наемного работника. От этой эпохи до нас дошло немало пословиц и поговорок, говорящих о социальном неравенстве и эксплуатации: *Швецу гривна, а закройщику рубль, Портной без кафтана, сапожник без сапог, кузнец без топора, а плотник без дверей* и другие. *Я не на выучке, а ты не закройщик,* — говорил горожанин, когда хотел защитить свое достоинство, честь, независимость.

Цеховые мастера ревниво охраняли свои права, чиня разные препятствия ученикам и подмастерьям, стремящимся стать полноправными членами цеха. Об этом говорят пословицы: *Знай, чеботарь, свое кривое голенище,*

а в закройщики не суйся, За стрижку в закройщики не ставят и другие.

Цеховой организации в ремесле соответствовали организации гильдий в торговле. В России гильдии существовали с XII века. Купеческие гильдии — чуждые трудовому народу организации. Поэтому они не получили сколько-нибудь значительного отражения в народных пословицах, но с купцом и порядками, установленными в гильдиях, народ не мог не сталкиваться, поэтому косвенное отражение в пословицах феодальные гильдии все же нашли. *Что край, то обычай; что купец, то мера* (пословица еще помнит время, когда единых мер и весов не существовало). Гильдии ставили своей задачей борьбу за упорядочение мер и весов, и скоро появилась пословица *В цене купец волен, а в весе* (или *в мере*) *не волен.*

Торговля в раннем средневековье была сопряжена с борьбой против посягательств феодалов, против разбоя. Множество пословиц приравнивает торговлю к войне: *Одно взять, или воевать, или торговать.*

Рост городов и развитие торговли в новый период русской истории оказывали самое сильное влияние на феодальную деревню. *И дорогой товар из земли растет* — замечает пословица; *Без денег в город, сам себе ворог* — добавляет другая. Крестьяне, переводимые на денежный оброк, все теснее связывали свое существование с местным рынком, базаром, ярмаркой.

Вступление на путь товарно-денежных отношений, превращение крестьян в товаропроизводителей отразились в тысячах и тысячах народных пословиц, проницательно вскрывающих безжалостные законы рынка, сначала разоряющего, а затем губящего. Это подлинная трагедия сильного и мудрого народа, бьющегося в сетях новоявленного господина-рубля. *Алтын сам ворота отпирает и путь очищает, Денежка не бог, а полбога есть, Деньги — крылья, Деньгам все повинуется* — говорят пословицы. А как эти деньги достать? Цены на товары непрерывно меняются независимо от воли и сознания людей: *Не всегда кормит обоз, иногда кормит и воз,* то есть *Мало в привозе — много в запросе, На торгу деньга проказлива, Деньга торгу — большак, Собою цены не уставишь, Базар цену скажет.* Рынок разоряет, губит, судьбы товаропроизводителей зависят от судьбы их товаров: *Торг — яма; берегись — не ввались; упадешь, совсем пропадешь.*

Вместе с тем в пословицах и поговорках о товарно-денежных отношениях много наивного, незрелого. *Вольнее торгу нет,* — говорил иной раз крестьянин и ремесленник-горожанин. Не понимая сути товарно-денежных отношений, он приписывал деньгам особые свойства, только им присущую власть: *Деньга деньгу достает (зовет, родит, кует, добывает)*. Этот «товарный фетишизм» — овеществление производственных отношений — смыкался с религией: *Цену бог устанавливает.*

Переход от феодального способа производства к капиталистическому повсюду происходил путем расслоения мелких товаропроизводителей, из числа которых выделились капиталистические предприниматели. С другой стороны, купцы предприняли попытку подчинить себе производство. Разоряющиеся мелкие производители попадали в зависимость от обогатившихся мастеров и купцов. Последние действовали путем разнообразных кабальных ссуд, долговых обязательств, скупки за бесценок готовых товаров. В пословицах XVII—XIX веков с потрясающей силой изображена власть заимодавца над должниками. *Взял у черта рогожу, отдать будет и кожу,* — кляли пословицы заимодавца, — *Нужда — мизгирь, а заемщик, что муха, Должища, что печища: сколько ни клади дров — все мало, Долг не ревет, а спать не дает, Взял лычко, отдай ремешок, Заимодавец — удавец* и другие.

Развитие денежных отношений вело к расслоению крестьян. Деревенская масса нищала. Вместе с тем появляются кулаки-мироеды, «богатые мужики». Пословицы не замедлили откликнуться на это новшество в жизни деревни: *У богатого мужика все в долгу, Мужик богатый, что бык рогатый, Середка сыта, да концы бунтуют* и другие.

Так в недрах феодального строя зародились капиталистические отношения. Реформа 1861 года, проведенная помещиками, была массовым насилием над крестьянством в интересах нарождающегося капитализма в земледелии. В России усиленными темпами стал развиваться капитализм. Пословицы отмечали победоносное шествие новых, капиталистических отношений, торжество их над феодализмом: *И барину деньга господин, Кто кого сможет, тот того и гложет.* Торжество голого расчета, денежного чистогана над патриархальными отношениями пе-

чалью отмечает пословица: *Бедный от богатого невинно погибает, а богатый совесть из людей мешками выгоняет.*

Пословицы рисуют бедственное положение народившегося рабочего класса: *Кто на бумагопрядильне стоит, тот, как свеча, горит, На заводе ад, а кругом смрад.*

Пословицы проницательно указывают на экономическое принуждение как новую форму классовых отношений в обществе, рвущем с внеэкономической феодальной зависимостью работника от господина: *Не кует железа молот, кует кузнецов голод.* Пословицы и поговорки той поры, когда рабочий еще не осознал своих классовых целей и путей к революционному преобразованию общества, исполнены отчаяния и трагизма: *Золото добываем, себе могилу копаем, В забой пойдешь — под бой попадешь* и другие.

Увеличилась эксплуатация, вырос социальный гнет, — вековые крестьянские пословицы, и ранее зло смеявшиеся над господами, наполнились новым гневом. Зловеща в своей иронии пословица: *Мы и в аду будем служить на бар: они будут в котлах кипеть, а мы дрова подкладывать.*

Ожидание свободы, сопутствовавшее народу на всем протяжении его борьбы за свободу, дошло до такого нетерпения, что ближайшая весна казалась началом новых, лучших времен: *В те поры жди свободы, как сольют воды.* За этим ожиданием должно было последовать массовое народное движение.

Годы массовой революционной борьбы раскрыли трудящимся глаза на их положение в капиталистическом обществе. Идеи социализма стали проникать в сознание народных масс. В пословицах и поговорках выразился великий опыт 1905 года, помогший победить в социалистической революции. *Ко дворцу шли просители, от дворца шли мстители* — говорилось о 9 января. *Боже, царя возьми, он нам не нужен* — иронически переиначили слова царского гимна. Захват рабочими фабрик и заводов в 1905 году запечатлен в иваново-вознесенской пословице: *Фабрика-то Кунаева, а порядок на ней Дунаева.* Поражение движения 1905 года, виселицы и ссылки не сломили революционной воли народа. *Дальше солнца не сошлют, хуже человека не сделают* — говорит пословица. Вскоре разразилась новая революция, которая смела всех господ.

В народных пословицах и поговорках отразился не только «большой» мир важнейших общественных отношений, но и мир «малый» — жизнь частная, отношения людей друг к другу в патриархальной крестьянской семье и домашняя жизнь горожанина. Сватал ли крестьянин или ремесленник сына по древнему чину и обычаю, выдавал ли замуж дочь, разбирал ли ссору родственников, наказывал ли вора, решал ли «миром» вопрос о межах, бился ли об заклад, что докажет свою правду, платил ли подать, трунил ли над стряпухой за столом в праздник, сокрушался ли о здоровье близких, размышлял ли о скоротечности жизни — на все случаи была готова пословица. В одних обстоятельствах она утешала, в других — распаляла гнев, а в третьих — печалила. То бесшабашно-веселая, то иронически-насмешливая, и постоянно меткая, наблюдательная, пословица нерасторжимо соединилась с частным бытом и обыденной жизнью людей. Основные особенности и исторические противоречия народного сознания в полной мере сказались и в пословицах, отразивших этот «малый» круг жизни народных масс.

Тяжелый быт старой деревни и городской окраины породил пословицы и поговорки гуманистического склада. В них отразился светлый взгляд народа, тяготившегося дикими патриархальными обычаями и порядками. В основу своих нравственных представлений народ положил понятие о труде, без которого он не мыслил жизни. По убеждению крестьянина, хорошая семья та, в которой от хозяина пахнет ветром, а от хозяйки — дымом: От *хозяина чтобы пахло ветром, от хозяйки дымом. Хозяйкой дом стоит,* — благодарно говорил крестьянин о жене. Он любил труд и уважал того, кто умел трудиться: *Дело мастера боится, На ловца и зверь бежит.* Крестьянин и горожанин советовали каждому: *Куй железо, пока горячо, Лес сечь — не жалеть плеч.* Беспощаден народ в своих насмешках над ленью, болтливостью, работой без догадки и сметки: *Работа с зубами, лень с языком.*

Но не все пословицы таковы. Старый быт деревни и города породил и другие пословицы, в которых как бы освещались вековые устои патриархального уклада жизни. Эти пословицы учили покоряться. *Плетью обуха не перешибешь, Уши выше лба не растут* — гласила вековая премудрость, обращенная на укрепление нерушимой ста-

рины. Эти пословицы учили глядеть на труд, как на позорное занятие, и хотя много было правды в пословице *От работы не будешь богат, а скорее будешь горбат,* но все же в этой пословице была лишь часть правды. Другая правда была в том, что труд красил человека, укреплял его душевные силы, его готовность постоять за себя. И именно это имел в виду народ, когда говорил: *Работа да руки — надежные в людях поруки, Труд человека кормит, а лень портит, Труд все побеждает.* Это противоречие пословично-поговорочной поэзии порождено самой жизнью.

Особое место в истории пословично-поговорочного жанра занимают пословичные суждения советской эпохи. Крылатая пословица и меткая поговорка и сегодня сопутствуют нашему народу во всех его делах и начинаниях. *От ленинской науки крепнут разум и руки, Кто не горит, тот коптит, Кто не работает, тот не ест* — в этих пословичных суждениях выражена самая суть нашего социалистического общества с его новой моралью и новым жизненным укладом.

В поговорки и пословицы советской эпохи вошло большое число метких и выразительных афоризмов книжного происхождения, созданных известными нам лицами. Так, афоризм *Кто не горит, тот коптит* принадлежит писателю Н. Островскому. В народном сознании сохранились слова политрука Клочкова-Диева, в числе двадцати восьми героев-памфиловцев защищавшего подступы к Москве, когда немецко-фашистские армии подошли к нашей столице: *Велика, друзья, Россия, а отступать некуда — позади Москва!* С годами число таких пословиц-афоризмов отдельных лиц продолжает увеличиваться. Это весьма характерное явление советского фольклора.

Вместе с тем интенсивно идет процесс создания новых пословиц и поговорок в традициях старого фольклора: *Видит Москву фашистское око, да зуб неймет, На героя и слава бежит* и другие. За этими пословицами легко угадываются те, видоизменением которых они являются.

Старые пословицы и поговорки благодаря своему емкому смыслу в полной мере сохраняют свои права на употребление и в речи советского человека. Однако новая эпоха не прошла бесследно и для этих пословиц. Здесь по крайней мере можно отметить два главных процесса: процесс переосмысления и даже прямой «поле-

мики» со старым текстом (*Если по-русски скроен, и один в поле воин*) и процесс расширительного переносного толкования пословиц, ранее употреблявшихся лишь в прямом смысле или в узком переносном значении.

Старую пословицу *Барская хворь — мужицкое здоровье* и сегодня можно услышать, но, разумеется, не в прямом смысле, а в переносном и в весьма расширительном толковании. Этой пословицей, как правило, подтверждают общую мысль о различии привычек и свойств разных людей. Обобщающая сила многих старых пословиц необыкновенно возросла.

Все эти явления не есть что-то новое в истории пословично-поговорочного жанра. Об этом знали еще ученые прошлого века. «Сколь часто одна и та же пословица, прошедши сквозь несколько веков и чрез разные места, — писал И. Снегирев, — облекалась в разные формы, переиначиваясь в словах и в строении речи, там сокращалась, здесь распространялась, там относилась к одному, здесь к другому предмету, там принималась в собственном, здесь в переносном смысле. Как в народе, так равно и в... пословицах, представляется смесь древнего с новым, коренного с прививным, отечественного с чужеземным, городского с сельским. Из этой смеси разных элементов сложилось органическое целое»[1]. Верные слова!

Нам остается остановиться на весьма интересных и наиболее жизнестойких пословицах и поговорках, возникших в результате наблюдений над всеобщей диалектикой жизни. Эти пословицы и поговорки живут и будут жить сотни лет. Их долговечность кроется в сущности их как необыкновенно емких общих суждений, которые можно отнести к самым различным сторонам жизни: и к социально-историческим и к бытовым явлениям.

Эти пословицы — отстоявшийся сгусток народной философской мысли. Они говорят об особенностях явления и неотъемлемости его сущности: *Не бывать калине малиною,* о совмещении в одном явлении положительных и отрицательных качеств: *Палка о двух концах,* об учете конкретных обстоятельств места и времени: *Дорого при пожаре ведро воды, а при скудости — подаяние.* Эти пословицы толкуют о взаимной зависимости и

---

[1] И. Снегирев, Русские народные пословицы и притчи, М., 1848, стр. V.

обусловленности явлений: *Каков сад, таковы и яблоки,* о последовательности явлений, которую не изменить: *Всякому овощу свое время,* о всеобщем развитии и постоянном изменении: *Время переходчиво.*

Эти и другие пословичные суждения поражают глубиной при всей своей внешней незатейливости, обыденности примеров, данных в подтверждение общей пословичной мысли. Эти пословицы в особенности удачно сочетают широту обобщений с конкретностью и наглядностью отдельных фактов и примеров.

Пословицы этого типа — практическая народная философия, итог великой творческой работы народного сознания. В этих пословицах есть то отчетливое практическое понимание сложной объективной диалектики жизни, которая была познана наукой и развернута в целую научную мировоззренческую систему много веков спустя после того как горожанин, глядя на разрушения опустошительного пожара, сказал, обобщая: *Мала искра города пожигает, а сама прежде всех погибает. Мельница не по ветру, а против ветра мелет,* — говорит пословица, и тот, кто вдумается в нее, не может не заметить, что мысль народа искала форм выражения общего суждения о столкновении жизненных противоречий.

Таковы лишь некоторые существенные черты русских пословиц и поговорок, сопутствовавших народу на протяжении всей его истории. Народные пословицы и поговорки являются замечательными историческими свидетельствами-«первоисточниками», на основании которых можно смело делать выводы о характере народного мировоззрения и тех изменений, которые происходили в народе под влиянием действия социально-экономических причин.

Разнообразный материал пословиц и поговорок позволяет судить и о том круге явлений общественной жизни, который был известен народу, и о том, как и по какой причине народные трудовые массы осуждали или высоко оценивали то или иное общественное явление.

Из всего сказанного следует, что большинство пословиц и поговорок происхождением обязано непосредственному жизненному социально-историческому опыту народных масс. Это первый и основной источник народных пословиц и поговорок.

Некоторая часть пословиц и поговорок не возникла из непосредственного наблюдения над жизнью и имеет своим

источником художественное творчество предшествующего времени. Речь идет о тех пословицах и поговорках, которые произошли от сказок, преданий и устных анекдотических рассказов. Ученые, исследовавшие пословицы такого типа, назвали их «баснями в малом объеме» (Ф. Буслаев), «пословицами-побасенками» (Е. Ляцкий).

В своих «Лекциях по теории словесности» А. А. Потебня показал образование такого типа пословиц из басен, анекдотов и сказок. Таковы, например, пословицы: *Куда конь с копытом, туда и рак с клешней, По моему прошению, по щучьему велению, На тате шапка горит, а тать хвать за нее.* Можно еще назвать пословицы и поговорки: *Битый небитого везет, Нос вытащит, хвост увязит, хвост вытащит, нос увязит, Мне места немного надо: сам на лавочку, а хвостик под лавочку, Палкой подпоясан, мешком подпирается.* Эти пословицы и поговорки являются как бы итогом, выводом из широко известного предания, сказки или анекдота.

«Пословицы-побасенки» такого типа живут до тех пор, пока помнят предание, устный рассказ или сказку, с которыми пословица связана. Забываются сказки, предания, анекдоты — уходят из речи и связанные с ними пословицы; очень редко они оказываются способными жить самостоятельно, в крайнем случае они превращаются в поговорки. Такова, например, поговорка о Емелиной неделе. Болтуна и враля, когда он совершенно заврется, люди останавливают выражением *Ну, мели, Емеля, твоя неделя!* Эта поговорка могла быть первоначально связана с каким-то популярным, а теперь забытым рассказом, анекдотом или сказкой. Первоначальный полный законченный конкретный смысл этих суждений забылся, осталось лишь выражение.

Другие пословицы оказались заимствованными из книжной литературы. В русском народе под влиянием вековой религиозной пропаганды ходило немалое количество изречений из церковных книг. Таковы пословицы *Богат бог милостью, Не рой ямы другу, сам в нее попадешь.* Из библии было заимствовано изречение *Господь даде, господь и отья;* оно было переведено с церковнославянского языка на русский: *Бог дал, бог и взял. Кость от кости, плоть от плоти* — так говорится об идейном и кровном родстве. Это выражение заимствовано из библии

(Книга первая Моисеева «Бытия», гл. 2, 23). *Краеугольный камень* — выражение заимствовано из Книги пророка Исаии (гл. 28, 16), *Книга за семью печатями* — из Апокалипсиса (гл. 5, 1—5). Эти примеры можно множить.

Поток книжных изречений увеличился с появлением светской художественной литературы. Особенно велика была заслуга образцовых русских писателей, которые, подобно И. А. Крылову и А. С. Грибоедову, создавали свои пословицы и поговорки по образцу народных. *Ай, Моська, знать она сильна, что лает на слона, Как белка в колесе* (И. Крылов); *Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев и барская любовь, Умеренность и аккуратность* (А. Грибоедов); *Обычай — деспот меж людей, У разбитого корыта* (А. Пушкин). Большинство из этих книжных пословиц и поговорок тесно связано в сознании людей с определенными художественными произведениями и образами писателей.

В число народных пословиц вошли заимствования не только из русской литературы, но и заимствования из литературы зарубежной. Такова, например, поговорка *А король-то голый* (из сказки Ганса Христиана Андерсена «Новое платье короля»).

Нередко можно услышать в разговоре выражение *Башмаков еще не успели износить.* Этим выражением-поговоркой подкрепляют суждение о том, что вот еще так мало времени прошло с какого-либо памятного события, а человек уже изменился во взглядах, убеждениях и намерениях. Эта крылатая фраза принадлежит Гамлету, герою одноименной трагедии В. Шекспира.

Выражения: *Ведь я червяк в сравнении с ним, Гора родила мышь* — также занесены в русскую речь из-за рубежа. Первое принадлежит Пьеру-Жану Беранже (из стихотворения «Le sénateur», в переводе В. С. Курочкина «Знатный приятель»), второе заимствовано из басни Эзопа (VI в. до н. э.), известной в переделке одного из римских баснописцев.

Общение разных народов, общественно-политические и культурные связи привели к широкому распространению одних и тех же пословиц и поговорок у разных народов. Такова, например, пословица *Рука руку моет,* идущая из древнего Рима (*Manus manum lavat*). С незначительными изменениями она вошла в речь французов: *Une main lave l'autre,* англичан: *At court one hand will*

wash the other, немцев: *Eine Hand wäscht die andre.* Такова и поговорка *В мутной воде рыбу ловить,* она встречается у многих европейских народов.

Особенно много сходных пословиц у русского народа с другими славянскими народами. Эта общность объясняется не только вековыми культурно-историческими связями, издавно существовавшими между славянами, но и их родственно-племенными отношениями: такие пословицы — общее наследство древних эпох, когда славянские племена жили одним этническим единством. Такова пословица *В добрый час молвить, а в худой помолчать.* Она встречается у многих славянских народов, и нет оснований считать, что это пословичное суждение возникло у них под влиянием русского фольклора или русская пословица — под влиянием фольклора иного народа. Вера в «худой» и «добрый час» издавна была свойственна всем славянам. Пословица восходит к глубокой старине. Такова же и пословица *Береженого и бог бережет* или пословица *С чужого коня среди грязи долой.*

От этих пословиц надо отличать те, которые свидетельствуют о позднем взаимном влиянии поэтических культур славянских народов друг на друга. Такова, например, пословица *Голодный и патриарх хлеба украдет.* Помимо русского народа, она встречается у сербов. Эта пословица возникла после принятия христианства, и существование ее у разных народов можно объяснить лишь культурно-историческими взаимными влияниями славянских народов.

Ученые прошлых эпох многое разъяснили в этом вопросе, давая сравнительно-исторический анализ пословиц и поговорок разных славянских народов.

Образность пословиц и поговорок отличается от образности былин, сказок, песен, других жанров фольклора. Принципы создания образа в пословице и поговорке связаны со спецификой пословично-поговорочного жанра.

Пословица предельно кратка, она выражает общее суждение в одном предложении. Не давая развернутого изображения явлений жизни, пословица находит свои специфические, предельно емкие и меткие образные формы.

Одной из распространенных форм выражения общего отвлеченного суждения в пословицах является иносказательная передача его через единичные факты, явления

или действия. Такова образность пословицы *От яблони — яблочки, а от сосны — шишки.* Пословичный образ служит здесь не для выражения только данного изображаемого факта, только данной конкретной ситуации или действия, но для выражения более общей мысли. Эта общая мысль раскрывается при переносном иносказательном толковании образов пословицы. Суждение потеряло бы свое значение, если бы пословица воспринималась буквально, в своем прямом смысле.

Для выражения мысли пословицы прибегают к аналогиям с единичными фактами, действиями и явлениями, воспроизводящими и подтверждающими общее суждение. Создавая пословицы, люди стремились найти наиболее ясные, всеми признанные, очевидные причинно-следственные отношения реальных явлений, чтобы сделать общую отвлеченную мысль понятной каждому.

И в нашем случае очевидное, не требующее доказательств положение: от яблони рождаются яблоки, а от сосны — шишки — подтверждает правильность общего суждения: за одними жизненными явлениями следуют только такие, которые находятся с первыми в определенных причинно-следственных связях, и не могут следовать иные. Конкретный факт поднимается до широкого обобщения, выходящего далеко за пределы данного конкретного суждения.

В предельно простых конкретных примерах и ситуациях пословицы воспроизводят сложнейшую диалектику многообразных бытовых, социальных отношений людей друг к другу и их отношений к действительности.

Однако не все пословицы прибегают к общей иносказательной образности. Многие пословицы употребляются и в прямом значении слов. Это другая форма выражения общей отвлеченной мысли в пословицах и поговорках. Таковы пословицы *Без хозяина дом — сиротинка, По платью встречают, по уму провожают* и другие. Принцип создания образа в таких пословицах отличается от предыдущего. Не прибегая к о б щ е м у иносказанию, к переносному значению в с е г о суждения, пословица использует образные возможности о т д е л ь н ы х слов, взятых в переносном значении. *Отца с сыном и царь не рассудит* — образность в этой пословице, избравшей общую форму суждения, основана исключительно на синекдохе (произведена замена множества единичными явлениями:

говорится об одном отце и сыне, а разумеются все сыновья и отцы, которые спорят).

Пословицы и поговорки такого типа используют самые разнообразные формы иносказательной образности отдельных слов и выражений. Излюбленным изобразительным приемом в пословицах является употребление собственных имен: *У нашего Андрюшки нет ни полушки, У нашей Пелагеи все новые затеи.* Это вид той же синекдохи. В пословице: *Хмель шумит — ум молчит* использована форма олицетворения. Множество пословиц прибегают к простым и развернутым сравнениям: *Голод — не сосед, от него не уйдешь, Девка красна в хороводе, как маков цвет в огороде.*

Нередко образность пословиц с прямым смыслом создается посредством метонимий и метафор. В пословицах: *Один с сошкой, а семеро — с ложкой, Сытое брюхо к ученью глухо* — произведена замена одних понятий другими, имеющими тесную связь с замещаемыми (вместо крестьянина-пахаря — тот, кто *с сошкой;* вместо тех, кто пользуется его трудом, — те, кто *с ложкой*). Это типичные метонимии. Кроме того, здесь есть и синекдоха-количественная метонимия: не об одном крестьянине идет речь, а обо всех.

Соединение разных тропов — обычное явление в пословично-поговорочной образности. *В кармане соловьи свищут* (то есть нет ничего) — в этой поговорке на явление, которое изображается, перенесено название другого на основании внутреннего сходства; это метафора. Она соединена с метонимией: вместо того, чтобы сказать *у бедняка в кармане* говорится *в кармане.* Впрочем, использование метафор в пословицах прямого смысла встречается реже; ярко выраженное иносказание, лежащее в основе метафоры — скрытого сравнения, более пристало пословицам с общим переносным расширительным толкованием.

В пословицах того и другого типа широко используются разнообразные формы тавтологий: *Здоровому все здорово, Играй да не заигрывайся, Пиши, да не записывайся, служи, да не заслуживайся* и другие. Эти тавтологии омонимические, то есть основанные на повторении слов одинакового звукового строения. Встречаются тавтологии и синонимические, такие, которые основаны на повторении разных по звуковому строению, но близких

по значению слов: *Из порожнего в пустое не перекладывают, Из огня да в полымя, Ум за разум зашел* и другие. Тавтологические повторения используются для усиления выразительности пословиц и поговорок.

Широко и часто использование в пословицах и поговорках синонимов. Это и понятно: работа мысли в пословицах направлена в сторону уточнения, предельно четкого изъяснения сути суждения. *И криво, и косо, и на сторону побежало* — в этой поговорке предельно отчетливо и многосторонне определена неустроенность, недостаточность, неудовлетворительность чего-либо. Такова и поговорка: *Не вор, не тать, а на ту же стать.*

Еще чаще, чем синонимы, и с той же целью употребляются в пословицах и поговорках самые разнообразные виды антитез — сопоставления противоположных по смыслу слов: *Щербата денежка, да гладок калач, Много слов, а мало дел* и другие. Пословица: *Богатый и в будни пирует, а бедный и в праздник горюет* вся построена на контрастных сопоставлениях богатого и бедного, будней и праздников, пирования и горевания.

Такое строение пословиц столь же типично, как и строение пословиц по принципу сравнения одного предмета или явления с другими. Эти последние пословицы необыкновенно выразительны: *Какие сани, таковы и сами, Железо ржа поедает, а сердце печаль изнуряет* и другие.

Типичной формой художественной образности является ирония. Эта та «насмешливость», которую отмечал еще А. С. Пушкин, характеризуя черты национального характера, отраженные в нашем языке: *Репа животу не укрепа, Шире грязь, навоз едет, Многа лета! а многих нету, Не прав медведь, что корову съел, не права и корова, что в лес зашла, Не прорублены окошки, решетом свету не наносишь*. Не потому ли ирония свойственна этим пословицам, что склад суждения в них обнаруживает глубокую проницательность взгляда на вещи и явления, торжество здравого смысла над глупостью, над чванством всех тех, кто презираем народом? Ирония свойственна народным пословицам потому, что они по самой жанровой природе своей требуют от человека проницательности, глубины взгляда, а именно этим чертам ума чаще всего сопутствует ирония.

С особенностями пословично-поговорочного жанра связаны не только особые принципы его образности, но

и специфический языковый стиль. На стиле пословиц сказалось прежде всего стремление научить, дать совет. Это ярко проявилось в отборе глагольных форм и в общем синтаксическом строении.

Пословица широко использует тип обобщенно-личных предложений с повелительными формами глагола: *Век живи — век учись, Не учи щуку плавать, Не хвали ветра, не извеяв жита.* Наставительный характер таких пословиц совершенно ясен. Их обобщенно-личный характер проявляется в том, что они могут быть отнесены к любому лицу, а это как раз соответствует жанровой природе пословиц.

Обобщенно-личные предложения в пословицах не менее часто выражаются и глаголом в форме 2-го лица будущего простого времени с модальным значением возможности или невозможности действия. *Скажешь — не воротишь, Напишешь — не сотрешь, выпустишь — не поймаешь, Что написано пером, не вырубишь топором* и другие.

Этими формами далеко не исчерпывается все многообразие стилистического оформления народных пословиц, но какую бы грамматическую форму они ни имели, в этой форме всегда отчетливо обнаруживается соотнесенность пословичного суждения к многочисленным и разнообразным жизненным случаям, ко многим людям, а также наставительно-дидактический смысл пословичного суждения.

У пословиц и поговорок есть своя ритмическая организация. Эта организация способствует закреплению пословиц и поговорок в памяти народа. Ритмический строй пословиц отличает необыкновенная четкость. Пословицы не соблюдают метров силлабо-тонической системы стихосложения, хотя среди них и есть известная часть таких, которые стремятся соблюсти метры русской классической поэзии: хорея, ямба, дактиля, анапеста, амфибрахия.

В основном ритмический строй в пословицах и поговорках создается не соблюдением стоп, а сочетанием разнообразных форм и элементов словесной ритмики: ударений, созвучий, синтаксического строения. В свое время Ф. Буслаев справедливо заметил, что «пословица создалась взаимными силами звуков и мысли».

Важнейшее средство ритмической организации пословиц — четкое композиционное членение пословичного

суждения на синтаксически соизмеримые части, и именно здесь обнаруживается связь ритмического строя с четким выражением мысли. Это явление получило в теории название изосинтаксизма. Взять, к примеру, пословицу *Жизнь прожить* || *— не поле перейти.* Она явно делится на две части, разделяемой паузой. Обе части соотносятся между собой, как части подлежащего и сказуемого.

Подобное композиционно-ритмическое деление наблюдается и в пословицах, использующих разнообразные грамматические формы условных сложносинтаксических связей: *За двумя зайцами погонишься* || *— ни одного не поймаешь. Дальше в лес* || *— больше дров, Волков бояться* || *— в лес не ходить, Не отведав горького,* || *не узнаешь и сладкого.*

Двучленная форма типична для пословиц: *Посеянное* || *взойдет, По пашне* || *и брашно, По Савве* || *и слава, При какой реке жить,* || *по той и слыть.*

Это простейшее построение пословиц и поговорок повторяется и в сложных по составу пословицах и поговорках: *При пире, при бражке* || *все дружки* || *при горе-кручине* || *все ушли. Из лука* || *— не мы,* || *из пищали* || *— не мы,* || *а попить,* || *да поплясать* || *против нас* || *не сыскать* и другие.

Синтаксическое деление, то есть деление по смыслу, совпадает в пословицах и поговорках с композиционным делением на ритмически соизмеримые части. Это способствует четкости выражения мысли в пословицах.

Части, составляющие композицию пословицы, подчеркиваются, выделяются самыми разнообразными приемами: здесь и синтаксический параллелизм (*Не все то перенять, что по реке плывет, не все то переслушать, что люди говорят*), и разнообразные формы ассонансов и аллитераций (***Укатали бурку крутые горки. Старость** — не **радость**, а **смерть** — не **корысть***), и рифмы (*За **мухой** не с **обухом**, а за **комаром** не с **топором**, **Зять** любит **взять**, **тесть** любит **честь**, **шурин** глаза **щурит*** и др.); вместо рифмы встречаются и рифмоиды: ***щурит — шурин, мухой — обухом.***

Ритмическая организация в пословицах и поговорках не только способствует закреплению пословиц и поговорок в памяти народа, не только служит четкости выра-

жения мысли, но и преследует художественно-выразительные цели. В. Даль имел полное право восхищаться ярким ритмическим рисунком такой пословицы: *Сбил, сколотил — вот колесо! Сел да поехал — ах, хорошо! Оглянулся назад — одни спицы лежат!* Неожиданная смена одного, легкого и скорого ритма другим, замедленным, с паузами, начиная со слов: *оглянулся назад,* точно подчеркивает удивление, соответствующее развитию темы в пословице. Ритм в пословицах всегда выразителен, связан с передачей образа.

Собирание и изучение пословиц и поговорок было сопряжено с острой классовой борьбой. Первое дошедшее до нас собрание русских пословиц и поговорок относится к концу XVII века. Это — «Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту»[1]. Составитель его остался неизвестным, в собрание вошло свыше 2500 пословиц и поговорок. Составитель предпослал собранию характерное предисловие: пословицы, — убеждал он, — «зело потребны и полезны: и всеми ведомы добре». Желая защитить свое собрание пословиц от нападок церковников, составитель внушал читателю, что в пословицах и поговорках народа нет ничего такого, что бы противоречило божественному писанию. В сборник вошло много пословиц острого социального содержания.

Сборники, подобные «Повестям или пословицам всенароднейшим», продолжали появляться на всем протяжении XVIII века. Разумеется, это были сборники рукописные. Великий русский ученый М. В. Ломоносов и историк В. Н. Татищев были первыми в России, кто поняли значение пословиц и поговорок народа для истории и науки о языке. Работу М. В. Ломоносова и В. Н. Татищева продолжали ученые Академии наук, которая издала «Словарь Академии Российской» (1789—1794). При обсуждении плана «Словаря» обнаружилось расхождение во мнении о том, какие из пословиц народа включать в «Словарь» и какие не включать. В «Словарь» не были допущены пословицы острого классового смысла.

---

[1] Напечатаны в книге П. Симони, Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII—XIX столетий, вып. I—II, Спб., 1899, стр. 69—162 (сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. XVI, 7).

Стремление тенденциозно истолковать народные пословицы и поговорки отчетливо выразилось в первых печатных сборниках, которые начинают появляться с конца 60-х годов XVIII века. Таков сборник Екатерины II «Выборные российские пословицы» (1782). В собрание включены пословицы такого характера: *Милость — хранитель государства* и другие. Это не творчество народа, а изречения класса господ, беззастенчиво искажавших народные пословицы и поговорки. Таков же и сборник автора поэмы «Душечка» И. Ф. Богдановича «Русские пословицы» (1785). Составитель очень часто искажал народные пословицы.

Демократические тенденции в подходе к изучению пословиц отразились в наиболее значительных сборниках пословиц этого времени: 908 пословиц из «Письмовника» Н. Курганова (первое издание появилось в 1769 году, книга неоднократно переиздавалась вплоть до 1837 года), «Собрание 4291 древних российских пословиц», отпечатанных при Московском университете в 1770 году. Последний сборник издавался трижды, с него снимали многочисленные рукописные копии. Составление его приписывается профессору Московского университета А. А. Барсову. В собрание вошли подлинно народные пословицы.

В XIX веке борьба вокруг собирания, публикации и изучения пословиц и поговорок продолжалась. Откровенно реакционные публикации с тенденциозным подбором пословиц (публикация С. Н. Глинки, «Русский вестник», 1816 и др.) не помешали пытливой мысли лучших представителей науки и культуры начала XIX века искать свои пути и методы изучения пословиц. Это изучение связывалось с передовыми общественными исканиями эпохи декабризма и борьбой русских писателей за реализм и народный характер литературы. Яркий выразитель передовых идей этой эпохи А. С. Пушкин не только усвоил в своем творчестве темы и образы пословично-поговорочной поэзии, но и завещал науке глубокие мысли о сущности и формах пословиц и поговорок[1].

В бумагах поэта сохранилась запись нескольких народных пословиц. А. С. Пушкин сопроводил их краткими

---

[1] См. А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. 5, Гослитиздат, М., 1950, стр. 421—422.

замечаниями. Поэт отметил остроту и богатство смысла в народных пословицах. *Иже не ври же, его же не пригоже* — поэт увидел в этой пословице насмешку над тяжелым книжным языком. «Видно и в старину острились насчет славянизмов», — писал А. С. Пушкин. Происхождение пословицы *Не суйся середа прежде четверга* поэт отнес ко временам существования местничества. А. С. Пушкину было ясно, что большое число пословиц отражает старые, ушедшие в прошлое порядки и обычаи.

Поэт обратил внимание на отрицательный смысл некоторых пословиц: *Кнут — не архангел, души не вынет, а правду скажет.* «Апология пытки, пословица палача», — заметил А. С. Пушкин.

Поэта восхищало необыкновенное художественное совершенство пословиц, использующих разнообразные формы образности и иносказаний. Записав пословицу *Горе лыком подпоясано,* поэт тут же добавил: «разительное изображение нищеты». Великого мастера благозвучной и гармоничной речи восхитила звуковая «акустика» пословицы *Беспечальным сон сладок.* Мирный и мягкий тон ее так соответствует теме!

В языке пословиц поэт отметил устаревшие слова и показал, какое значение имеет для общего толкования понимание прежнего смысла их. *Не твоя печаль чужих детей качать;* «печаль», — пишет А. С. Пушкин, — от глагола пекусь; «не твоя печаль — не твоя забота». *На посуле как на стуле* — «посул», — говорит поэт, — церковная дань, а не обещание, как иные думали; следственно пословица сия значит — на подарках можно спокойно сидеть, как бы на стуле».

Хорошо зная древнюю литературу, А. С. Пушкин отметил и факт заимствования пословиц от других народов: «*Бодливой корове бог рог не дает* — пословица латинская».

Поэта привлекало в народных пословицах свободомыслие и социальная ирония. На полях старинного сборника пословиц поэт приписал такую пословицу: *В кабак далеко, да ходить легко. В церковь близко, да ходить склизко.* Пословица, по-видимому, прочно запала в память поэта как яркое свидетельство народного «почтения» к церковному благочестию и вере. «...Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей, —

говорил поэт будущему собирателю пословиц и поговорок В. И. Далю. — Что за золото! А не дается в руки, нет»[1].

Глубокий интерес к народным пословицам и поговоркам питал другой русский писатель Н. В. Гоголь. Ему принадлежит проницательный отзыв о пословицах, важный смысл которого еще недостаточно понят многими специалистами-исследователями. «Пословица, — писал Н. В. Гоголь, — не есть какое-нибудь вперед поданное мнение или предположение о деле, но уже подведенный итог делу, отсед, отстой уже перебродивших и кончившихся событий, окончательное извлечение силы дела и всех сторон его, а не из одной»[2].

Писателю было ясно, что в пословицах отразился многострадальный жизненный опыт русского народа. Оглядываясь на историю русского народа, в ожидании великих свершений в жизни России, Н. В. Гоголь сказал: «Еще ни в ком не отразилась вполне та многосторонняя поэтическая полнота ума нашего, которая заключена в наших многоочитых пословицах, умевших сделать такие великие выводы из бедного, ничтожного своего времени, где в таких тесных пределах и в такой мутной луже изворачивался русский человек, и которые говорят только о том, какие огромные выводы может сделать нынешний русский человек из нынешнего широкого времени, в которое нанесены итоги всех веков и, как неразобранный товар, сброшены в одну беспорядочную кучу»[3]. Пословицы, как и весь фольклор, Н. В. Гоголь понимал как залог огромного будущего русского народа.

Глубокий интерес передовых деятелей искусства к пословицам не прошел бесследно для последующих поколений исследователей и собирателей фольклора. В 30—60-е годы появляются значительные сборники и обширные исследования пословиц и поговорок. В 1848 году профессор Московского университета И. М. Снегирев (1793—1868) издал сборник «Русские народные пословицы и притчи» (М., 1848), который вместе с изданным в 1857 году «Новым сборником русских пословиц и прит-

---

[1] Сб. «Пушкин в воспоминаниях современников», М., 1950, стр. 455.

[2] Н. В. Гоголь, Собрание сочинений в шести томах, т. 6, Гослитиздат, М., 1953, стр. 166.

[3] Там же, стр. 183.

чей» (М., 1857) включал свыше 10 500 пословиц и поговорок. Сборник И. М. Снегирева, как и знаменитое собрание песен П. В. Киреевского, был коллективным делом видных ученых и отдельных любителей народного творчества.

В сборнике преобладают подлинно народные материалы, однако составитель счел возможным соединить их с изречениями, идущими от церковной литературы, чем вызвал нарекания и критику передовых журналов своего времени.

И. М. Снегирев вошел в науку не только как собиратель народного творчества, но и как исследователь. Им написан «Опыт рассуждения о русских пословицах» (М., 1823) и создан обширный четырехтомный труд «Русские в своих пословицах» (М., 1831—1834).

Эти исследования включают немало правильных толкований исторического происхождения и смысла пословиц, наблюдения над процессом заимствования пословиц одним народом у другого.

Имя И. М. Снегирева стало известно мировой науке: Я. Гримм одобрил дело, начатое русским ученым. В трудах И. М. Снегирева отразились и его консервативные взгляды. Он был цензором Московского цензурного комитета в годы, когда реакция душила всякое проявление свободной мысли.

Работу И. М. Снегирева продолжал Ф. И. Буслаев («Русские пословицы и поговорки». Архив историко-юридических сведений Н. Калачева, 1854, кн. II, отд. IV). Ф. И. Буслаеву принадлежит статья «Русский быт и пословица» [1], в которой изложен взгляд на пословицу, соответствующий общим принципам так называемой «мифологической школы». Оценивая положительные стороны деятельности Ф. Буслаева, не следует забывать его увлечение поисками остатков древнейшей мифологии. Крупный ученый XIX века игнорировал отражение в пословицах и поговорках понятий и представлений крестьянства времен крепостничества и допускал глубоко ошибочные суждения о сущности и значении пословиц и поговорок в жизни народа. О пословицах нового времени Ф. Буслаев писал как о бессмысленном «порождении моды»: «не

---

[1] Ф. И. Буслаев, Исторические очерки, т. I, 1861, стр. 78—136.

имея никакого существенного для жизни значения, она (т. е. новая пословица. — *В. А.*) применяется только к пустой болтовне»[1].

Равнодушие к решению вопроса о том, какое значение имели пословицы в жизни современников, не осталось бесследным в конкретных работах Ф. Буслаева. Так, поговорка *Ни богу свеча, ни черту кочерга* (в вариантах: *ни черту — ожег*) была истолкована ученым как отражение древнего обычая приносить чертям жертву: ведь ожег (кочерга) — принадлежность чертей, на кочерге ездили ведьмы[2].

Ф. Буслаев не заметил иронически насмешливого склада поговорки. Народ не побоялся упомянуть черта, хотя «черное слово» было под запретом. Поговорка свидетельствует не о поклонении черной силе, а о прямо противоположном.

Отрыв Ф. Буслаева от народа, от современности резко осудили Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. «...Наука, — писал Чернышевский, — должна быть служительницею человека. Чем более может она иметь влияния на жизнь, тем она важнее. Неприложимая к жизни наука достойна занимать собою только схоластиков»[3].

В рецензии на «Архив» Н. Калачева, откуда взяты эти слова, Н. Г. Чернышевский указал на извращенный смысл умозрительных толкований, данных Ф. Буслаевым целому кругу пословиц и поговорок. «В наших пословицах он, — писал Н. Г. Чернышевский о Ф. Буслаеве, — хочет видеть остатки древнейшей санскритской мантры (величанья богов) и брахманы (обрядовых молитв)... И мы не знаем, принесла ли какую-нибудь пользу эта отдаленная родословная, приисканная ученым автором; нам кажется, что она только набросила фальшивый свет на наши пословицы, придав им какой-то мифологический характер, которой совершенно им чужд...»[4].

Независимо от Н. Г. Чернышевского, но в полном соответствии с его суждениями о труде Ф. Буслаева, Н. А. Добролюбов писал свою студенческую статью, в

---

[1] Ф. И. Буслаев, Исторические очерки, т. I, 1861, стр. 136.
[2] Там же, стр. 83.
[3] Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, М., 1949, стр. 373—374.
[4] Там же, стр. 379.

которой раскрыл ряд существенных ошибок и натяжек в «мифологическом» толковании народных пословиц.

Позднее Н. А. Добролюбов сформулировал общее важнейшее требование передовой науки о фольклоре: изучать устное творчество в самой непосредственной связи с жизнью, бытом, стремлениями народных масс. Порок «мифологической» теории Добролюбов, подобно Чернышевскому, видел в «отсутствии жизненного начала» [1].

В год отмены крепостного права стала возможной публикация самого значительного из всех сборников русских пословиц и поговорок — сборника Владимира Ивановича Даля «Пословицы русского народа». Собрание было опубликовано в «Чтениях Общества истории древностей российских при Московском университете» (1861—1862).

В сборник вошло свыше 30 000 пословиц, поговорок и других «малых» жанров русского фольклора. Источником для сборника служили несколько печатных сборников прошлого века, собрание И. Снегирева, рукописные тетрадки записей, доставленные В. Далю со всех сторон, и прежде всего живой русский язык, речь народа.

В. И. Даль сгруппировал пословицы и поговорки по тематическому принципу, стремясь охарактеризовать мнение народа о разнообразных явлениях природы и общества. «Расстановка пословиц по понятиям дает верный нравственный очерк народа, она сочинена не разгоряченным воображением одного лица, а целыми поколениями, искусившимися на поприще жизни и закаленными в горниле опыта» [2].

Прежде чем попасть в печать, сборник прошел много мытарств. Еще в 1853 году В. И. Даль представил в Академию наук свое собрание. Сборнику было отказано в напечатании. Основанием для отказа явилось мнение академика-протоиерея И. Кочетова, заметившего в сборнике смешение «глаголов премудрости божией с изречениями мудрости человеческой», священных текстов с «пустословием народным».

Найдя в собрании В. Даля пословицу *Жив, жив курилка, не умер: жив бог, жива душа их,* И. Кочетов восклицал: «Какое кощунственное соединение побасенки

---

[1] Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений в шести томах, т. I, 1934, стр. 429.

[2] В. И. Даль, Пословицы русского народа, т. I, М., 1879, стр. XXVI.

народной со священной клятвой»... «С огорчением, — продолжал И. Кочетов, — благочестивый христианин будет читать в книге г. Даля и следующие слова: *Бога зови, и черта не гневи. Богу угождай, а черту не перечь... Бог дал путь, а черт крюк. Поп свое, а черт свое. Поп с кадилом, а черт с рогатиной»*. «...Народ глуп, и болтает всякий вздор», — заключал разгневанный протоиерей [1].

Собрание пословиц давало материалы для выводов, которые никак не могли быть одобрены ни служителями культа, ни правящей верхушкой царской крепостной России. Устрашенный отзывом, В. Даль едва не решился сжечь свое собрание пословиц. Это была бы непоправимая потеря для науки и культуры.

Собиратель нисколько не был повинен в остром социально-классовом звучании помещенных в собрании пословиц и поговорок. В. Даль стремился быть объективным. Больше того: монархические политические убеждения составителя сказались в тенденциозном делении пословиц и поговорок на тематические группы. И тем не менее голос народа, его обличения несправедливых судей и господ прозвучал со всей силой. Второе издание сборника стало возможным лишь через семнадцать лет (М., 1879, 2 тома).

Изучение пословиц и поговорок невозможно без внимательного рассмотрения другой капитальной работы В. Даля — «Толкового словаря живого великорусского языка» (первое издание осуществлено в 1861—1868 годах). В. Даль включил в свой «Словарь» несколько тысяч пословиц и поговорок. Толкуя отдельные слова и выражения, «Словарь» помогает понять смысл пословиц и поговорок в живой народной речи.

Передовая, демократически настроенная интеллигенция 60-х годов, находившаяся под влиянием Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, стремилась познать быт, привычки, мировоззрение крестьян. В брошюре «Быт русского народа в его пословицах» (М., 1859) П. Рыбников воспользовался пословицами и поговорками для характеристики народа. Автор брошюры опровергал взгляд, согласно которому крестьянин любит бар и живет в благополучии и довольстве.

В последней трети XIX века и в начале XX века по-

---

[1] Подробнее об этом см. в приложении к статье М. О. Шахновича «Краткая история собирания и изучения русских пословиц», сб. «Советский фольклор», № 4—5, Изд. АН СССР. М.—Л., 1936.

словицы и поговорки продолжают оставаться в центре внимания фольклористов-ученых и собирателей, историков, этнографов и писателей. В трудах буржуазно-дворянских ученых усиливается тенденциозный характер толкования народных пословиц и поговорок.

Таковы сборник И. И. Иллюстрова «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках» (изд. 3, М., 1915) и четырехтомная работа А. С. Ермолова «Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках, приметах» (Спб., 1901—1905).

В этих книгах собран и систематизирован огромный фактический материал, и мимо этих сборников не может пройти ни один из исследователей народных изречений.

К числу еще более ценных книг надо отнести сборник «Меткие и ходячие слова» М. И. Михельсона (Спб., 1894), «Крылатые слова» С. В. Максимова (Спб., 1890), исследование «Из лекций по теории словесности» А. А. Потебни (Харьков, 1894), работу И. Е. Тимошенко «Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок» (Киев, 1897), статью Я. Кузнецова «Характеристика общественных классов по народным пословицам и поговоркам» (журнал «Живая старина», вып. III, 1903), содержательное исследование И. И. Вознесенского «О складе или ритме и метре кратких изречений русского народа» (Кострома, 1908) и другие сборники и исследования. Большое количество записанных в это время пословиц и поговорок рассеяно по периодическим областным изданиям. В характере и принципах изучения пословиц и поговорок отразились достижения и недостатки академической науки этих лет: теории заимствования (М. Михельсон, И. Тимошенко и др.), антропологической и психологической (А. Потебня и др.), исторической «школы» (В. Перетц и др.) [1].

После Октябрьской революции некоторые из собирателей и исследователей оставались в плену ошибочной методологии буржуазно-дворянской филологии. Изучение пословиц и поговорок на основе марксистско-ленинского понимания истории происходило в условиях преодоления ошибочных воззрений вульгарной социологии.

Советскими учеными детально изучена история соби-

[1] В. Н. Перетц, Из истории пословицы. Историко-литературные заметки и материалы, Спб., 1898.

рания и изучения пословиц и поговорок (упомянутая работа М. Шахновича и др.), дана новая классификация их под социально-политическим углом зрения (глава Ю. М. Соколова «Пословицы и поговорки» в учебнике «Русский фольклор», М., 1938, 1940).

В самое последнее время появилось несколько сборников пословиц и поговорок. Из них наиболее ценными являются «Народные пословицы и поговорки» (М., 1956) — часть большого собрания А. И. Соболева. Сборник позволяет судить о том, какие из старых пословиц и поговорок живут в речи советского человека. Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина подготовили сборник «Крылатые слова» (М., 1955). Это собрание литературных цитат и образных выражений с толкованием и указанием на их источники.

Продолжая лучшие традиции классической литературы XIX века, советские писатели учатся у пословиц и поговорок экономии слов, речевой сжатости и образности. Этому учился у народных пословиц и В. Маяковский. Его публицистические стихи развивали разговорную пословично-поговорочную фразеологию;

За него дрожу
как за зеницу глаза,
Чтоб конфетной
не был
красотой оболган[1]

— старое поговорочное выражение *зеница ока* обновлено поэтом посредством замены архаизма *око* синонимом *глаз*. Обветшавшее речение прозвучало с новой силой.

Поэму «Василий Теркин» А. Твардовский пересыпал солью бойких и метких народных слов и выражений.

Пушки к бою едут задом,
Это сказано не мной, —

поэт не скрывает, что крылатая строчка рождена народом и что он, поэт, лишь воспринял ее из народной речи.

Творческое использование пословиц и поговорок выражается, конечно, не только в том, что поэты вводят в свои произведения пословично-поговорочные выражения. Рассказывая о своих творческих поисках, А. Твардовский писал: «Новые возможности погрезились мне в организации стиха из его элементов, входящих в жи-

[1] В. В. Маяковский, Полное собрание сочинений, т. VI, Гослитиздат, стр. 139.

вую речь, — из оборотов и ритма пословицы, поговорки, присказки»[1]. Эта новая ритмическая организация, соединившая в себе энергичную народно-речевую «стихию» с музыкальной песенностью, обнаружилась в полной мере во всем поэтическом стиле «Василия Теркина». Это характерное явление подлинно народной, советской поэзии.

Подобно А. Твардовскому, лучшие советские поэты и писатели выполняют завет А. М. Горького: «...пословицы и поговорки образцово формируют весь жизненный, социально-исторический опыт трудового народа, и писателю совершенно необходимо знакомиться с материалом, который научит его сжимать слова, как пальцы в кулак, и развертывать слова, крепко сжатые другими, развертывать их так, чтобы было обнажено спрятанное в них, враждебное задачам эпохи, мертвое»[2]. Пословицы и поговорки прочно срослись с публицистикой. Статьи Толстого, Эренбурга, Леонова, Тихонова и других советских писателей изобилуют примерами удачного использования народных пословиц и поговорок.

Образцом использования пословиц и поговорок в публицистике являются речи и статьи В. И. Ленина[3]. Г. М. Кржижановский в своих воспоминаниях передает слова В. И. Ленина, сказанные о пословицах: «Великолепно, великолепно! Вот где надо учиться нашим писателям, одной фразой наповал бьет... Необходимо составить большой сборник. Вот будет клад для беллетристов и ораторов»[4]. Созданные в веках пословицы и поговорки будут всегда украшать и разнообразить нашу речь. Они не исчезнут, пока будет звучать русское слово.

---

[1] А. Твардовский, Стихотворения и поэмы, т. I, М., 1951, стр. 10.

[2] А. М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 24, М., 1953, стр. 493.

[3] Обширный список пословиц, поговорок, крылатых слов, использованных В. И. Лениным, см. в справочном томе к 4-му изданию Сочинений В. И. Ленина, ч. 2, Госполитиздат, М., 1956, стр. 326—344.

[4] «Литературный современник», 1940, № 1, стр. 10.

ЗАГАДКИ

В народной речи «загадать» означает задумывать, замышлять, предлагать что-либо неизвестное для решения. Загадка возбуждает любопытство своим скрытым смыслом. Метко определил загадку сам народ: *Без лица в личине.* Предмет, который загадан, «лицо» скрывается под «личиной» — иносказанием или намеком, окольной речью, обиняком. *В темной темнице красны девицы без нитки, без спицы вяжут вязеницы* — в этой загадке улей уподоблен темной темнице, пчелы — красным девицам, соты — вязанию. Загаданные предметы изображены посредством других, имеющих отдаленное сходство с теми, о которых умалчивается. Загадки такого типа — развернутая метафора.

Широкое распространение этого типа загадок дало основание считать, что всякая загадка есть развернутая метафора, но это определение узко и не охватывает всего богатства образно-изобразительных средств и поэтических форм в загадке. Загадка использует самые разнообразные формы тропов и приемы иносказательной образности.

Правильнее будет сказать, что загадка есть мудреный вопрос, поданный в форме замысловатого краткого, как правило, ритмически организованного описания какого-либо предмета или явления. Таково формальное определение жанра загадки. Его недостаточность очевидна: оно не вскрывает с у щ н о с т и загадки как специфического народно-поэтического жанра с его особым назначением в народной жизни.

С некоторых пор в исследовательской литературе получило распространение мнение, что загадки — это как

бы свод знаний и сведений народа о внешнем мире, что загадки составляют своеобразный курс народного «мироведения»[1]. Нельзя сказать, чтобы это определение было совершенно лишено оснований, но оно слишком широко и не определяет специфики жанра.

Заметим, что множество загадок посвящено самым привычным предметам домашнего обихода: горшку, полотенцу, жбану, ножу, ложке, тому, что произрастает в огороде — репе, моркови, тыкве и пр. Назначение этих загадок, конечно, не в том, чтобы закрепить в сознании людей свойства и качества простых и хорошо известных всем предметов и вещей. Функции загадок иные.

Основное назначение жанра загадки в том, что она развивает в человеке догадливость, сообразительность. Загадывается загадка, вопрошаемый ломает голову над отгадкой. Чаще всего иносказание переносит предмет в совершенно иную область вещественного мира. *Красные сапожки в земле лежат* — свекла замысловато сравнивается с красными сапожками. В другой загадке печь уподоблена девице, дым — длинной девичьей косе: *Стоит девица в избе, а коса на дворе.* Чем смелее выдумка, тем труднее загадка для отгадывания.

Другая важнейшая функция «загадочного» жанра в том, что загадка открывает поэтическую сторону в самых, казалось бы, прозаических вещах, предметах и явлениях. *Не князь по породе, а ходит в короне* — в этой загадке о петухе описание умалчиваемого предмета сочетается с его поэтизацией.

Конечно, художественные образы любого фольклорного произведения независимо от жанра воспитывают поэтическое восприятие мира, но ни один из фольклорных жанров не ставит своей специальной целью развивать у человека поэтический взгляд на действительность, а загадка занята этим.

Она берет поэтическую сторону действительности, раскрывая конкретно вещественное богатство видимого, ощущаемого мира природы, тех бытовых предметов и явлений, которые имеют непосредственное отношение к жизни и труду народа.

Таковы функции загадок в эпоху средневековья и в новое время. Определяя загадку уже не только по

---

[1] М. А. Рыбникова, Загадки, «Academia», 1932, стр. 6.

форме, но и по существу, можно сказать: загадка — это поэтическое замысловатое описание какого-либо предмета или явления, сделанное с целью испытать сообразительность человека, равно как и с целью привить ему поэтический взгляд на действительность.

Древность загадок не ставилась под сомнение ни одним из исследователей, однако происхождение, первые социальные функции загадок, формы их изменений на протяжении веков недостаточно ясно раскрыты наукой. Выяснение этих вопросов затруднено тем, что прямых данных, говорящих о характере и значении древних загадок, нет.

Не без оснований принято связывать происхождение загадок с так называемой условной речью, речью околичностями во время особых положений, когда человек, по существовавшим понятиям и представлениям или просто в силу особых жизненных обстоятельств, не мог называть вещи и явления своими настоящими именами. Первобытный человек, прибегавший к особой иносказательной речи, был убежден, что, скрывая свои приготовления, не называя зверей и орудий охоты, не даст возможность зверям узнать об опасности и тем самым обеспечит себе удачный промысел. Крупный советский ученый — фольклорист и этнограф Д. К. Зеленин в специальной работе осветил вопрос о словесных охотничьих и бытовых запретах[1].

Давно установлено также, что иносказательная свадебная речь, когда ни жених, ни невеста не назывались своими именами, была вызвана стремлением скрыть от черных, враждебных сил смысл происходящего.

Знание особой «загадочной» речи было обязательным для каждого человека, желающего обеспечить себе и своему роду благополучие и достаток: знание это было необходимо и на охоте, и в быту, и в сношениях с другими людьми, и в иных случаях. По убеждению первобытного охотника, скотовода и пахаря в поле, в лесу, на водах и в жилище — всюду и постоянно человек сталкивался с враждебной живой сознательной силой, насылающей неудачу, эпидемии, несчастья, пожары и

---

[1] Д. К. Зеленин, Табу слов у народов Восточной Европы и северной Азии. Сб. Музея антропологии и этнографии, изд. Академии наук СССР, тт. VIII—IX, Л., 1929—1930.

разорение. Эту силу надо было перехитрить, а для этого необходима тайная условная речь.

Не потому ли обязательным условием принятия юноши в ряды равноправных членов родового коллектива наряду с прочим было испытание его мудрости, его знаний (юноше задавались вопросы, и правильные ответы на них давали ему право причислить себя к умудренным годами и жизнью взрослым мужам). Без знания загадочной речи юноша не мог стать мужчиной.

Знаменитый путешественник XVIII века Ст. Крашенинников отметил остатки древней тайной речи у русских охотников по соболю. «Передовщик», избранный артелью, назначал себе помощников и, как пишет Ст. Крашенинников, наказывал им «смотреть за своею «чуницею» накрепко («чуница» — группа охотников; артель состояла из нескольких чуниц. — *В. А.*), чтобы промышляли правдою, ничего бы про себя не таили и тайно бы ничего не ели, также чтобы *по обычаю предков своих ворона, змею и кошку* прямыми именами не называли, а называли б *верховым, худою и запеченкою*. Промышленные сказывают, что в прежние годы *гораздо больше* вещей странными именами называли, например: церковь — *востроверхою,* бабу — *шелухою* или *белоголовкою,* девку — *простыгою,* коня — *долгохвостым,* корову — *рыкушею,* овцу — *тонконогою,* свинью — *низкоглядою,* петуха — *голоногим* и прочее; но ныне все, кроме вышеобъявленных слов, оставили» (курсив мой. — *В. А.*)[1].

Свидетельство Ст. Крашенинникова ценно вдвойне: во-первых, здесь приведены конкретные образцы условной охотничьей речи, во-вторых, отмечена древность обычая пользоваться тайной речью — «странными именами». Речь посредством иносказаний была знакома предкам тех русских охотников по соболю, которые поселились в Сибири.

Есть все основания утверждать, что приведенные Ст. Крашенинниковым «подставные слова» (этот термин прочно вошел в науку, означая те «странные имена», о которых писал путешественник. — *В. А.*), это и есть те самые остатки древней тайной речи, с которой непосредственно связана народная загадка.

---

[1] Ст. Крашенинников, Описание земли Камчатки, т. I, Спб., 1755, стр. 246.

Вот прямые доказательства этому Их удалось добыть при сопоставлении древней условной речи и загадок. Название свиньи, как пишет Ст. Крашенинников, было под запретом у сибирских охотников. Вместо *свинья* говорили *низкоглядая,* то есть та, что смотрит книзу. Это подставное слово точно воспроизведено в загадке о свинье: *По земле ходит, неба не видит.*

А вот еще более разительный пример совпадения загадки и подставного слова тайной речи. Согласно свидетельству Ст. Крашенинникова, название коровы на охоте было под запретом. Назвать в лесу настоящим именем домашнее животное, находившееся под покровительством мифических «хозяев» дома, означало, по представлению охотников, принести урон промыслу: лесные духи и «хозяева» могли прогневаться за то, что в пределах их владений называются животные, которым покровительствуют духи домашнего очага и скотного двора. Вместо *корова* говорили *рыкуша,* то есть рыкающая, ревущая. В загадке, записанной в Полесье, в местечке Турове, говорится: *У рыкулі чатыры кулі (шары), а у гігулі — дзьве* (то есть у коровы четыре сосца, а у кобылы — два). *Рыкуля* не что иное, как *рыкуша* сибирских охотников.

В русских вариантах этой загадки говорится: *Ликуля — четыря куля, а во ржи — два.* Здесь уже явное искажение слова *рыкуля.* В прочих вариантах корова названа так: *рога, роговая, Рогов, торбан, Мыков, дудары* и пр. Большое количество подставных слов не должно вызывать удивления. Это обычное явление, когда при определенных обстоятельствах настоящее название, согласно обычаю, находится под запретом. Важно отметить, что некоторые из подставных слов точно совпадают с тем, что мы находим в загадке. Эти примеры можно множить.

В Орловском крае, в селе Богодухове и других местах, крестьянин не говорил: «Иду домой». Это означало бы «на погост, на кладбище». Вместо этого говорили: «Иду ко двору»[1]. Загадка о гробе: *Домок в шесть досок* — точно соответствует этому обыкновению разуметь под «домом» погост.

У восточных славян много слов, обозначающих радугу. Некоторые из них, по-видимому, перешли в язык

[1] «Этнографическое обозрение», 1900, № 4, стр. 118.

из той условной речи, которая существовала в древности. У белорусов радуга зовется *веселухой, поручнем* и *коромыслом.* Несомненно, с этим названием радуги связана загадка: *Крашеное коромысло через реку свисло.*

Издавна у русского населения, как, впрочем, и у других народов было запрещено называть медведя настоящим именем. Людям казалось, что, назвав медведя, они накличут тем самым и непрошенного гостя. Медведь получил много подставных названий. В Сибири медведя звали *быком*[1], а медведицу, по-видимому, соответственно — *коровой.*

Такие условные названия встречаются и в загадках: *Корова комола* (т. е. безрогая), *лоб широк, глазки узеньки, в стаде не пасется и в руки не дается.*

Это загадка, как и вышеприведенные, конечно, позднего происхождения, но она отчетливо развивает первичный образ-сопоставление: в последнем случае — медведь — бык, корова.

Эти примеры можно множить, беря данные не только из фольклора восточных славян, но также из фольклора других народов. Ограничимся только одним примером. Население старой Эстонии не называло зайца своим именем, чтобы меньше вредил озими. Было придумано несколько подставных названий. Одно из них — *хозяин осинника* — aawiko — isand[2] — встречается и в загадках: «Kes on haawiku — emanda?», то есть *Кто хозяйка осинника?*[3] Фольклор и других народов подтверждает мысль о непосредственной прямой связи загадок с условной иносказательной речью.

Еще разительнее связь загадок с тайной речью обнаруживается в образной системе. В основах своих структура загадок воспроизводит образную структуру подставных слов. Многие условные названия тайной речи обозначают умалчиваемый предмет посредством указания на один-два внешних его признака: *долгий хвост, — долгохво-*

---

[1] В. И. Даль, Толковый словарь, т. II, М., 1955, стр. 312.

[2] J. Boecler, Der Ehsten abergläubische Gebräuche, Weisen und Gewohnheiten; mit auf die Gegenwart bezüglichen Anmerkungen beleuchtet von Dr. Fr. R. Kreutzwald, S.-Petersburg, 1854, стр. 121.

[3] Пользуясь случаем, хочу выразить свою глубокую благодарность научному сотруднику Литературного музея имени Фр. Крейцвальда Академии наук Эст. ССР Э. Норманн за сообщение о существовании этой загадки.

стый конь, острый верх — островерхая церковь, тонкие ноги — тонконогая овца и пр. Чем отличается в своей структуре от этих условных обозначений загадка о комаре: *Нос долог, голос звонок* — иначе *долгий нос, звонкий голос, долгоносый, звонкоголосый*?!

Некоторые из условных обозначений возникли как метафоры-сравнения. Зайца, по свидетельству А. Колчина, у рыболовов Архангельской губернии звали *лесным барашком*[1]. Заяц — *лесной барашек* архангельских рыболовов — та же *маленькая собачка* загадки о замке или *черный конь* в загадке о кочерге. Конечно, загадка, ставшая чисто художественным жанром, приобрела новые черты, неизвестные ранее подставным словам условной речи. Однако генетическая связь загадок с подставными словами в самой образной структуре обнаруживается со всей очевидностью.

Наконец, есть еще группа подставных слов, после разбора которых связь загадок с тайной речью станет еще более явной. Среди подставных слов немало таких, которые отличаются от настоящих лишь частичным изменением их звуковой формы. Такого рода подставные слова распространены в женской условной речи.

Есть все основания полагать, что условная женская речь была свойственна и древним славянам. Болгарские, сербские народные песни свидетельствуют о том, что сноха некогда должна была хранить в доме своего мужа молчание. Даже имя снохи, как пришедшей из другой семьи, не произносилось, чтобы не оскорбить и не прогневать духов предков и духов домашнего очага. Сноха была молчальницей. Д. К. Зеленин вслед за составителем «Этимологического словаря» А. Брюкнером не без основания считает позднейшим перетолкованием свидетельство древнерусской летописи о «стыдении» полян к своим снохам: первоначально речь шла о стыдливом молчании снох, жен, а не мужей. Эту догадку Д. К. Зеленин подкрепляет прямым указанием летописи:

---

[1] А. Колчин, Историко-статистическое и промышленное описание Пингишенского села, состоящего в Холмогорском уезде, «Архангельские губернские ведомости», 1869, № 19. Эта малодоступная публикация в интересующей нас части перепечатана в упомянутом исследовании Д. К. Зеленина, т. VIII, стр. 114. Здесь приведены и другие иносказания.

«К родителям своим, к свекрови и деверьям велико стыденье имеху» [1].

Женщины, которые должны были хранить молчание, придумали способ обмениваться речами так, чтобы их не понимали те, кого надо было бояться. Отголоски прежних особых разговоров древнеславянской снохи можно усматривать в таких словесных формулах: *Ерзу́н' от ёрзат! Возьми шелопень да и лопень!*, то есть *Горшок кипит! Возьми ухват и выставь его.* Известный собиратель русских загадок Д. Н. Садовников включал такие словесные формулы в свой сборник. Вот одна из них: *Ягольник яруя; двухвостка, возьми цупызник да уцупызни его!*, то есть *Горшок кипит; невестка, возьми ухват да выставь его.*

Этот тип подставных слов, основанных на изменении звуковой структуры слов, порой доведенной до зауми вследствие забвения их первоначального смысла, отлично уцелел в загадках такого типа: *Тон да тотонок?* — это пол и потолок, *Катюха да Палаха, Самсон да Фефел* — то есть куть, полати, стол и вехоть.

По нашим наблюдениям, загадки такого рода преимущественно толкуют о домашних предметах или о том, что имеет отношение к женскому труду. Такого типа загадок нет среди тех, которые Д. Н. Садовников отнес в раздел «На пасеке». Это и естественно: труд пасечника был трудом мужчин. Все это говорит о том, что известный круг загадок связан с древней женской условной речью.

Итак, загадка сохранила в остаточной форме свою прежнюю непосредственную связь с тайной речью околичностями, намеками, посредством условных названий и обозначений [2]. В чем же состояла древняя социальная функция загадок?

Известно, что на ранних ступенях развития фольклора искусства в собственном смысле слова не было, а те бессознательно-художественные формы освоения действительности, которые были свойственны первобытной мифологии, имели «практическое» (в узком понимании этого

---

[1] См. Д. К. Зеленин, Табу слов у народов Восточной Европы и северной Азии. Сб. Музея антропологии и этнографии, т. IX, изд. Академии наук СССР, Л., 1930, стр. 143.

[2] На других доказательствах этого положения не останавливаемся. Это должно составить предмет отдельной работы.

слова) назначение. Практическое назначение условной речи древности во многом объясняет и первоначальные функции народной загадки.

Характер древних загадок нельзя понять, ограничившись анализом материалов русского фольклора. Надо обратиться к загадкам народов, сохранивших такие формы древнего поэтического творчества, на которые не лег толстый слой поздних напластований.

Весьма ценны данные статьи К. П. Герда, опубликованной в «Трудах научного общества по изучению Вотского края» за 1928 год. К. П. Герд описал *«вечера загадок»,* которые еще можно было наблюдать в удмуртских селах в первое десятилетие XX века. «Здесь, — пишет исследователь, — загадки загадываются постепенно расширяющимися концентрическими кругами предметов и явлений. В центре их стоит человек. Прежде всего начинают загадывать о человеке, функциях его тела; затем о доме и предметах, находящихся в нем, и т. д.» [1].

В немецком журнале «Ungarische Jahrbücher» за тот же 1928 год К. П. Герд дополнил сообщенные им сведения о «вечерах загадок»: «Загадывание происходит по определенной системе. Оно начинается с загадок о человеке и заканчивается загадками о природе. Предметом первых загадок является человек, части и функции его тела, одежда и т. д.; затем следуют загадки о доме и предметах, которые находятся в нем; потом идут подряд двор, огород, сад, пасека, поля, леса и все это завершается явлениями природы» (перевод мой. — *В. А.*) [2].

Возникает вопрос: чем объясняется эта система загадывания загадок по тематическим кругам? Ответ будет интересен не только тем, кто изучает удмуртские загадки. Дело в том, что загадки русского народа распадаются на тематические круги, поразительно точно напоминающие те, которые названы К. П. Гердом.

Д. Н. Садовников разбил свой огромный «свод» загадок на тематические группы, которые можно было бы расположить в порядке тематически расширяющихся кругов К. П. Герда: «Люди и строение их тела», «Одежда и украшения», «Жилище», «Внутреннее убранство», «Домашнее хозяйство (утварь и посуда)», «Двор, огород и сад»,

---

[1] К. П. Герд, К изучению удмуртских загадок, «Труды научного общества по изучению Вотского края», вып. V, 1928, стр. 124.

[2] «Ungarische Jahrbücher», B. III, Heft 3/4, 1928, s. 395.

«На пасеке», «Земледельческие работы», «В поле», «Лес», «Мир животных», «Земля и небо», «Явления природы (погода)».

Совпадение тематической системы загадок одного народа и загадок другого позволяет сделать весьма важный вывод, общий для истории мировой загадочной поэзии, но прежде надо понять причину своеобразного порядка в загадывании загадок.

В свое время К. П. Герд предполагал: «По-видимому, такое расположение, или, вернее, такой порядок загадывания дает отгадывающему возможность быстрее ориентироваться в загадываемом материале и быстрее отгадывать загадку, включенную в рамки известного концентра бытовых и природных явлений» [1].

Очень важно, что, делая свое предположение, К. П. Герд опирался на мнение тех, кто сам загадывал загадки. Загадывавшие загадки не были заинтересованы в том, чтобы заставить других с большим трудом находить ответы на замысловатые вопросы. Определенный порядок в загадывании облегчал положение тех, кто отгадывал загадки. Если загадки не загадывались вразброс, чтобы на них труднее было ответить, то это, по-видимому, потому, что загадывание загадок преследовало какую-то особую цель.

Другое не менее важное свидетельство К. П. Герда, которое надо принять во внимание, состоит в том, что загадывать загадки на «вечерах» начинали всегда старшие по возрасту люди. У них загадкам учились молодые.

Исследователь удмуртских загадок Н. Кралина пишет, что название загадки на удмуртском языке «мадькыл», «мадиськон», «мадиськон кыл» переводится как «слово, необходимое для разговора» [2].

Сопоставляя все эти факты и принимая во внимание бесспорную близость загадок к условной речи иносказаниями, можно прийти к таким выводам. «Вечера загадок» по существу своему являлись своеобразными «уроками», которые старшие по возрасту люди давали молодежи.

---

[1] К. П. Герд, К изучению удмуртских загадок, «Труды научного общества по изучению Вотского края», вып. V, 1928, стр. 124.

[2] Н. Кралина, Загадки удмуртского народа. «Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора», вып. XVI, Ижевск, 1954, стр. 123.

Старшие знакомили молодых с изощренной системой иносказаний и условных обозначений, принятых в тайной речи. Загадка-вопрос помогала овладевать этой системой. Особый порядок облегчал усвоение условных названий. Система обеспечивала полноту знаний. При такой системе трудно что-либо упустить.

Существовали ли «вечера загадок» у русского народа? Сведений об этом нет. Весьма важно, однако, что и в русском фольклоре существуют тематические круги загадок. Это говорит о системе.

Что же касается самой передачи знаний от поколений к поколениям, то традиция лежит в основе быта, жизни и труда всех народов мира. Можно со всей уверенностью предполагать, что и у русского народа загадки помогали усвоить образную иносказательную систему подставных названий и обозначений, принятых в традиционной условной тайной речи древности. Такова древняя функция загадок.

В пользу такого предположения говорит и этимология слова *загадка* у славянских народов.

Однокоренное слово «gadać» в польском языке означает *говорить, рассуждать, болтать;* «gadka» — *разговор, поговорка, спор.* «Гадка» в болгарском языке — *притча;* в чешском языке «hadati — se» — *ссорится* и т. д.[1]

Очевидно, смысл древнего корня слова *загадать* — *гадать* означал в свое время *говорить.* Недаром старинное древнерусское значение слова *гадать* было *советоваться, совещаться:* «Много гадавъ (на вече), изволиша от бога пріяти извѣщеніе и положиша три жеребья на престол св. Софіи». «Загадчик» в народной речи — *беседующий загадочно;* «загадать» — *посылать, распоряжаться, приказывать*[2]. Весьма возможно, что древнее слово *загадка* имело прямое отношение к тому, что произносят, говорят, это часть разговора.

Много лет спустя после того, как отошли и забылись первобытные обычаи, особая «загадочная» речь обиняками, намеками и иносказаниями продолжала существовать. Она встречалась не только в быту, но и в военных и посольских делах, однако это была уже иная речь, с иным

---

[1] См. А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, вып. 2, М., 1910, стр. 113.

[2] В. Даль, Толковый словарь, т. I, М., 1955, стр. 566.

назначением. Такова «загадочная» речь княгини Ольги в летописном рассказе о ее мести древлянам за убитого князя Игоря. Эта иносказательная, «загадочная» речь приводится в летописи и в других случаях.

Лазутчик князя Ярослава, как рассказывает летопись, встретился в стане Святополка с одним из сторонников Ярослава, и между ними произошел многозначительный, хотя как будто бы и обычный, разговор: «Меду мало варено, а дружины много», — сказал посланный Ярославом разведчик (то есть не время начинать битву-пир). Передай Ярославу «тако, — отвечал ему воин, — да аще меду мало, а дружины много, да к вечеру дати» (то есть будет мед, в ночь можно начинать сражение, пир-битву).

Образ меда-вина, без которого нельзя начать «пира», — традиционный в фольклоре и встречается в «Слове о полку Игореве»: «Ту кровавого вина не доста: ту пир докончаша храбрии Русичи». «Загадочная» речь, выдержанная в традиционном духе, имела свои установившиеся формы иносказаний, идущие из глубокой древности.

Однако в отличие от старой она уже не имела ничего общего с древними мифологическими представлениями. Ее точное воспроизведение мы найдем в сказке о мудром горшечнике и грозном царе Иване Васильевиче [1].

Такова и речь мудрой девы Февронии, героини древнерусской повести XIV века: «Не лепо есть быти дому без ушию и храму без очию» (то есть плохо, когда в доме нет собаки: она бы учуяла прохожего; плохо дому и тогда, когда нет в нем отрока: он — глаза дома).

Своим путем пошло и развитие загадок, оторвавшихся от древней иносказательной речи. Лишь в остаточной форме сохранялась прежняя связь загадок с древней условной речью. Крестьянские обычаи предписывали загадывать загадки в определенное время и при определенных обстоятельствах.

В народных свадебных обычаях вплоть до XIX века загадывание загадок составляло обязательную принадлежность свадебного обряда. В Псковской губернии подруги невесты загадывали дружке жениха загадки и не пускали его в избу до тех пор, пока не получали правиль-

---

[1] А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, М.—Л., 1936—1940, № 325.

ного ответа. В. Далем записана пословица, которую приводили в назидание жениху: *Выбирай такого дружку, чтоб загадки разгадывал.* Загадки загадывали и самому жениху. Прежде чем сесть рядом с невестой, жених должен был отгадать загадку. И в сказках царевна выходит замуж за того, кто сумел отгадать ее загадки.

В одной из песен «гостиный сын», возымевший желание жениться, загадывает девице семь загадок: отгадает — станет его женой. В сборнике И. Худякова приведена любопытная загадка, ясно намекающая на значение загадок в свадебном обряде: *Днем, как обруч, ночью, как уж. Кто отгадает, будет мне муж* (пояс). О подобной роли загадок говорят и сказки о «мудрых девах».

Смысл разгадывания загадок во всех этих случаях толкуется как одно из условий приема чужого человека в новую семью. Это загадывание загадок в рудиментарной форме с неизбежными поздними искажениями и напластованиями воспроизводит родовые обряды испытания мудрости в переломные для человека моменты жизни.

Этой же связью с давней традицией надо объяснить и смысл запретов загадывать загадки не вовремя. Неподходящим для этого считалось лето и дневная пора. Нарушение запретов влекло, по представлению крестьян, разные бедствия и напасти. Обыкновение загадывать загадки после окончания полевых работ осенними и зимними вечерами шло от древних обычаев, строго регламентировавших порядки и жизнь древнего рода. Определенные периоды в сезонах древний человек считал особенно опасным для себя и прибегал к иносказательной речи.

Остается пояснить смысл легенд и преданий о различных чудовищах и мифических существах, загадывающих загадки людям. У греков, древних германцев, как говорят предания, загадывание загадок приравнивалось к единоборству. Согласно легендам и преданиям, неотгадавший загадок платился жизнью.

Греки рассказывали о том, что насланное на людей богиней Герой чудовище Сфинкс — полуженщина, полусобака, полудракон — умерщвляло каждого, кто не мог отгадать его загадок. Когда же Эдип разгадал загадку, Сфинкс низвергся в горы и погиб. Это мифическое предание живо напоминает славянские поверья о том, что русалки губят людей, не отгадавших их загадок. А

загадки такие: *Да что растет без коренья?* (камень), *Да что цветет без цветка?* (папоротник), *Да что бежит без повода?* (вода).

Как понять эти легенды и поверья? В основе всякой мифологии лежат «перевернутые», превратно понятые реальные связи и отношения. Человек творил мифологию по образу и подобию своей жизни. По представлению первобытного человека, сверхъестественные существа, жившие в лесах, на горах, в реке и в небе, подобно людям, прибегали к тайному слову. И подобно тому как человек таил смысл своей загадочной речи, так и фантастические существа таили свою речь от людей. Если отгадать сокровенный смысл непонятного языка мифологических существ, фантастический мир покорится воле человека, в противном случае человек остается во власти враждебных потусторонних сил.

Загадывание загадок русалками, Сфинксом и им подобными существами в образах мифологии воспроизводит борьбу человека с силами природы. Человек стремился разгадать тайный «язык» природы, чтобы овладеть ею самою. Такова мировоззренческая основа древних мифологических преданий, говорящих о состязании в отгадывании загадок. И в этом случае обнаруживается связь загадок с первобытной речью обиняками, посредством подставных слов, только эта связь предстает в перевернутом, обратном отражении обычаев людей в фантастике легенд и преданий.

История фольклора на ранних ступенях развития неизбежно включала значительные моменты магии и даже культа, но одновременно уже тогда в устном творчестве народа проглядывал стихийно-материалистический взгляд на свойства и природу окружающей действительности, преображаемой трудом человека. Начала ясного, не затемненного мистицизмом сознания обнаруживались тем отчетливее, чем шире и глубже опознавалась действительность в процессе общественной практики человека. Выделение загадки из «загадочной» речи и возникновение ее как художественного явления произошло на основе правильного познания действительности.

Процесс формирования загадки как художественного жанра надо связать с ростом правильных воззрений людей на действительность потому, что поздняя загадка, допускающая ясно осознаваемую поэтическую услов-

ность в изображении жизни, немыслима, когда жива вера во всемогущие силы сознательной природы.

Мы видели, что иносказания древней загадки возникли в результате стремления придумать условные названия для умалчиваемых предметов и явлений действительности. Исчезает в результате общественного прогресса вера в сознательные действия природы, становится не нужной старая условная речь, а вместе с ней и старая загадка.

Но народ загадку не оставил. Из составной части древней тайной речи она превратилась в чисто художественное явление со своими новыми общественными функциями. Между старыми и новыми загадками рубежом легло исчезновение мифологических представлений и понятий как основы существования в быту и труде тайной иносказательной речи. Торжество правильного взгляда на действительность привело к расцвету загадки как явления словесного искусства.

Старые иносказания — обозначения и названия развернулись в изображения предметов и явлений действительности. Это изображение не преследовало теперь никаких иных целей, кроме художественно-поэтических и тех, которые связаны с назначением загадки как средства испытания сообразительности и догадливости. Такое изменение и понятно: народ стал смотреть на загадку, как на развлечение, и отсюда ее новые, чисто поэтические формы.

Те загадки, которые мы знаем в поздних записях собирателей фольклора, возникли на основе старых и могут содержать в себе древнее образное «зерно», которое проросло и развернулось в целый образ. Условное обозначение свиньи *низкоглядая* обратилось в описание: *По земле ходит, неба не видит*. Условное название *востроверхая*, данное церкви, превратилось в развернутое описание: *Плеть плетена, вверх сведена о сте углов, о тысяче рублев*. Древнее условное название огня «петух», породившее известную поговорку-идиом *пустить красного петуха*, в загадке о горящей лучине развернулось в такой поэтический образ: *Красный кочеток по нашестке бежит*.

Некоторые из загадок поражают современного человека отдаленностью сходства сравниваемых предметов. Может возникнуть даже недоумение: почему, например,

солнце уподоблено хозяину, а месяц — пастуху: *Золот хозяин — на поле, серебрян пастух — с поля*, или почему гром сравнивается с туром, а молния — с турицей: *Тур ходит по горам, турица-то по долам; тур свистнет, турица-то мигнет*. Недоумение исчезнет, если принять во внимание нередкую откровенную условность уподоблений и сравнений, принятых в древней тайной речи, с которой была первоначально связана загадка.

Архангельские рыболовы называли сороку векшей, то есть белкой[1]. Оснований даже для отдаленного сходства нет. Очевидно, здесь действовал в известной мере произвол тех людей, которые придумали в своей тайной речи условные названия. По традиции перейдя в художественную загадку, все эти уподобления и сравнения должны были получить чисто поэтическое оправдание. И народная творческая мысль работала над тем, чтобы убрать слишком вольные уподобления и заменить неудачные в художественном отношении сопоставления иными, более ясными и выразительными, но все же известная условность образных сравнений и метафор в народных загадках осталась. Именно это делает их отгадку порой невероятно трудной и даже непонятной.

Загадки, оторвавшиеся от строго определенных иносказаний древней речи, в большинстве случаев нарушили старые традиционные формы метафор, уподоблений и сравнений. Начался процесс замены старых образов новыми, более понятными людям новых эпох, такими, которые больше говорили эстетическому чувству новых поколений.

На смену загадке о месяце-пастухе пришла загадка о *бабиной избушке*, за которой *висит хлеба краюшка; собаки лают, а достать не могут*. Стала редкой загадка о молнии-турице и громе-туре. Куда понятнее и яснее загадка: *Царь кликнет, царь мигнет, кого-то позовет*. Вместо старой загадки о солнце — *красной девушке*, что ходит *по небу*, стали загадывать: *Красное яблочко по тарелочке катается*. Круглое красное яблоко скорее напомнит солнце, чем девица. Уподобление солнца девушке хранит хотя и прекрасный, глубоко поэтический, но уже недостаточно ясный смысл.

---

[1] См. упомянутую публикацию А. Колчина.

Одновременно с созданием новых загадок шел процесс переосмысления старых, хранивших древнюю иносказательную образность. Загадка *Шли козы по калинову мосту, увидали зорю, попадали в воду* (небо и звезды) с незначительным изменением: *Катились каточки по липову мосточку, увидали зорю, пометались в воду* — стала разгадываться весьма обыденно: горох варят. Но подобных переосмыслений было, по-видимому, немного. Чаще всего на смену старым загадкам шли новые, храня и развивая выработанные в веках основные принципы строения и образности.

Большинство дошедших до нас загадок относится к эпохе, от которой сохранились письменные памятники. Эти загадки положили в свою основу реалистическую образность. Подавляющее большинство этих загадок посвящено земледельческому труду. Если загадки более раннего происхождения отразили скотоводческий быт и в них решительно преобладали условные иносказания: ночное небо уподоблено немеренному полю, звезды — несчитанным овцам, а месяц — рогатому пастуху (*Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогат*), ночь представлена как черная корова, а день как белая (*Черная корова всех людей поколола, а белая вставала, всех подымала*), гром изображен ревущим волом (*Крикнул вол на сто озер*), то в поздних загадках, отразивших земледельческий уклад жизни, уже редко встречается эта смелая и порой непонятная условность образов. Поэтическая мысль в этом последнем случае развивается по вполне ясному руслу.

Даже в поздних записях загадки хранят остатки древней загадочной поэзии времени Киевской Руси и эпохи, еще более древней. Загадки о сохе, серпе, молотьбе, льне, пеньке, прядении и прочем генетически восходят к этой эпохе. Такова и загадка о жерновах и муке: *Два борова дерутся, промеж них пена валит.*

Возводить эту загадку к столь далекому времени позволяет следующее соображение. На древней Руси *боровом* называли не только кабана, но и барана, и такое значение этого слова зафиксировано письменным памятником XIII века. Поздние памятники и областные диалекты не знают употребления слова *боров* в значении «баран».

Тем не менее в XIX веке наряду с вариантами, в которых идет речь о кабане, борове, хряке, поросенке, вепре, записан один вариант, в котором говорится о барашке: *Два барашка грызутся...* и т. д. [1] Этот вариант дает основание утверждать, что загадка традиционно восходит к тому времени, когда слова *баран* и *боров* имели одно значение.

Развитие ремесла, укрепление городов, рост торговли вели к появлению в среде народа новых предметов быта и новых понятий. Точная датировка загадок, отражающих эти новые явления в жизни народа, возможна на основе привлечения данных археологии, этнографии, истории ремесла, промышленности, торговли — истории народа в самом широком значении этого слова.

Конкретность и предметность загадок в известной мере облегчает историческое их изучение. В XIX веке в Псковской губернии была записана загадка: *Потекунчики текут, поросятинку везут, два кума Абакума, две сестры Авдотьи, пять Фалалеев, десять Андреев* [2]. Здесь речь идет о санях, их полозьях (Абакумы), оглоблях (Авдотьи), вязьях (Фалалеи), копыльях (Андреи). Без начальных слов загадка записана во многих вариантах и в различных местностях.

Разгадку начальных слов дает другая загадка: *Певунчики поют* (попы), *ревунчики ревут* (родные и плакальщицы), *текунчики текут* (слезы), *бегунчики бегут* (ноги лошади), *сухо дерево везут* (гроб)... [3] Это начало загадки о похоронах точно совпадает с начальными словами приведенной выше загадки о санях. *В том дереву не пищит, ни визжит, не шелохнется* — говорится в другом варианте загадки о похоронах. Это развернутое описание окончательно поясняет смысл загадки о санях. Речь в ней идет о похоронах на санях, весьма древнем обычае, первые известия о котором идут с XI века [4].

---

[1] Д. Н. Садовников, Загадки русского народа, Спб., 1876, № 1088з.

[2] Там же, № 957е.

[3] Там же, № 2106.

[4] См. исследование Д. Н. Анучина, Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда, М., 1890.

После XIV века в летописях нет упоминаний о санях, на которых бы летом несли или везли умерших. По-видимому, обычай этот прекратился и был возобновлен в XVII веке в княжеском и царском обиходе уже как обычай «давний», то есть исчезнувший из народного быта.

Петр I упразднил этот обычай и в царском ритуале. Все это дает основания относить загадку к весьма далеким временам. По мере того как забывался обычай, забывалась и сама загадка, отбросившая свое начало, говорящее о похоронах; оставалось лишь то, что касалось саней. В таком виде загадка записана во многих вариантах. Только единичные сохранили прежнюю, более полную форму.

Некоторые загадки отразили исчезнувшие предметы обихода и быта: *Серое сукно тянется в окно* (дым в курной избе), *Зиму и лето на одном полозу ездит* (волоковое окно) и другие.

Бесспорно, что загадка о стреле: *Летит птица крылата, без глаз, без крыл, сама свистит, сама бьет* — появилась значительно раньше загадки о пуле: *Птичка невеличка, по полю катится, никого не боится.* Загадка о «чугунке» (железной дороге): *Бежит конь вороной, много тащит за собой*; загадка о верстовом столбе: *Сам не видит, другим указывает* — не могли быть древними и появились не раньше, чем вошли в народный быт названные предметы.

Когда в загадках идет речь о таких «неизменных» предметах и явлениях, каковы береза, мороз, ветер, кровь, вода и пр., в этих случаях все внимание должно быть обращено на то, посредством чего изображается предмет в загадке. Загадка о чернолесье и сосне или ели: *Все капралы поскидали кафтаны, один капрал не скинул кафтан* — не могла возникнуть ранее XVII века, так как капральское звание младшего командного состава было введено лишь с этого времени и просуществовало до первой половины XIX века. Загадка о сне: *И рать и воеводу в один мах перевалял* — может быть отнесена только ко временам допетровской Руси.

Записанная в XIX веке загадка о проруби: *В новой стене, в круглом окне днем стекло разбито, за ночь вставлено* — не могла быть создана ранее XVIII века: с этого времени оконное стекло стало входить в быт русского

народа; существовавшие единичные заводы XVII века поставляли стекло царским и княжеским домам. Загадка о севе: *Загану загадку, закину за грядку, моя загадка в год пойдет, калачом взойдет* — встречается в таких вариантах: *брошу за грядку, год подожду — годовик (годовинку) пожну (на другой возьму)*. Сбор урожая здесь уподоблен *годовику* (однолетку, годовалому, перегодовавшему животному). В других вариантах об урожае говорится иначе: *Моя загадка пойдет — сто рублевиков найдет*. Надо полагать, загадки первого типа по происхождению более ранние, чем вторые, так как отражают обыкновение замкнутого патриархального быта производить все и потреблять все внутри хозяйства, бывшего натуральным.

При историческом приурочении загадок должно обращать внимание и на то, какова система их образности, принципы воспроизведения жизни. Еще не написана история развития народного поэтического сознания, не выяснено историческое своеобразие важнейших этапов в развитии народного поэтического освоения действительности. Когда это будет сделано, историческое изучение загадок при соединении всех приемов их исторического приурочения будет разрешено полностью.

Предметом своих загадок народ делал вещи и явления, с которыми он постоянно сталкивался в быту и в работе. Земля и небо, явления природы, мир животных, домашних и диких, внутреннее убранство избы, утварь и посуда, упряжь и выезд, земледельческая и всякая иная работа — таков основной круг предметов и явлений жизни, охваченный в загадке.

В самом характере воспроизведения этого мира жизни загадка обнаруживает особый мировоззренческий подход к явлениям действительности. *Летит птица, не ест ни ржи, ни жита, а ест тура да оленя до красного деня (дня)* — в образной форме этой старой загадки об оводе со всей очевидностью обнаруживается точка зрения народа, постигавшего свойства и природу окружающего мира через труд, производственную практику.

Мужик идет из лесу, зеркало за поясом — в этой загадке поэтическое уподобление топора зеркалу обнаруживает в создателе труженика, отлично знающего, как сверкает топор, который долго был в деле. *В горах родится, огнем крепится, положат на съемище, повезут на*

торжище; придут дочери отецки, жены купецки, придут его глас слушать — в загадке прослежен весь путь горшка от глины, из которой он сделан, до базара. Интересно упоминание в ней известного каждому опытному покупателю обычая ударять по горшку, слушая его «глас» (как звенит: нет ли в нем скрытой трещины). Загадка со всей очевидностью раскрывает нам точку зрения производителя материальных благ жизни.

Народно-трудовая основа загадок обнаруживается не только в том, какие предметы и с какой точки зрения изображены в загадке, но и в том, посредством каких образов воспроизведен этот предмет. *Секу, секу — не высеку, рублю, рублю — не вырублю* или *Мету, мету — не вымету; пора придет — сам(о) уйдет* — это загадка о солнечном луче; образность взята из мира крестьянского труда. Подобным же образом радуга уподоблена коромыслу: *Крашеное коромысло через реку свисло,* звездное небо — ситу и гвоздям: *Сито вито, гвоздями убито* и другие.

Народно-трудовая основа помогает понять, как отражается в загадке классовая точка зрения трудящихся масс. Предмет загадки — вещественно-конкретный мир, и самая тема не может раскрыть её классовой природы. Звезды и небо, месяц и солнце, топор и коромысло, соха и борона — все эти предметы, взятые сами по себе, конечно, не содержат никакого классового значения, но взгляд на мир, та специфическая мировоззренческая точка зрения производителя материальных благ, которая свойственна только трудовому народу, та народная «эстетика», тот склад поэтического мышления, который присущ только народу, — все это говорит о народном, только народном, происхождении загадок.

Недаром в правящих кругах, противопоставивших свою поэтическую культуру культуре народа, столетиями держалось пренебрежительное и даже враждебное отношение к народным загадкам, как проявлению «низкой» забавы черни и «простонародья».

Народный характер со всей очевидностью обнаруживается в загадках о духовенстве. Поп с евангелием изображен в такой едко насмешливой загадке: *Идет — не мужик и не баба, не домой и не в гости, несет не пирог, не сгибень.* Дьячок уподоблен овце: *Что в церкви блеет?,* а поп с кадилом резко сатирически представлен оленем,

машущим хвостом: *В ельничке густом, в березничке частом олень машет хвостом.*

В загадках ярко отразился поэтический склад народа, любовь народных масс к «вещественному» миру жизни. Действительность отражена в загадках неущербно, цельно, во всей полноте чувств. Образы в загадках ярки, красочны, исполнены разнообразных звуков, предметы очерчены резко, отчетливо. *Бела, как снег, черна, как уголь, зелена, как лук, вертится, как бес, и дорога в лес* — в красках, в быстрых движениях изображена хлопотливая сорока. Болотный куличок рисуется безутешно плачущей птахой: *В болоте плачет, а из болота нейдет.* Непонятно, мелко и заливисто щебечущая ласточка предстает в таком отчетливом образе: *Шитовило, битовило по-немецки говорило; спереди — шильце, сзади — вильце, с исполу бело полотенце.* Двумя яркими красками изображен гусь: *Белы хоромы — красны подпоры.* Загадки полны движений: *Черныш-загарыш! Куда поехал? — Молчи, кручено, верчено, там же будешь* (чугун и ухват); *Едем — едем, не объедем* (задние колеса); *Летит — молчит, лежит — молчит, когда умрет, тогда заревет* (снег); *Бегут плоски, загня носки* (лыжи). Заяц, в мгновение ока перескакивающий через дорогу, изображен кратко и выразительно: *Через путь прядыш.*

Было обращено внимание на то, что загадка никогда не загадывает родовых понятий: например, нет загадок о животном, или загадок об овоще. Отсюда был сделан вывод, что загадка остановилась на той стадии постижения предметов и явлений действительности, когда человек еще был очень далек от абстракции и для него не существовало родовых понятий. Это объяснение неправильное. Одновременно существовавшая с загадками богатейшая пословично-поговорочная поэзия говорит о прямо противоположном.

Внимание к предельно конкретной предметности объясняется поэтической природой загадки. Не существует образа овоща вообще, но есть огурец, редька, капуста, лук. Не может быть образа животного вообще, но есть корова, лошадь, собака, козел, баран. Их-то, эти конкретности и изображает загадка как художественный жанр, отражающий действительность в образах.

Загадки отражают высокий уровень познания действительности. Их создавал народ, которому глубоко чуждо

созерцательное отношение к действительности. В процессе труда, практики народ постиг диалектику связей, законы сцепления вещей и пути их изменения. Мир предстает в загадках в развитии, в столкновении, в многообразных связях, в той диалектике, которая свойственна самой жизни. На эту черту народных загадок впервые обратила внимание М. А. Рыбникова [1].

Это глубоко верное замечание.

Загадка определяет свойства и качества предмета по их назначению в жизни в их многочисленных и многосторонних связях: *Били меня, били, колотили, колотили, клочьями рвали, по полю валяли, под ключ запирали, на стол сажали* (лен, пряжа, холст, скатерть); *С одного дерева да четыре угодья: первое — от темной ночи свет, второе — некопанный колодезь, третье — старому здоровье, четвертое — разбитому связь* (береза, лучина, сок, веник, береста для горшка) и другие.

С утверждением загадки как специфического жанра фольклора, развивающего сообразительность, надо поставить появление особого типа шуточных загадок, построенных на игре слов: *От чего гусь плавает?* (От берега); *Ты не съешь огурец соленый?* (С Аленой). Вопрос в этих загадках вводит в заблуждение и не связан с ответом. Появляются и так называемые «арифметические» загадки-головоломки такого типа: *Летела стая тетеревов, села на рощу деревов; по двое на дерево сядут — одно дерево лишне, по одному сядут — один тетерев лишний* или *Сидят три кошки; против каждой кошки две кошки. Много ль всех?* и другие.

С введением христианства и письменности началось проникновение в народ книжных загадок. Стремясь вытеснить устную народную загадку, господствующие классы распространяли так называемые «вопросы и ответы» — извлечения из церковной литературы. Эти «вопросы» были посвящены абстрактно-отвлеченным темам, глубоко чуждым народному сознанию: они говорили о евангелии и евангелистах, Адаме и Еве, теле Христовом, ковчеге и Ное. Через старинные «азбуки» эти вопросы внедрялись в сознание народа. Часть таких «загадок» была записана собирателями. По своей сути и форме эти «загадки» отличаются от подлинно народных.

---

[1] М. А. Рыбникова, Загадки, «Academia», 1932, стр. 22.

Поэтические особенности загадок тесно связаны с их жанровой природой. Помимо широко распространенной метафорической иносказательности, в загадках столь же часто встречается иносказательность в форме метонимий. *По горам, по долам ходит шуба да кафтан* (овца) — в основу сравнения здесь положено не сходство, то есть отношения, лежащие в основе метафоры, а такой признак, который говорит о внутренней связи сопоставляемых предметов (шуба и кафтан готовились из овечьей шерсти и шкуры).

Большое количество загадок построено по принципу воспроизведения отдельных признаков умалчиваемых предметов: *Черненька, маленька, всему свету миленька* (черемуха); *Сверху зелено, посередине толсто, под конец тонко* (репа); *Красненько, кругленько, красненько, кругленько, листочки продолговатеньки* (рябина); *Комовато, ноздревато, и губато, и горбато, и тяскло, и кисло, и пресно, и вкусно, и красно, и кругло, и грузно, и легко, и мягко, и твердо, и ломко, и черно, и бело, и всем людям мило* (каравай) и другие.

Иногда признаки предмета передаются в форме специально придуманных на этот случай слов: *И стучиха, и бренчиха, и четыре шумитихи, и хохол, и махор, и змея с хохлом* — это загадка о телеге, которая на ходу стучит, бренчит; о колесах, которые шумят; о лошади, ее гриве *(хохол)*, хвосте *(махор)* и, наконец, в форме метафоры о кнуте с «хвостянкой» на конце *(змея с хохлом)*.

Обычны в загадках разнообразные формы олицетворений: *Сутул, горбат все поле перешел, все суслоны перечел* (серп). Серп здесь уподоблен живому существу.

По самой жанровой природе загадке, сопоставляющей один предмет с другим, свойственны разнообразные формы сравнений: *Сижу на тереме, мала, как мышь, красна, как кровь, вкусна, как мед* (вишня), *Бел, как снег, в чести у всех* (сахар) и другие. Сравнение может иметь и отрицательную форму — это так называемое «выключение» сходных предметов из загадываемого предмета: *Рябо — да не пес, зелен — да не лук, вертится, как бес, и повертка в лес* (сорока).

Немало загадок использует собственные имена: *Стоит Антошка (Трошка, Тимошка) на одной ножке; его ищут, а он нишкнет* (гриб), *Стоит Ерофейко, подпоясан коро-*

тенько (голик) и другие. Этот прием по существу есть частный случай олицетворения.

Вместо обычного описания предмета в загадке встречается иногда диалог: *Криво да мимо, куда побежало?— Зелено — лукаво, тебя стерегчи!* (околица и поле); речь от первого лица: *Кто меня сделал — не сказывает, кто меня не знает — принимает, а кто знает — на двор не пускает* (фальшивые деньги).

Загадка по своему существу есть вопрос, но ее вопросительная сущность не часто обнаруживается в форме прямого вопроса: *Кто бежит без повода?* (река). В некоторых случаях загадка начинается со слов: *«А что таково?»*, но чаще всего загадка сразу начинается с замысловатого описания предмета или явления.

Исключительно многообразны формы ритмического строя загадок. Ритмика в загадке, как во всяком ритмически оформленном произведении словесного искусства, служит художественно-изобразительным функциям, четко членит «загадочное» описание на композиционные части. *Мах, мах! Под порог ляг* — загадка живо воспроизводит самим ритмом и композиционным строем то, как голиком счищают снег с валенок и бросают под порог. *Суну, посуну, делаю посуду; высуну — поколочу и всю вызолочу* — ритмический строй этой загадки соответствует ладной, умелой и быстрой работе — ковке.

Ради воспроизведения ритма работы иногда придумываются и своеобразные звукоподражательные слова: *Потату, потаты! Токату, токаты! А яички ворохом несутся* (молотьба). Загадки богаты аллитерациями: *Сам Самсон, сам мост мостил, без топора, без клинья, без подклинья* (мороз); *Что слаще меда, сильнее льва?* (сон).

Загадкам свойственны все особенности народного стиха, присущего пословицам, поговоркам, прибауткам, всем малым жанрам устного народного творчества. Это в немалой степени способствует переходу пословиц и поговорок в загадки: *В городе рубят, к нам щепки летят* (письма, вести), *В одном кармане вошь на аркане, в другом блоха на цепи* (нищий) и другие.

Загадка иногда использует образность сказок. Про медведя загадывают: *Всем пригнетыш.* Эта загадка живо напоминает медведя из сказки о теремке. Про соху говорят: *Стоит баба-яга, распорота нога, весь мир кормит — сама голодна.* Загадка о жареном гусе: *В Печорском, в*

Горшенском, под Крышенским сидит Курлын Курлынович, конечно, связана со сказкой о скупой старухе и ловком солдате.

Жанр загадки привлекал внимание крупнейших русских и зарубежных ученых. История изучения загадок началась почти одновременно с историей их собирания. Долгое время народной загадкой пренебрегали. Об отношении правящих классов феодальной Руси к загадкам говорит грамота царя Алексея Михайловича (1648), осуждавшая тех, кто «загадки загадывает». Загадывание загадок было приравнено к пению «бесовских» песен. Ни о каком собирании загадок, ни тем более об их изучении в то время не могло быть и речи.

Первые записи загадок были произведены в конце XVII века отдельными любителями народного творчества. Эти записи оказались в значительной степени случайными: записывались собственно пословицы и поговорки, а загадки попадали в рукописные сборники в том случае, когда собиратель не отличал загадку от пословицы[1].

Во второй половине XVIII века появилось несколько печатных сборников загадок, но эти «записи» лишь отдаленно напоминали народные тексты. Правильнее говорить не о записях, а о специфическом жанре литературной загадки, сложившейся под влиянием народной, устной. Этот жанр испытал решительное воздействие «эстетики» классицизма — господствующего литературного направления.

Примером такого рода загадок являются «Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени» (М., 1773). Автор сборника В. Левшин предназначил книжку для публики, которая хорошо знала свойства румян, гребня, щляпы, шпаги, карманных часов, природу вздохов, слез, сонного мечтания, предназначение клистира и качества табака. Но все-таки в сборник попали и некоторые народные загадки, конечно, в обработанном виде. В народе жила такая загадка: *Птица Юрица на девяти ногах стоит, на ветер глядит, крыльями машет, а улететь не может* (ветряная мельница). У В. Левшина загадка приняла следующий вид: «Я ничего не могу сделать, есть ли работе моей воздух и ветер

[1] См. П. Симони, Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII—XIX столетия, вып. I, изд. ОРЯиС Академии наук, Спб., 1899.

не помогут. Имею крылья, которыми машу, но с места никогда не подымаюсь, а что я останавливаюсь — сие происходит не от страха, а по произволению людей». Народная загадка оказалась почти полностью разрушенной.

По сборникам, подобным левшинскому, все-таки можно судить о том, какие загадки ходили среди городского и сельского населения в это время. Особенно ценен в этом отношении сборник «Сто и одна загадка» (М., 1790). Составитель укрылся под инициалами *Г. Б.* Тексты этого сборника и по форме и по содержанию ближе к народным загадкам, чем тексты В. Левшина, но все же и это литературное творчество, а не фольклор. Таковы и те 35 загадок, которые помещены в знаменитом «Письмовнике» Н. Курганова.

Один из сборников этого времени заслуживает особого внимания. В Москве, в университетской типографии у Н. Новикова были отпечатаны «Увеселительные загадки со нравоучительными отгадками, состоящие в стихах» (М., 1781). Среди прочих загадок здесь помещены загадки о законе, свободе, науке. Составитель этого сборника был человеком передовых просветительских убеждений. Наряду с придуманными самим составителем загадками в сборник включены, хотя и в сильно обработанном виде, подлинно народные загадки. Одна из них насмешливо-ироническая по отношению к господам: *Богатые сбирают, а нищие бросают* (сопли).

К XVIII веку относится и первая точная публикация народных загадок. В 1770 году в журнале М. Д. Чулкова «Парнасской Щепетильник» было опубликовано пятнадцать подлинно народных загадок.

В 30-х годах XIX века И. П. Сахаров предпринимает обширное издание «Сказаний русского народа». Во вторую книгу (т. 1, Спб., 1841) собиратель включил свыше двухсот загадок, записанных, как сам он говорил, «в Туле и Москве». Тексты И. П. Сахарова записаны почти без искажений. Изданием И. П. Сахарова было положено начало систематического собирания загадок.

На всем протяжении 40-х и 50-х годов загадки публикуются в различных губернских ведомостях, в специальных этнографических сборниках. Особенно их много становится в 60-е годы в связи с обострением крестьянского вопроса.

В это время загадка стала предметом глубокого изучения в исследованиях представителей так называемой «мифологической школы». Рассматривая загадку как обломок обширного эпического предания древности, Ф. Буслаев писал: «Загадка сохранила в чисто народной поэзии свой первобытный мифический характер»[1]. Стремление понять загадку как архаический жанр помешало последователям мифологической школы понять значение загадок в жизни крестьянских масс.

Иных взглядов держался один из представителей передовой, демократической интеллигенции 60-х годов И. А. Худяков, который предпринял собирание народных загадок и специальное их изучение. Изданный им сборник включал 731 загадку[2]. Через три года, в 1864 году, увеличив свой сборник на тысячу новых загадок, И. А. Худяков опубликовал свое собрание в «Этнографическом сборнике Российского географического общества» (вып. VI, Спб, 1864). Краткое предисловие, которым начиналось собрание загадок 1861 года, было превращено И. Худяковым в развернутую статью. Первый раздел ее посвящен вопросу о значении загадок в народном быту.

И. Худяков не отрицал того, что в некоторых загадках сохранились образы древней мифологии, но он обратил особое внимание и на то, какое значение имело использование загадок в судебных спорах, свадьбах народа. И. Худяков заинтересовался особой ролью загадок в быту забайкальских народов Сибири. Народные загадки, по глубокому убеждению И. Худякова, представляют собой «народную науку, цикл народных сведений о предметах, наиболее интересных для народа: о физических явлениях, о предметах естественной истории и народного быта»[3].

Исследователь сделал правильный вывод, что «большая часть загадок относительно предметов быта должна быть отнесена к исторической эпохе»[4].

Худяков попытался охарактеризовать основные виды загадок, возникших в разные исторические периоды вре-

---

[1] Ф. Буслаев, Исторические очерки, т. I, Спб, 1861, стр. 33.
[2] И. Худяков, Великорусские загадки, М., 1861.
[3] Этнографический сборник Российского географического общества, вып. VI, Спб, 1864, стр. 21.
[4] Там же, стр. 24.

мени. Заслуга исследователя состоит и в том, что он резко подчеркнул отличие народных загадок от тех, которые шли из церковно-учительской литературы. И. Худяковым сделаны первые наблюдения над поэтикой загадки. Наблюдения, выводы собирателя почти целиком были восприняты последующими исследователями.

Продолжателем И. Худякова как собирателя и исследователя загадок был Д. Н. Садовников. Воспользовавшись архивными и опубликованными в разных периодических провинциальных изданиях материалами, Садовников составил замечательное по полноте и качеству собрание «Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач» (Спб, 1876). Это итоговая работа всех собирателей предшествующего периода. В сборник вошло свыше 3500 загадок, не считая многочисленных вариантов, число которых к одной загадке иной раз доходит до пятидесяти.

Впервые Д. Н. Садовников распределил загадки по тематическим группам: жилище, внутреннее убранство, домашнее хозяйство (утварь и посуда), рукоделие, одежда и украшения, домашние животные, земледельческие работы и пр. Собиратель ставил целью охарактеризовать жизнь и быт, облик крестьянина-труженика.

После сборника Садовникова крупных собраний загадок до революции не выходило, но было немало как отдельных публикаций, так и публикаций загадок совместно с другими жанрами фольклора. Загадки предстали в специальных публикациях Е. П. Жданова («Загадки русского народа», М., 1887), Н. А. Иваницкого («Загадки, собранные по Вологодской губернии». Статистический сборник, издаваемый Вологодским губернским статистическим комитетом, т. 3, Вологда, 1883) и других собирателей, внимательно следивших за тем, что нового внесло время в жанр загадки.

Загадка по-прежнему остается предметом внимательного изучения в трудах видных исследователей этого времени: А. А. Потебни[1], Е. Н. Елеонской[2],

[1] А. А. Потебня, Объяснение малорусских и сродных народных песен, «Русский филологический вестник», т. XVIII, Варшава, 1887.

[2] Е. Н. Елеонская, Некоторые замечания о роли загадки в сказке, «Этнографическое обозрение», 1907, № 4 (М., 1908), стр. 78—90.

А. В. Маркова[1]. В изучении загадок сказалась методология академической историко-культурной школы с ее недостатками и достоинствами.

После 1917 года много сил собиранию загадок отдал В. Серебрянников, но он опубликовал лишь часть собранного обширного материала («Загадки как народное развлечение», Пермь, 1918). В 1932 году появилось собрание М. А. Рыбниковой «Загадки» (изд. «Academia»). Сборник составлялся силами многих собирателей и любителей фольклора. Это записи второй половины 20-х годов. В сборнике 3500 загадок.

М. А. Рыбникова произвела опыт распределения загадок «по районам», стремясь выявить местное своеобразие общерусского материала. Основную цель своего сборника М. А. Рыбникова видела в установлении тех изменений, которые внесла в загадку советская действительность. В сборнике помещены загадки, созданные школьной молодежью на темы нового быта, индустриализации страны. Эти загадки как личное творчество отдельных лиц М. А. Рыбникова отделила от остальных, тех, которые создавались народом на протяжении веков в традиционных формах.

Сборнику предпослана содержательная статья М. А. Рыбниковой. В этой статье глубоко раскрыто жанровое своеобразие загадок, связь их поэтического содержания с бытом и мировоззрением народа. Несмотря на отдельные неправильные формулировки, это лучшая в советской исследовательской литературе статья о загадках.

Из последних работ о загадке следует отметить статью «Загадка» И. М. Колесницкой («Русское народное поэтическое творчество». Пособие для вузов, под редакцией П. Г. Богатырева, Учпедгиз, 1956). Несмотря на все сказанное, загадка все еще остается недостаточно изученным жанром устного народного творчества.

Загадка издавна привлекала внимание писателей. Ее смелая художественная выдумка и причудливая поэтичность вызывали у мастеров слова желание померяться силами. Еще в 30-е годы XIX века, пленившись образом рогатого пастуха-месяца и его бесчисленных стад — звезд-

[1] А. В. Марков, О методе изучения загадок (оттиск из «Этнографического обозрения», книга 83, отдел «Смесь», стр. 1—5).

ной россыпи, В. А. Жуковский воссоздал ночное небо в таких звучных и гармонических строках:

На пажити необозримой,
Не убавляясь никогда,
Скитаются наисчислимо
Сереброрунные стада.
В рожок серебряный играет
Пастух, приставленный к стадам;
Он их в златую дверь впускает,
И счет ведет им по ночам.
И недочета им не зная,
Пасет он их давно, давно;
Стада поит вода живая,
И умирать им не дано;
Они одной дорогой бродят
Под стражей пастырской руки,
И юноши их там находят,
Где находили старики.
У них есть вождь — овен прекрасный,
Их строжит огромный пес;
Есть лев меж ними неопасный,
И дева — чудо из чудес [1].

В народной загадке *Поле не мерено, овцы не считаны, пастух рогатый* поэт нашел то поэтическое зерно, которое развернул в целую картину. И как характерна эта картина для элегически умиротворенного творчества В. А. Жуковского!

Иной была обработка народных загадок в творчестве поэта революционера-демократа Н. А. Некрасова. Он сохранил первоначальную свежесть и энергию народных загадок. В поэме «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасов пишет:

Пришла весна — сказался снег!
Он смирен до поры:
Летит — молчит, лежит — молчит,
Когда умрет, тогда ревет.
Вода — куда ни глянь! [2]

Каждый узнает в этих строках народную загадку о снеге.

[1] В. А. Жуковский, Сочинения в двух томах, т. I, М., 1902, стр. 167.
[2] Н. А. Некрасов, Сочинения в трех томах, т. 3, М., 1953, стр. 16.

В другом месте своей поэмы Н. А. Некрасов писал:

Лука похож на мельницу:
Одним не птица мельница,
Что, как ни машет крыльями,
Небось не полетит[1].

Образы народной загадки о мельнице-ветрянке претворены поэтом в нечто новое: здесь и народный юмор и меткая характеристика глупого и речистого Луки. Войдя в систему образов поэмы, народная загадка не оказалась инородным телом в ней. Массовое народное и личное некрасовское начало нераздельно соединились и образовали крепкий сплав:

Всплыл месяц, тени черные
Дорогу перерезали
Ретивым ходокам.
Ой, тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать — обнять![2]

В интонации этих строк слышится голос поэта — «печальника горя народного». Образ загадки о неуловимой тени: «Чего не догонишь?» — превращен поэтом в символ мрака, покрывшего крестьянскую Россию. Обработка народных загадок была подчинена общим принципам освоения фольклора в творчестве Н. А. Некрасова.

И в наши дни загадка пленяет тонких мастеров поэтического слова. Детский писатель С. Я. Маршак создал загадку о пиле:

Принялась она за дело,
Завизжала и запела.
Ела, ела
Дуб, дуб,
Поломала
Зуб, зуб[3].

Всей ритмикой загадка воспроизводит бойкую работу — короткая, насыщенная движением словесная формула в традиции жанра загадки.

---

[1] Н. А. Некрасов, Сочинения в трех томах, т. 3, стр. 17.
[2] Там же, стр. 7.
[3] С. Маршак, Сказки, песни, загадки, Детгиз, М., 1955, стр. 650.

Не менее выразительна загадка С. Маршака о мяче:

Бьют его рукой и палкой.
Никому его не жалко.
А за что беднягу бьют?
А за то, что он надут! [1]

Народность этих загадок подтверждается и тем, что они вошли в широкое употребление. Не раз их записывали фольклористы в самых различных областях нашей страны.

Своеобразную разработку получил жанр загадки в творчестве К. И. Чуковского. Писателя привлекла в загадке прежде всего ее причудливая картинность, смелость в метафорах и сопоставлениях. К. И. Чуковский нарочито подчеркнул недопустимые с точки зрения здравого смысла сопоставления явлений и предметов. Возникает нелепица, смешное, небывалое!

Паровоз
Без колес.
Вот так чудо-паровоз!
Не с ума ли он сошел?
Прямо по морю пошел! [2]

Здесь использована не какая-то определенная народная загадка, а самый принцип жанра. Ребенок ищет и находит ответ, ставит вещи и предметы на свои места. Отгадка наполняет его маленькое сердце чувством ликования. Да и как не радоваться: из великой всеобщей «путаницы» ребенок вышел победителем!

Загадки К. И. Чуковского способствуют стремлению ребенка понять, уяснить реальные объективные связи действительности, и в этом педагогическое назначение этого жанра, развитого писателем. Поэтические возможности народной загадки еще далеко не исчерпаны. Обращение к этому жанру, внимательное изучение его природы и умелая обработка сулят большие творческие удачи.

---

[1] С. Маршак. Сказки, песни, загадки, Детгиз, М., 1955, стр. 649.

[2] К. Чуковский, Сказки, Детгиз, М.—Л., 1955, стр. 127.

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Понятие «детский фольклор» вошло в науку сравнительно недавно. Однако новизна термина не связана с поздним происхождением этого вида фольклора. Глубокая древность многих произведений, относящихся к детскому фольклору, не подлежит сомнению. Детский фольклор развивался в непосредственной связи с народной педагогикой, а забота об умственном, нравственном и физическом воспитании подрастающего поколения искони была свойственна народным трудовым массам.

Говоря о детском фольклоре, надо прежде всего иметь в виду произведения устного народного творчества, специально предназначенные для детей и не входящие в «обычный» репертуар взрослых. Это означает, что из детского фольклора исключается все то, что не создано взрослыми для детей, хотя и может быть известно детям: некоторые любовные песни, частушки, солдатские песни, народные драматические сценки и пр. Отличительная черта произведений детского фольклора выражается в учете психологии и возрастных особенностей детей.

Сколь, однако, ни обширен круг произведений, созданных взрослыми для детей, это лишь часть детского фольклора. Другая его часть состоит из произведений, которые потеряли серьезное значение в жизни взрослых людей и перешли к детям.

Такие произведения подвергались изменениям, утратив все, что было чуждо, не отвечало интересам ребенка и не соответствовало его возрасту. Отнесение таких произведений к детскому фольклору затруднено до тех пор, пока не произведен анализ, устанавливающий степень освоения произведения детьми.

Наконец, в детском фольклоре есть и такие произведения, которые созданы самими детьми. Они возникали в играх и в быту детей. Такие произведения живут лишь в детской среде. Это детский фольклор в прямом смысле слова — творчество детей. Ему в особенности присущи черты, свойственные детям.

Итак, детский фольклор — это произведения взрослых для детей, произведения взрослых, ставшие детскими, собственное творчество детей. Отличительная черта всех этих произведений состоит в учете возрастных особенностей детей. Этот фольклор выражает душевный мир ребенка.

История произвела строгий отбор тех детских произведений, которые могли жить века, забывалось и исчезало все то, чему не было дано остаться в памяти народной. Традиционный детский фольклор покоряет своим совершенством, красотой и жизненной силой. Это поистине поэзия детства и отрочества. Ее замечательные свойства обнаружились в том, что она на протяжении столетий с успехом формировала душевный мир здоровых и веселых русских людей. Детский фольклор — это сложившаяся в веках народная поэзия, нераздельно соединенная с практической педагогикой.

Разделение детского фольклора на виды и жанры, естественно, должно начаться с разграничения творчества взрослых для детей, творчества взрослых, ставшего со временем детским, и детского творчества в собственном смысле слова.

Произведения п е р в о й группы открываются к о л ы б е л ь н ы м и п е с н я м и. Их назначение убаюкать, усыпить ребенка. Няньки, матери и бабушки поют эти песни над зыбкой или укачивая ребенка на руках. Младенца, когда он начинает узнавать близких, протягивать ручки, ходить, взрослые забавляют разными песенками и короткими стишками. Ими сопровождают первые движения ребенка, — это так называемые п е с т у ш к и. К ним примыкают п о т е ш к и — песенки и стишки к первым играм ребенка с пальцами, ручками и ножками. Спустя некоторое время ребенка начинают забавлять песенками и стишками, интересными прежде всего своим содержанием, — это п р и б а у т к и. Чем взрослее ребенок, тем сложнее содержание таких прибауток. Среди них надо выделить в особый жанр н е б ы л и ц ы-п е р е в е р т ы ш и. Таков состав первой группы произведений детского фольклора.

Вторая группа, состоящая из произведений взрослых, ставших со временем детскими, включает в первую очередь заклички и приговорки. В рудиментарной форме они хранят древние, бывшие в свое время принадлежностью «взрослого» фольклора, обращения к солнцу, дождю, радуге, весне, животным, насекомым и птицам. Так как это творчество связано с временами года, с календарем, народными праздниками, его принято объединять в один цикл календарного детского фольклора. Особый жанр детского фольклора этого рода образуют игровые припевы и приговоры, нераздельно соединенные с элементами драматического представления в игре. Сюда можно отнести и считалки. Большинство из них создано детьми, но по образцу и подобию «пересчетов» взрослых. Несмотря на весьма серьезное изменение в образной структуре и в самом назначении этого жанра, считалка генетически связана с творчеством взрослых. Считалками можно начать и собственное творчество детей.

Среди прочих жанров последней, третьей группы произведений можно назвать также жеребьевые сговорки, дразнилки, поддевки и, по-видимому, скороговорки, часть которых, хотя и создана взрослыми, но зато другая часть, несомненно, — творчество ребят.

Рассмотрим каждый из этих видов и жанров детского творчества в отдельности.

Колыбельные песни в народе зовут байками. Это название произошло от глагола *баять, баить* — говорить. Старинное значение этого слова — «шептать, заговаривать». Такое название колыбельные песни получили не случайно, самые древние из них имеют прямое отношение к заговорной поэзии. Колыбельные песни позднего времени по традиции сохранили в своей образной системе элементы заговора. В песне, записанной известным собирателем фольклора П. В. Шейном, крестьянка просит провидение сохранить ребенка:

От всякого глазу,
От всякого благу[1],
От всех скорбей,

---

[1] *От всякого благу* — от зла, беспокойства, своенравия, упорства, упрямства и пр.

От всех напастей:
От лому-ломища,
От крови-кровища,
От зло-человека,
Супостателя [1].

Нет оснований считать, что в данном случае на песню оказала непосредственное влияние заговорная поэзия. Элементы заговора в самой природе древней колыбельной песни. Таковы все упоминания о Сне, Дреме и Угомоне. Сон и Дрема уподоблены живым существам, они ходят вдоль по улице, по новым сеничкам и не могут найти входа в избу.

Глупый сон, сон,
Неразумная дрема!
Баю, баю! Неразумная дрема,
Мимо ты ходишь,
Колыбели не находишь [2].

Лишь взойдет дрема в дом и ляжет спать «под головушку» — уснет и ребенок.

Олицетворенная дрема-сон принадлежит к древним мифологическим образам. *Дре́мушка-дрема̀, отойди ты от меня!* — говорили крестьяне, борясь со сном. Нянька или мать, напротив, звали дрему:

Сон да дрема,
Приди к Ване в голова,
Сон да дрема,
Накатись на глаза [3].

Среди старых колыбельных песен, отражавших мифологические представления народа, встречаются и такие, которые поражают современного человека своим содержанием. Мать как бы накликивает смерть на своего ребенка:

Бай, бай, да люли!
Хоть сегодня умри.
Завтра мороз,
Снесут на погост.
Мы поплачем, повоем, —
В могилу зароем [4].

---

[1] П. В. Шейн, Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, вып. 1, Спб, 1898, № 2.
[2] П. В. Шейн, Великорусс..., Спб, 1898, № 9.
[3] О. И. Капица, Детский фольклор, Л., 1928, стр. 50.
[4] П. В. Шейн, Великорусе..., Спб, 1898, № 31.

Жестокое содержание этих песен приходит в резкое противоречие с ласковым обращением к ребенку:

Седни (сегодня) Ванюшка помрет,
Завтра похороны.
И т. д.[1]

Толковать эту песню как выражение пожелания матери, чтобы дитя действительно умерло, грубо ошибочно. Распевая такую песню, мать не только не желает ребенку смерти, а, напротив, по ее представлению, борется за его жизнь и здоровье. К младенцу пристают разные болезни, нападают плаксивцы — существа, олицетворявшие болезни, вызывающие беспокойный крик и плач. Чтобы избавить ребенка от муки, мать решается обмануть эти существа, заявляя в песне громко, что ребенок все равно теперь умрет и даже мертв:

Бабушка старушка!
Отрежь полотенце
Накрыть младенца![2]

Мать верила, что после такого пения злые силы оставят ребенка в покое. В полном соответствии с этим толкованием колыбельных песен находится славянский обряд имитирования похорон. Обряд, равно как и песня над колыбелью, был рассчитан на обман злых существ, причиняющих ребенку боль[3].

Общая историческая эволюция колыбельных песен в новейшее время состояла в утрате заговорно-заклинательных моментов. Старые песенные образы обратились в чисто художественные. Примером этой эволюции могут служить сюжеты тех песен, которые издавна избрали своим «героем» кота. Древняя основа этих песен возникла в несомненной связи с какими-то поверьями о том, что мирное мурлыканье кота в доме приносит сон и покой ребенку. Исследователи отметили обычай, существовавший у крестьян некоторых восточнославянских областей,

---

[1] Запись Калинникова в быв. Архангельской губернии Онежском уезде (1912). Из собрания П. К. Симони. Цитирую по работе О. И. Капицы «Детский фольклор», Л., 1928, стр. 42.

[2] П. В. Шейн, Великорусс..., Спб, 1898, вариант к № 31.

[3] Н. Я. Никифоровский, Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи витебской Белоруссии, Витебск, 1897, стр. 43.

класть в колыбель спящего кота, чтобы ребенок лучше спал. В этих песнях сюжеты и сюжетные положения получили детальную и высокохудожественную разработку. Судя по историческим деталям и подробностям, это песни позднего времени. Кота зовут ночевать:

Ваня будет спать,
Котик Ваню качать [1].

Коту обещают разные награды за работу: «кувшин молока, конец пирога», «белый платочек на шею», «редьки хвост» и «склянку вина»; коту сулят лапки вызолотить, хвостик высеребрить. Порой кот не соглашается и ложится спать на печи:

Онучи в голову клал
И Ванюшу не качал [2].

У вороватого «котеньки-котка, кудреватого лобка» свои привычки. Лихо пришлось ему в боярском дому:

Ай повадился коток
По боярский пирог [3].

Другие колыбельные песни, утратившие связь с поверьями и мифологией, говорят о голубях-гулиньках, ласточках, лисичках, касаточках, что спят, кто в гнездышке, кто в норочке, кто под кустиком.

В песнях, назначение которых убаюкать ребят, высокого совершенства достигает ритмика и звуковое «оформление» в полном соответствии с покачиванием и скрипом зыбкой колыбели:

А качи́, качи́, качи́,
Прилетели к нам грачи,

сели грачи на ворота:

Ворота-то скрып, скрып!
А Колинька спит, спит [4].

---

[1] П. В. Шейн, Великорусс..., Спб., 1898, № 17.

[2] Цитирую по работе О. И. Капицы «Детский фольклор», Л., 1928, стр. 44.

[3] П. В. Шейн, Великорусс..., Спб., 1898, № 22.

[4] Там же, № 29.

В песнях мать рисует будущее сына:

Спи, посыпай,
  Боронить поспевай.
Мы те шапочку купим,
  Зипун сошьем;
Зипун сошьем,
  Боронить сошлем
В чистые поля,
  В зелены луга[1].

Колыбельные песни, созданные в эпоху развития чисто художественных начал, отчетливо отразили в сюжетных положениях и образах крепостное право. Часть песен сложена мамушками, сенными девушками, жившими в боярских и помещичьих домах. Образность этих песен отличается от песен крестьянской избы:

Мамушки, нянюшки,
Качайте дитя!

Сенны красны девки,
Прилюлюкивайте!

Вырасту большая —
Буду в золоте ходить,

Буду в золоте ходить,
Парчеву шубу носить,

Мамушкам, нянюшкам
Обносочки дарить,

Старым старушкам
По повойничку,

Молодым молодкам
По кокошничку,

Сенным девушкам
По ленточке[2].

Среди мамушек и сенных девушек, вынянчивших не одного ребенка, живших порой в разных домах, встречались особенно талантливые исполнители и создатели колыбельных песен — баюкалы, баюкальщицы, баукалки, то есть пестуны, припевалы. В их устах массовые колы-

[1] П. В. Шейн, Великорусс..., Спб, 1898, № 16.
[2] Там же, № 9.

бельные песни получили особенно богатую художественную разработку.

Социальные изменения в жизни народа влекли за собой появление новых тем и мотивов в колыбельных песнях. Бабушка в песнях внуку выражает надежду, что тот станет богатым, купит матери китайки, отцу — кумачу, сестрам — ленточки, деду — сапоги, а ей, бабке, — коты [1]. Эта песня могла быть сложена в селе, завязавшем прочные связи с городом.

Станешь в школу ходить,
Станешь в книжки учить [2] —

говорится в песне, возникшей во второй половине XIX века, когда школы появились и в деревнях.

Станешь в Питер ходить,
Серебро, золото носить [3] —

говорит другая песня того времени, когда из деревни в город крестьяне шли на отхожий промысел.

Помимо песен с относительно твердо устоявшимся традиционным текстом, среди колыбельных песен встречаются импровизации, развивающие старые традиционные формы:

О, о, о, о, о, о, о!
О, о! баиньки —

поет женщина и продолжает:

О! баю, баю, баю!
Баю милую.

И снова:

О, о, о, о, о, о, о!
О, о! баиньки
Баю (имя дитяти) [4].

---

[1] Записано А. С. Мудровой в Вологодской губернии Тотемского уезда в 1923 году. Цитирую по книге О. И. Капицы «Детский фольклор», Л., 1928, стр. 48.

[2] Цитирую по книге О. И. Капицы, Детский фольклор, Л., 1928, стр. 40.

[3] П. Ефименко, Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, «Известия Общества естествознания, антропологии и этнографии», т. XXX, вып. 2, 1878.

[4] А. Можаровский, Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии, «Труды Этнографического отдела естествознания, антропологии и этнографии», книга 4, М., 1877, стр. 106.

После каждого трехстишия нянька прибавляет какое-нибудь слово, смотря по обстоятельствам: *баю дитятку, баю милую, баю славную, баю, глазки закрывай* и т. п.

Связанные с песенными традициями, импровизации возникают непосредственно из быта народа:

Спи, поспи,
А мы потеряли денек,
А не пряли простыньки,
Не мотали мотки,
Не ткали поставки [1].

Колыбельная песня, весь ее склад, ритмика и художественные средства родились в самой тесной связи с жизнью народных масс. Глубоко был прав советский писатель А. Толстой, сказавший о колыбельных песнях: «Когда поймешь основу — станут понятными все надстройки, вся сложнейшая сеть человеческой психики. Нельзя до конца прочувствовать старинную колыбельную песню, не зная, не видя черной избы, крестьянки, сидевшей у лучины, вертя веретено и ногой покачивая люльку. Вьюга над разметанной крышей, тараканы покусывают младенца. Левая рука прядет волну, правая крутит веретено, и свет жизни только в огоньке лучины, угольками спадающей в корытце. Отсюда — все внутренние жесты колыбельной песни» [2].

В колыбельных песнях многое чуждо и непонятно ребенку. Убаюкивая монотонным пением, ритмом песни, взрослые люди выговаривают свои заботы, радости и печали. В **пестушках** и **потешках** подрастающий ребенок всецело занимает внимание взрослого. Пестушки получили свое название от слова *пестовать* — нянчить, растить, ходить за кем-либо, воспитывать, носить на руках. Это короткие стихотворные приговоры, которыми сопровождают движения ребенка в первые месяцы жизни. Проснувшегося ребенка, когда он потягивается, гладят по животику и приговаривают:

Потягунушки, потягунушки!
Поперек толстунушки,
А в ножки ходунушки,

---

[1] В. Харузина, О родильных и крестильных обрядах в Олонецкой губернии, «Этнографическое обозрение», 1906, № 1.

[2] А. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 13, Гослитиздат, 1949, стр. 363—364.

А в ручки хватунушки,
А в роток говорок,
А в головку разумок [1].

Окачивая ребенка чистой водой после купания, нянька приговаривает:

Вода текучая,
Дитя растучее.
С гуся вода,
С тебя худоба!
Вода книзу,
А дитя кверху [2].

Взрослые желают ребенку здоровья и хорошего роста. Такие словесные формулы наряду с колыбельными песнями-оберегами принадлежат едва ли не к самым древним жанрам детского устного народного творчества. Позднее они потеряли свой серьезный склад и превратились в простое пожелание, которое высказывалось матерью и нянькой.

Некоторые пестушки сопровождают движения, обучая которым взрослые физически развивают тело ребенка. Медленно разводя ручки в такт, говорят:

Батюшке — сажень!
Матушке — сажень!
Братцу — сажень!
Сестрице—сажень!
А мне — долга̂, долга́, долга́! [3]

При каждом стихе руки ребенка складывают и снова разводят, а при последних словах — еще более. Ребенок при этом обыкновенно смеется от удовольствия и уже сам начинает делать ручками «сажени».

Другая песенка изображает растягивание и складывание холста; ребенка заставляют вытягивать ручки и при этом приговаривают:

Тяни холсты,
Потягивай,
В коробочку
Покладывай [4].

---

[1] П. В. Шейн, Великорусс..., Спб, 1898, № 33.
[2] Там же, № 36.
[3] Там же, № 40.
[4] П. В. Шейн, Русские народные песни, ч. I, М., 1870.

Как и в колыбельных песнях, важное значение в приговорах-пестушках имеет ритмика. Веселая, затейливая песенка с отчетливым скандированием стихотворных строк вызывает у ребенка бодрое, радостное настроение.

Когда ребенок начинает становиться на ножки, ему говорят:

Дыбочки, дыбок!
Скоро Сашеньке годок [1].

Ребенка, делающего первые шаги, учат тверже стоять на ножках и при этом говорят:

Ножки, ножки,
Куда вы бежите?
— В лесок по мошок (мох),
Избушку мшить,
Чтобы не холодно жить [2].

В последнем случае, как, впрочем, и в других случаях, с ребенком уже играют. Пестушки незаметно переходят в потешки — песенки, сопровождающие игры ребенка с пальцами, ручками и ножками. Таковы известные «Ладушки» и «Сорока». В этих играх уже нередко «педагогическое» наставление, «урок».

В «Сороке» щедрая белобока накормила кашей всех, кроме одного, хотя и самого маленького (мизинец), но лентяя:

Этому не дала:
Зачем дров не носил,
Воды не носил? [3]

При исполнении потешки «Чей нос?» нянька, взяв ребенка за нос, спрашивает: «Чей нос?» Ребенок, к тому времени выучившийся говорить, отвечает: «Макеев» (или как-нибудь иначе). — «Куда едешь?» — следует новый вопрос. — «В Киев».

Что везешь?
— Рожь.
Что возьмешь?
— Грош.
Что купишь?
— Калач.
С кем съешь?

[1] П. В. Шейн, Великорусс..., Спб, 1898, № 60.
[2] Там же, № 52.
[3] Там же, № 48.

Если ребенок отвечает: «Один» или «Одна», его теребят за нос, говоря: «Не ешь один! Не ешь один!» Надо по-товарищески делиться с другими [1].

Детям в первые годы их жизни матери и няньки поют и песенки более сложного содержания, уже не связанные с какой-либо игрой. Все эти разнообразные песни можно определить одним термином: прибаутка.

Своим содержанием они напоминают маленькие сказочки в стихах. Это прибаутка о петушке — золотом гребешке, который летал за овсом на Куликово поле [2], о курочке-рябе, что «просо сеяла, горох веяла» [3], о долгоносом журавле, что на мельницу ездил и видел диковинку:

Коза муку мелет,
Козел засыпает [4],

о зайчике — коротенькие ножки, сафьяновые сапожки [5].

Песенки-прибаутки возникли в далекое от нашей эпохи время. О древности прибауток говорит самая система их образов. В песне о пастушке «Туру, туру, пастушок», записанной в многочисленных вариантах, говорится о городе Киеве и широких просторах древней Руси («от моря до моря».) Упоминание о царе Константине — явный отзвук византийской старины [6].

Герой прибаутки жук на вопрос: «Где твой дом?» — отвечает, что его дом разорен проехавшими мимо татарами [7]. Не отклик ли это на страшное бедствие, принесенное восточным славянам татарским нашествием?

Петушок

Подает голосок
На боярский дворок [8].

Курочка-ряба по двору похаживает, цыплят своих «поваживает»,

Хохолок подымает,
Бояр утешает.
Бояры-то смеются,
У них бороды трясутся [9].

---

[1] П. В. Шейн, Великорусс..., Спб, 1898, № 105.
[2] Там же, № 77 и др.
[3] Там же, № 79.
[4] Там же, № 82.
[5] Там же, № 85.
[6] Там же, № 91.
[7] Там же, № 64.
[8] Там же, № 74.
[9] Там же, № 80.

Прибауточная песня сделала объектом насмешки князя:

У нашего князя
Собаки борзые,
Холопы босые [1].

Упоминается в прибаутках некий «Иванов двор» и сам «Иванушка-Иван» в «серопегом кафтане», двор — «ворота крашены, веретья точены» — стоит

Середи-то Москвы
На пожарище [2].

В песне-прибаутке о галке поется о старинной татьбе — воровстве разбойников:

Скачет галка
 По ельничку,
Бьет хвостом
 По березничку.
Наехали на галку
 Разбойнички,
Сняли они с галки
 Синь кафтан.
Не в чем галочке
 По городу гулять.
Плачет галка,
 Да негде взять [3].

Высокое совершенство прибауточных песен свидетельствует о тонком и взыскательном труде поколений народа. Эти песни — подлинные золотые крупинки устного народного творчества. В детских песнях народ блестяще разрешил проблему поэтической формы поэзии для самых маленьких. Эти песни народа могут быть образцом для всех детских писателей, поэтов и прозаиков.

Среди этих песен встречаются самые разнообразные по форме. Как правило, в прибаутке дана отдельная картина какого-либо яркого события или изображено какое-либо стремительное действие. Это в полной мере отвечает активной, не созерцательной природе ребенка.

Дон, дон, дон!
Загорелся кошкин дом.
Бежит курица с ведром —
Заливать кошкин дом [4].

---

[1] П. В. Шейн, Великорусс..., Спб, 1898, № 91.
[2] Там же, № 81.
[3] Там же, № 86.
[4] Там же, № 131.

Прибаутки стремятся обрести сюжет, но помня, что ребенок не способен на долгое внимание, останавливаются на передаче лишь одного эпизода. Мужик потерял дугу, искал-искал ее, не нашел, к боярыне пошел:

Сударыня, боярыня!
Прикаж вора поимать,
Руки, ноги обломать.

Вот и вся прибаутка, иногда добавляют, что вор

На низеньких ножках
В синеньких сапожках [1].

Есть прибаутки и еще короче: мужик едет на палочке, а жена в тележке, щелкает орешки [2] — на этом прибаутка и кончается.

Движение — основа образной системы прибауток, они дают резкую смену одной картины другой из строки в строку:

Свиньи за овином
Огород городят,
На гумне овечки
Хлебушек молотят;
Боров убирает,
В закрома ссыпает,
Козел караулит... и пр. [3]

Когда сюжет растягивается, прибаутка особым приемом удерживает внимание ребенка: она прибегает к «цепной» организации сюжета. У козы спрашивают:

Где твои рожки?
— Под гору укатились.
Где гора?
— Черви выточили.
Где черви?
— В воду ушли.
Где вода?
— Быки выпили.
Где быки?
— В Киев ушли [4].

---

[1] П. В. Шейн, Великорусс..., Спб, 1898, № 111.
[2] Там же, № 71.
[3] Там же, № 81.
[4] Там же, № 95.

Исключительно многообразны и ярки ритмы прибауток. В одном случае они точно следуют за беспокойным колокольным звоном:

Тили-бом, тили-бом,
Загорелся кошкин дом...[1],

в другом ритмика передает тележный грохот:

Трах, трах, тарарах!
Едет баба на волах[2],

в третьем случае ритмика воспроизводит ладную умелую работу:

А чучу, чучу, чучу!
Я горох молочу[3].

Такой стих западает в память надолго. Он отвечает повышенному чувству ритма у ребенка и радует его.

Таковы лишь некоторые важнейшие особенности поэтического строя прибауток, поэзии действия и ярких красок. Всем своим строем это творчество взрослых для детей предназначено развивать глубоко поэтическое ощущение жизни, создать у ребенка активное жизнерадостное настроение. Без всего этого дети не растут полноценными, здоровыми людьми.

К числу прибауток надо отнести и небылицы-перевертыши (особый вид песен-стишков, вызывающих смех нарочитым смещением всех реальных связей и отношений):

Облоухая свинья
На дубу гнездо свила,
Поросила поросят
Ровным счетом шестьдесят.
Распустила поросят
Все по маленьким сучкам.
Поросята визжат
Полететь они хотят[4].

И полетели, летели-летели и на воздухе посидели. А медведь с мухи *шкуры драл* и *полусапожки себе сшил*. Синее море загорелось и повыгорело, «бела рыба» вся повылетела, на печи мужик осетра поймал.

---

[1] П. В. Шейн, Великорусс..., Спб, 1898, № 123 и др.
[2] Там же, № 132.
[3] Там же, № 120.
[4] Там же, № 962.

Несообразности, представленные в этой песне-стихах, рассчитаны на то, чтобы укрепить в ребенке подлинное, реальное соотношение вещей и явлений. Несообразности лишь оттеняют реальные связи. Юмор становится педагогикой.

В свое время защитником этого детского жанра выступил писатель и критик К. И. Чуковский, правильно понявший ценность и смысл небылиц-перевертышей [1]. К. И. Чуковским введен и самый термин «перевертыш» для обозначения этого рода прибауток. Название соответствует английскому обозначению стишков навыворот — «Topsy — turvy rhymes» (буквально: стихи вверх дном). Успешное претворение творческих принципов народной небылицы позволило самому К. Чуковскому создать замечательные стихи, которые знают тысячи детей («Путаница» и др.).

Небылицы-перевертыши — чисто художественное явление детского фольклора. Оно могло возникнуть лишь в эпоху, когда устное слово народа полностью выделилось из синкретического единства мифологии как определенной ступени в развитии человеческого сознания и искусства в собственном смысле слова.

На этом мы заканчиваем обозрение первой группы произведений, созданных для детей взрослыми, и переходим к тем, которые некогда принадлежали к фольклору взрослых и лишь со временем, претерпев изменения, перешли к детям.

Очень рано дети обучаются на улице у своих сверстников разным з а́ к л и ч к а м (от слова *закликать* — звать, просить, приглашать, обращаться). Это обращения к солнцу, радуге, дождю, птицам. При случае детвора выкрикивает слова закличек нараспев хором.

Помимо закличек, столь же рано от взрослых и от товарищей ребенок в крестьянской семье научался произносить различные п р и г о в о р к и. Чаще всего их произносят каждый поодиночке. Это обращение к мыши, чтобы она дала новый, крепкий зуб, улитке, маленьким жучкам, что водятся на цветах; это передразнивание птичьих голосов, приговорка при скакании на одной ноге,

---

[1] К. И. Ч у к о в с к и й, Лепые нелепицы, «Русский современник», 1924, № 4. Эта статья вошла в многочисленные издания книги «От двух до пяти» (последнее издание — 1955).

чтобы из уха вылилась вода, попавшая туда во время купания, и пр.

Песенные заклички и словесные приговорки преисполнены веры во всемогущие, то губительные, то благотворные силы земли, неба и воды; произнесение их приобщало крестьянских детей к жизни и труду взрослых людей. Закличка наполняла маленькое детское сердце той же, что и у взрослых, надеждой на обильный урожай, достаток и богатство. Дети рано приучались разделять печали и радости, труд и заботы взрослых.

В фольклоре позднего времени песенные заклички стали игрой, в них внесено много занимательного и забавного, но происхождение их, первоначальные функции их весьма серьезны и связаны с древней языческой мифологией, глубоко вошедшей в быт народа.

Мировоззрение человека, еще слабого перед силами природы, не могло не осложняться фантазией. Мифология наложила резкую печать на всю календарно-обрядовую поэзию. Посредством заклинаний и обрядов люди стремились подчинить природу, надеялись добиться желаемого направления в действии ее сил. В рудиментарной и уже эстетически разработанной форме это пожелание дошло до нас в закличке:

Уж дождь дождем,
Поливай ковшом,
. . . .
Поливай весь день
На наш ячмень,
На бабью рожь,
На мужичий овес,
На девичью гречу,
На ма́личье просо[1].

Дети просят дождь «припустить», «поливать весь день», «лить пуще», так, чтобы дождевые струи сравнялись с «толстыми вожжами».

После крещения Руси мифологические представления осложнились христианскими воззрениями, и в древние заклички, отмеченные чертами бытового и естественного анимизма, вошли упоминания о боге, «Иордане», матери божьей и пр.

---

[1] П. В. Шейн, Великорусс..., Спб, 1898, № 134.

Если дождь становился не нужен и шел во вред посевам, мешал полевым работам, на смену закличкам о дожде приходили заклички о солнышке и радуге:

Солнышко, ведрышко,
Выгляни, высвети![1]

Радуга-дуга,
Перебей дождя![2]

В эпоху господства мифологического воззрения на действительность некоторые из закличек сопровождались обрядами кормления и угощения олицетворяемых сил природы. Со временем заклички отделились от забытого обряда и жили в устах детей самостоятельно, и лишь образы, хранившие преемственную связь с прежними обрядами, обнаруживают древнюю основу заклика. Дождь зовут хлебать «гущу» — кашицу из ячменя с горохом[3]. Угощение устраивают на меже и зовут присоединиться и солнце:

Церкулом пают,
В масло обмакают[4].

«Церкулом» — искаженное «целуха» — горбушка хлеба; *целуху пáют* — значит хлеб делят.

О древности песен, обращенных к природе, говорит и еще одна любопытная, художественно переосмысленная позднее подробность: заклички весьма часто говорят *о детях* солнышка:

Выгляни, высвети —

Твои *детки* плачут,
Пить-есть хотят[5].

Или

Твои *дети* на повети,
По камушкам скачут[6]

Дети, названные в закличках чадами солнца, — это русские люди, те, о которых «Слово о полку Игореве» говорит, как о «*внуках* Дажбога» — Солнца.

---

[1] П. В. Шейн, Великорусс..., Спб, 1898, № 141.
[2] Там же, № 145.
[3] См. там же, № 137.
[4] Там же, № 142.
[5] А. Ф. Можаровский, Очерки жизни крестьянских детей..., стр. 111.
[6] П. В. Шейн, Великорусс..., Спб, 1898, № 141.

Кроме закличек, в быту крестьянских детей до самой революции держался обычай колядовать (25 декабря и 6 января по старому стилю), закликать весну (4 марта, в день Герасима-Грачевника и 9 марта — в день сорока мучеников) [1]. В Егорьев день (23 апреля) ребятишки ходили по избам и пели песню, обращенную к «батюшке Егорию», чтобы в поле и лесах берег скот от волка, медведя и всякого зверя [2].

От взрослых в детский быт перешли и устные приговорки (от слов *приговаривать, примолвлять*). Это короткие, обычно стихотворные, обращения к животным и птицам, божьей коровке, пчелам; к мышке с просьбой заменить старый, выпавший зуб новым, крепким; к ястребу, чтобы не кружил над домом, не высматривал цыплят. Это и вопрос кукушке: «Сколько мне жить?» Кукушка кукует, а дети считают. Подавляющее большинство этих приговорок сохраняет в остаточной форме древние заклинания и заговоры.

Заклички и приговорки принято объединять в один отдел — календарный детский фольклор. Этим термином, введенным в научную литературу собирателем и исследователем детского фольклора Г. С. Виноградовым, подчеркивается связь закличек и приговорок с определенным временем года, погодой, праздником, всем строем жизни и бытом дореволюционной деревни [3].

Не менее, чем календарный детский фольклор, стары игровые припевы и игровые приговоры. Ими или начинают игру, или связывают части игрового действия. Они могут выполнять и роль концовок в игре. Игровые приговоры могут также содержать «условия» игры, определять последствия при нарушении этих условий. Таковы приговоры при игре в «молчанку»:

Сорок амбаров
Сухих тараканов,
Сорок кадушек
Мокрых лягушек,

---

[1] См. Ек. Резанова, Материалы по этнографии Курской губернии, «Труды Курской губернской ученой архивной комиссии», вып. 1, Курск, 1911, стр. 184.

[2] Г. Потанин, Этнографические заметки по пути от Никольска до Тотьмы, «Живая старина», 1890, вып. II.

[3] См. Г. С. Виноградов, Детский народный календарь. Сб. «Сибирская живая старина», вып. II, Иркутск, 1924, стр 55—86.

Кошку драну,
Мышь погану —
Кто промолвит,
Тот все съест[1].

Слова приговора смешат, трудно молчать. Прыснул от смеха — проиграл. Все сказанное в приговоре отнесут к тебе.

В фольклоре позднего времени детские игры приобрели развлекательный характер, отчасти стали явлением художественно драматическим. Другое их важное назначение — развитие в детях ловкости, сметки и проворства. В отличие от игры как художественно-драматического «действия», игра как средство физического воспитания молодежи едва ли не изначально была свойственна древнему фольклору.

Анализ обнаруживает в детских играх, особенно тех, которые сопровождаются словесными приговорами и песнями, глухие отголоски древних обрядовых игр и пережитки древнего быта. Игровое действие унаследовало свои формы, правила и порядок от древних языческих игрищ в честь Костромы, Коляды, Ярилы.

Ретивые сторонники христианской веры, святители и законодатели тщетно боролись за искоренение бесовских и сатанинских обычаев. Народная любовь к шумному празднику была неистребима, и не власти, не церковь уничтожили обычаи народа, народные праздники с их играми, забавами и весельем, — менялась самая жизнь и быт народа. Жизнь шла вперед, языческая старина отступала в глубь веков. Лишь некоторые игры, перешедшие от взрослых к детям, хранят преемственную связь с прошлым народных масс.

Игры поражают сходством с серьезными занятиями жизни: охотой, жатвой, посевом льна, в них имитируется свадебный обряд и пр. Точное воспроизведение быта и серьезных жизненных дел в их строгой последовательности имело цель путем многократного повторения игровых действий с младых лет привить ребенку уважение к существующему порядку вещей, обычаям, научить его правилам поведения. Игра — это подготовка к настоящему действованию, жизненной борьбе и труду.

---

[1] Г. С. Виноградов, Русский детский фольклор, книга первая, Иркутск, 1930, № 3.

Пережив первобытные обычаи, воспроизведением которых они являются, игры донесли до нас драгоценные прямые свидетельства о жизни и быте народов в далекие от нас времена, и в этом их огромное научное значение.

В старой России широко распространена была игра в «горелки». Сначала выбирали того, кому «водить» — ловить, «гореть». Того, кто «горит», в разных местностях называли по-разному: «разлучник», «одинокий», «холостой» и пр. Не описывая в подробностях эту известную игру [1], скажем лишь, что основной игровой момент ее в соперничестве того, кто «горит», с тем, кто стоит в паре с девушкой. Если «горящий», опередив своего соперника, настигал бегущую от него девушку, тот, кто оставался без пары, сам превращался в «горящего», «холостого», «одинокого» и должен в свою очередь разлучить какую-то пару, чаще всего ту, с которой он был ранее, между тем как бывший «горящий» защищал свое право остаться в паре. Очень важно, что в этой игре принимали участие не только дети, но и взрослые. Игра в свое время была далеко не детской.

С игрой в «горелки» связана и другая игра, правила которой хотя и отличаются от правил при игре в «горелки», но явно имеют нечто общее с ними. Игра называется «Горю на камушке» [2]. Одна из играющих садится на камень, пень или колоду, остальные размещаются на некотором расстоянии от нее. Та, которая на камне, говорит:

Горю, горю на камушке,
Кто меня любит, тот и выручит [3].

Кто успеет прежде других добежать и поцеловать «горящую», тот и выиграл.

Эти игры весьма прозрачно воспроизводят брачные игрища древности с их соперничеством и борьбой за невесту. Об этом смысле игры говорят и словесные приговоры, которыми сопровождается игра. Между играю-

---

[1] См. описание игры у Е. А. Покровского, Детские игры, М., 1887, стр. 111—112.
[2] Е. А. Покровский, Детские игры, М., 1887, стр. 203.
[3] Там же.

щими и тем, кто горит страстью, происходит такой диалог:

Горящий. Горю, горю жарко,
Горю, горю ясно!
Кто-либо из играющих (обычно те, кому предстоит бежать).
О ком горишь? (или *Чего горишь?*)
Горящий. Хочу красную девицу!
Кто-либо из играющих. Какую?
Горящий. Тебя молодую!

Варианты этих словесных прений говорят о ясном небе, открытом поле, горящих звездах, кричащих журавлях:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.
Стой подоле —
Гляди в поле...
Погляди на небо:
Звезды горят,
Журавли кричат —
Гу, гу, гу, убегу...[1]

Это словесное сопровождение говорит о месте и времени игр: в «горелки» обычно играют поздно вечером и чаще всего за околицей. Не об этих ли играх писал в свое время летописец, понося гневными словами древлян, радимичей, вятичей и северян, которые «живяху звериским образом» — «браци (т. е. браки) у них не бываху, но игрища межю селы (между селами); схожахуся на игрища, на плясания и на бесовьская игрища и ту умыкаху (берут, похищают) жены (женщин) собе, с нею же кто сьвещашься (сговорится)».

Древнеславянский брак, как известно, имел две формы: брак-умыкание (похищение) и брак купля-продажа, брак за выкуп — «вено». Горелки воспроизводят брачный обычай первого рода, тогда как на брак куплю-продажу ясно намекает связанная с «горелками» игра «Горю на камушке». Словесный приговор, сопровождающий эту игру, говорит о том, что, кто любит девицу, тот ее *«выручит»*, а по другим вариантам, *«выкупит»*[2].

---

[1] А. Соболев, Детские игры и песни, «Труды Владимирской архивной комиссии», кн. XVI, Владимир, 1914.

[2] А. Балов, Колыбельные и детские песни и прибаутки в Ярославской губернии Пошехонского уезда, вып. I, «Живая старина», 1901.

Утратив серьезное жизненное назначение, а в целом ряде случаев и культовые, магические функции, игра в своем словесном тексте пополнилась новыми мотивами, связанными с тем, что игровое действие стало приносить играющим чисто эстетическое наслаждение.

Художественно-игровой элемент и ранее связанный с трудом и жизнью народа, еще более развился и окреп. Игровая хороводная припевка рассказывает, как сеют лен, полют его, дергают, стелют, мочат, сушат, мнут, треплют, чешут, прядут, ткут (игра «Лен»). Во время пения дети руками изображают работу. Если в этом случае еще возможно древнее обрядовое толкование игрового действия, то в игре «Заюшка»[1] подобное толкование попросту недопустимо. Заиньку серенького, попавшего в засаду —

Семеро ворот
Крепко заперты стоят, —

заставляют плясать, подскакивать, бить в ладоши, ходить «скоком-боком». Это уже чисто художественная игра.

Самые названия игр — «Волк и овцы», «Медведь в бору», «Волк и гуси», «Коршун» говорят о связи игр с бытом и жизнью сельского населения. Тесная связь с жизнью народа оставила отчетливый след в образно-художественных формах игрового «действа», словесных приговорках и припевках.

Широко известная игра в «Кошки-мышки», сопровождаемая пением:

Мышоночек в комнатке
Кушает говядинку,
А кошечка издали
На мышку бросается,
Ла-ла-ла, ла-ла-ла[2],

находит полную аналогию у других народов с той разницей, что припевы и приговоры в них иные. В игре калмыцких детей вместо кошки и мышки предстали верблюд и верблюжонок[3]. В играх отражается национальный склад народа, его культура и быт.

---

[1] Е. А. Покровский, Детские игры, М., 1887, стр. 190.
[2] Там же, стр. 195.
[3] Там же.

Столетия и опыт народа произвели строгий отбор игр, большинство из них с успехом может быть использовано и сегодня. В народных играх сочетаются важные начала практической педагогики, искусства и стройная система физического воспитания[1].

Детский фольклор — своеобразная кладовая истории, но в нем хранится не только старое добро, но и то, что создано выдумкой детей. Уже в произведениях взрослых, перешедших к детям, сказался творческий элемент, привносимый детьми в фольклор. Со значительно большим основанием это можно сказать о жеребьевых сговорках, считалках, дразнилках во всех их разновидностях. Правда, и эти жанры не есть «чистое» самостоятельное творчество детей. По традиции оно восходит к творчеству взрослых, но как и многое другое со временем стало забавой и детской игрой. Эти жанры открывают широкий простор для импровизации и выдумки, в особенности это касается жеребьевых сговорок и пересчетов-считалок, составляющих неотъемлемую часть многих детских игр.

Жеребьевая сговорка появляется в игре, когда играющим надо разделиться на две партии. Это рифмованное обращение к «маткам», главам обеих партий. Отойдя в сторону, двое ребят договариваются, что один из них будет «вороным конем», а другой «золотым хомутом». Затем, подойдя к «маткам», сговорившиеся выкрикивают нараспев:

Матки, матки!
Кого надо:
Коня вороного
Или хомута золотого?[2]

Одна из маток выбирает, скажем, коня, и тот, кто назвался конем, переходит в его партию. Так, пара за парой, все участники игры делятся на партии. Жеребьевые сговорки позволяют вносить в игру выдумку и остроумие,

---

[1] На этом последнем значении игр не останавливаемся, отсылая интересующихся к специальной литературе, в частности к книге Е. А. Покровского, детально исследующего эту сторону игр народа.

[2] Г. С. Виноградов, Русский детский фольклор, Иркутск, 1930, № 16.

и чем затейливее сговорка, тем большее удовольствие она доставляет ребятишкам. Вот некоторые из сговорок:

Ниточку или иголочку? [1]

За печкой заблудился
Или в стакане утопился? [2]

Дома быть
Или по морю плыть? [3]

С бегу под телегу
Или с маху под рубаху? [4]

Последняя сговорка означает: кого возьмешь: того ли удальца, который может в один момент оказаться под телегой, или того молодца, который быстрым движением, «с маху», надевает рубаху?

Весьма часто ребятишки создают сговорки на основе образов сказок, пословиц, поговорок и загадок:

Наливное яблочко
Или золотое блюдечко? [5]
(Из сказки.)

Конь вороной
Или сбруя золотая? [6]
(Из сказок или песен.)

Грудь в крестах
Или голова в кустах? [7]
(Пословица.)

Вошь на аркане
Или блоха на цепи? [8]
(Загадка или поговорка.)

Немало выдумки внесено детьми и в считалки. Другие названия их: *счет, счетки, пересчет, сосчиталочки, гадал-*

---

[1] Г. С. Виноградов, Русский детский фольклор, Иркутск, 1930, № 52.
[2] Там же, № 30.
[3] Там же, № 28.
[4] Там же, № 50.
[5] Там же, № 43.
[6] Там же, № 56.
[7] Там же, № 38.
[8] Там же, № 36.

ки и ворожитки. Считалка — рифмованный стишок, состоящий по большей части из придуманных слов и созвучий с подчеркнуто строгим соблюдением ритма. Посредством считалок играющие делят роли и устанавливают очередь для начала игры.

Происхождение детских считалок, равно как и сговорок, восходит к глубокой старине и, несомненно, связано с древними формами гаданий, когда случайное выпадение жребия кому-либо считалось волей провидения, судьбы и не могло обижать или восприниматься как несправедливость. Но помимо этого, своеобразная детская считалка со своими специфическими словесными формами должна была иметь в фольклоре взрослых и своего особого «предка».

Отметим две главные особенности считалок. Во-первых, в основе большинства считалок лежит счет, и, во-вторых, считалки поражают нагромождением бессмысленных слов и созвучий. Анализ приводит к выводу, что бессмысленность некоторых из считалок кажущаяся, что самое изменение слов подчиняется известным «правилам». Взять, к примеру, такую считалку:

Ази, двази,
Тризи, изи,
Пятам, латам,
Шума, рума,
Дуба, крест...[1]

Считалка явно воспроизводит в искаженной до неузнаваемости словесной форме счет от одного до десяти. Особенно прозрачно искажение вначале: *ази* — раз, *двази* — два, *тризи* — три и т. д. Исследователь считалок Г. С. Виноградов произвел сводку всех числительных количественных и порядковых[2].

Приглядываясь к искаженным формам счета в считалках, невольно замечаешь, что видоизменение словесной формы числительных — общее правило для считалок: раз — *ази, анзы, ранцы, разум, разин, азики* и т. п., два — *двази, дванцы, дванчик* и т. п., первый — *первички, первенцы, первенцыки*, второй, другой — *другичики, другенцы, другенцыки.*

---

[1] Г. С. Виноградов, Русский детский фольклор, Иркутск, 1930, № 106.

[2] См. там же, гл. XIV, стр. 65 и 69 и др.

Естественно возникает вопрос: откуда у детей эта тяга к заумным формам чисел? Допустим, что это своеобразная игра словами доставляет детям в пору овладения родным языком какое-то свое удовольствие и имеет свой особый педагогический смысл, но ведь считалка, как правило, достояние игры детей того времени, когда прошла пора словесных экспериментов, подобных тем, которые описаны в замечательной книге К. И. Чуковского «От двух до пяти».

Есть основания полагать, что считалка перешла к детям от взрослых вместе с игрой, которую она сопровождает, и в свое время была далеко не детским занятием. Но в этом случае возникает другой вопрос: зачем была нужна людям искаженная форма слов и что скрывалось под обыкновением пользоваться загадочным счетом? Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо со всей ясностью ответить предварительно на другой вопрос: а какую цель ставили люди, пересчитывая друг друга?

Со счетом у людей связана целая группа древних понятий и представлений. До самого последнего времени среди крестьян бывшей Курской губернии жило поверье, что ведьма преследует первенцев (первых детей) и не трогает последних [1]. Герой народных сказок — третий брат всегда удачлив. Есть и несчастливые числа, например тринадцать.

Можно предположить, что, поручая кому-либо общее дело, древние люди проявляли необыкновенную осмотрительность в числах. Окажется ли человек, выполняющий поручение, счастливым или несчастливым? Перед охотой, иным промыслом счет решал многое. Пересчет-считалка определяла роли и очередность. Человек с несчастливым числом, предназначенный к выполнению ответственной роли, мог погубить, по представлениям людей, все дело. Таково назначение древнего пересчета. Эта его функция сохранилась в рудиментарной форме и в детских играх.

Простейшей формой считалок и, по-видимому, исконной древней, потому что она известна детям всех народов Европы и многих народов Азии, можно признать «голый» счет. В Курской губернии пересчитывались так: играю-

---

[1] См. «Труды Курской губернской архивной комиссии», вып. I, Курск, 1911, стр. 196.

щие становились в круг, один из них, тот, кто побойчее прочих, вставал на середину и начинал считать всех по порядку.

Предположим, играющих шестеро. Число шесть признается основным. «Выходит вон» шестой, затем — шестнадцатый, двадцать шестой и т. д. до тех пор, пока не останется один, которому «водить». Здесь важно не число шесть, а самый принцип пересчета: число может изменяться в зависимости от обстоятельств. Впрочем, при такого рода пересчетах встречаются и постоянные числа.

В Харьковской губернии, как об этом пишет исследователь детских игр Е. А. Покровский [1], таким числом было пять. И твердость общепринятого числа и самый принцип пересчета, согласно которому последний по счету из числа играющих считается оказавшимся в благоприятном положении, свидетельствуют о той вере в число, которая отмечена у народов многими этнографами и фольклористами.

Для чего же людям была нужна загадочная искаженная форма счета? Восточные славяне, многие народы Кавказа, Сибири знают з а п р е т считать. У русских жителей Иркутской губернии запрещалось считать убитую дичь, иначе впредь не будет удачи; у живших в Забайкалье русских было запрещено считать гусей во время перелета: кто не соблюдает этого запрета, тот потеряет память. Русские сибиряки не считали куриных яиц, иначе курица перестанет нестись. Существует и ряд других запретов [2].

Запрет считать представлял большие неудобства, и люди придумали так называемый «отрицательный» счет: к каждому числительному прибавлялась отрицательная частица: ни раз, ни два и т. д. Получалось, что как будто и счета нет. Таково было обыкновение считать при б ы т о в ы х запретах. Еще строже были запреты п р о м ы с л о в о г о характера.

Люди верили, что их слышат и понимают птицы, рыбы, звери, «хозяева» — духи леса, полей, озер. Готовясь к охоте или иному промыслу, люди скрывали все свои приго-

---

[1] Е. А. П о к р о в с к и й, Детские игры, М., 1887, стр. 54.

[2] Интересующихся отсылаем к труду Д. К. З е л е н и н а, Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Сб. Музея антропологии и этнографии, т. VIII, Л., 1929, ч. I, § 41, стр. 84—87.

товления. Учеными установлено, что орудия охоты, звери, природа — все на промыслах называлось условными, *подставными* словами. Естественно, что должна быть скрыта и жеребьевка — пересчет, необходимые при распределении ролей участников промысла. Пересчету-прототипу новейших считалок придавалась искаженная условная словесная форма, которая была понятна людям данной группы, но которая была непонятна ни другим людям, ни птицам, ни зверям, ни рыбам. Таково происхождение искаженного, «заумного», счета.

Изменение словесной формы числительных происходило по общим правилам условной иносказательной речи, принятой на охоте и дома. Поэтому нет ничего удивительного в том, что структура и принципы образования искаженных числительных в считалочном счете точно воспроизводят структуру и образование темных подставных слов условной иносказательной речи.

Вместо названия домового *суседко, суседка, суседушка* (т. е. живущий рядом в доме) в Амурском крае употреблялись слова *буседка, буседушка* [1]. Принципиально здесь нет никакого отличия от считалочного пять — *пята, вята* или загадочного *тринчика* (три).

Принцип образования непонятных слов на основе изменения их звуковой формы был широко распространен также в условных тайных языках людей разных профессий: у тверских нищих, мелких торговцев-офеней, портных, костромских шерстобитов, сплавщиков леса и других. Все эти тайные профессиональные «языки» — развитое, оторвавшееся от языческих верований традиционное наследство древности [2].

Образование слов в тайной речи людей этих профессий совершается в основном по принципу переиначивания обычных слов: *масья* — мать, *мастырить* — мастерить, делать, *терсно* — сукно (от слова *шерсть), басвé* — тебе, *басвинска* — твоя и т. д. Счет у офеней в отдельных случаях почти точно совпадает с тем, что мы имеем в считалках: *девера* у офеней означает «девять», в считалках встре-

---

[1] См. Д. К. Зеленин, Табу слов, т. IX, стр. 106. Других примеров не приводим: читатель может их найти в названном исследовании. Аналогичное явление встречается у разных народов.

[2] Библиографию этого вопроса см. у П. К. Симони, Известия II отделения Академии наук, 1896, № 2, стр. 427—434, а также в «Этнографическом обозрении», 1897, № 2, стр. 152.

чается *девор*[1], *девер*[2]; «десять» у офеней *де́кан,* в считалках «десять» обозначается *декус*[3], *декс*[4] (корень у этих слов несомненно один).

Если даже допустить, что совпадения в условных обозначениях чисел у офеней и в считалках возникли в результате позднего влияния офенского «языка» (хотя мы думаем, что здесь сказалась общность древних традиций, равно проявившихся и в одном и в другом случае), то самая о б щ н о с т ь п р и н ц и п а переиначивания слов в «пересчете» и в тайной речи офеней не может быть результатом влияния. Всякие посторонние воздействия могут изменять частный вид явления, но не могут распространяться на самое происхождение его.

Итак, пересчет-считалка возникла на заре человеческой истории, в недрах первобытного строя, в нераздельной связи со всем кругом древних понятий и представлений людей.

Древний пересчет с искаженными обозначениями чисел весьма естественно перешел в считалку — составную часть детских игр. Детская игра воспроизводит самую жизнь. В игре, как и в самой жизни, пересчетом посредством заумных слов, скрывающих настоящее обозначение чисел, определялись роли и очередность. Пересчет в игре — имитация приготовлений взрослых в серьезных жизненных делах. Таково происхождение невинного детского развлечения считалки, некогда в форме пересчета игравшей важную роль в быту и труде народа.

Со временем оторвавшись от веры в числа, пересчет-считалка стала развиваться своим особым путем. В нее была внесена масса новых, уже чисто художественных элементов. Искаженные слова стали придумываться по созвучию со старыми, без всякой связи с условной иносказательной речью древности. Считалка стала игрой и как забава должна рассматриваться в фольклоре позднего времени.

---

[1] Счет у офеней: *екóй, взю (кóкур), кумар (стем, стрема), кисера (дщера, чивак), пинда (пенда, вычур), шонда, сезюм, вондара, девера (кивера), декан.* Ср. считалку в книге Г. В и н о г р а д о в а, Русский детский фольклор, Иркутск, 1930, № 165.

[2] Г. С. В и н о г р а д о в, Русский детский фольклор, Иркутск, 1930, № 156 з, 158 г.

[3] Т а м ж е, № 165.

[4] Т а м ж е, № 158 г.

Образование новых слов в считалках потеряло старый смысл и нередко приобретало форму чистой бессмыслицы, единственное оправдание которой в подчеркнуто выделенном ритме, заменяющем счет. Но бессмыслица не могла долго жить в фольклоре, и в считалку стали проникать осмысленные разрозненные фразы, отдельные слова. Из этих слов сплеталось какое-то содержание, а вскоре появились и «сюжетные» положения.

Шнрага-барага,
По кусту, по насту
По лебе лебедке,
Штучка плетка,
Соколик, вон [1].

В этой считалке еще мало смысла, но в других уже есть развернутый сюжет. Это известные считалки о зайце белом, который драл лыки; о свинье, что брела по бору и ела лебеду; о кукушке, которая шла мимо сетей, и пр. В считалках сложилась своя «поэтика».

Композиция считалок наиболее распространенного типа состоит из зачина, хода и выхода, или концовки. Зачин чаще всего выражается в счете или в обращении:

Раз, два, три, четыре, пять,
Шесть, семь, восемь, девять, десять,
Выплыл ясный (круглый) месяц...

или:

Утя, утя, не летай,
Сиди дома, работай... [2]

Ход начинается фактически от самого зачина, цепляясь за него, и развивает тему зачина. Выход типа «Радивон, поди вон» есть не в каждой считалке. Считалка может и просто оканчиваться каким-нибудь находящимся под сильным ударением и ритмически выделенным словом:

Шулды-булды,
Пузырь лоп [3].

---

[1] Г. С. Виноградов, Русский детский фольклор, Иркутск, 1930, № 319 з.
[2] Там же, № 458.
[3] Там же, № 387.

В детском фольклоре считалка представляет своеобразную игру словом и ритмом и в этом ее художественная функция.

Цынцы-брынцы, балалайка,
Цынцы-брынцы, заиграй-ка.
Цынцы-брынцы, не хочу,
Цынцы-брынцы, спать хочу,
Цынцы-брынцы, куда едешь?
Цынцы-брынцы, в городок.
Цынцы-брынцы, чего купишь?
Цынцы-брынцы, сухарек (молоток) [1].

Весь этот веселый стишок построен на звукоподражаниях, как бы воспроизводящих игру на балалайке. Четкий ритм считалки о солдатах: «Аты-баты, шли солдаты» — напоминает шаг солдатской роты.

Художественные достоинства считалки, бойкость и красочность ее ритмов обратили внимание поэтов и композиторов. В. Брюсов написал в подражание считалкам несколько стихотворений, а композитор А. Гречанинов — музыку к ним. У детей, внесших значительный вклад в традиционное творчество, считалка остается любимой игрой ритмов и звуков [2].

Нам остается рассмотреть еще один вид творчества, уже почти всецело развитый детьми. Это — дразнилки. Нельзя сказать, чтобы и у него не было своего «предка» в творчестве взрослых. Раздоры, столкновения, вражда, кулачные бои, настоящие драки, когда один «конец» деревни шел на другой, были постоянным явлением старого быта. Взрослые давали друг другу прозвища, клички, отмечавшие мнимые и действительные недостатки.

Жители одной области давали жителям других мест прозвища, высмеивали их говор и обычаи, казавшиеся странными и смешными, а те в свою очередь не оставались в долгу. Так, москвичи называли новгородцев *гущеедами,* а те москвичей — *водохлебами* и пр. Клички-прозвища связывали с профессиями и ремеслами, преобладающими в той или иной местности или краю.

---

[1] Г. С. Виноградов, Русский детский фольклор, Иркутск, 1930, № 317.

[2] Эту краткую характеристику можно было бы развернуть в целую книгу. Опыт, первый и единственный, такого исследования произведен в упомянутой книге Г. С. Виноградова, к которой и отсылаем читателя.

Часть кличек и прозвищ осуждала лень, безделье. Таковы присловья-прозвища пошехонцев, но нередко клички и прозвища носили характер, нетерпимый к вере и национальной принадлежности. Это явление — безусловно отрицательное в жизни народа.

Дети принимали участие в стычках и спорах взрослых, усваивали от них самую манеру давать прозвища и дразнить. Клички и обидные прозвища в детской среде в известной мере смягчались. В большинстве случаев они возникали как рифмованные прибавления к имени, без всякой связи с предметом спора или поводом, вызвавшим столкновение: *Архип — старый гриб, Андрюшка — индюшка* и пр. [1].

Присоединение к этому прозвищу какого-либо нового стиха превращало прозвище в дразнилку: *Алеха-Алексей, полна пазуха мышей* [2]. Часть дразнилок осуждает ябедничество, обжорство, лень и воровство: *Ябеда-беда, тараканья еда* [3], *Вор-воришка, украл топоришко* [4]. Представляя известный этнографический интерес и давая материалы для суждения о детской психологии и детском словотворчестве, дразнилки не обладают крупными художественными достоинствами. В них масса бранных выражений. В самой детской среде обычай дразнить вызывал протест: о любителях подразнить говорили: *Дразнило — собачье рыло* [5].

Среди прочих форм насмешки и издевки в детской среде существовали и сохраняются до сих пор своеобразные словесные игры, рассчитанные на простаков. Исследователь детского фольклора Г. С. Виноградов метко назвал их поддевками.

— Скажи «двести», — обратится кто-нибудь к сверстнику или сверстнице. Не подозревая коварного замысла, тот, к кому обратились, добросовестно выполняет просьбу: «Двести», — и получает в ответ короткое: «Голова в тесте» [6].

---

[1] Г. С. Виноградов, Детская сатирическая лирика, Иркутск, 1925 (Отд. оттиск из сб. «Сибирская живая старина», вып. III—IV, стр. 65—106), № 2, 4.

[2] Там же, № 23.

[3] Там же, № 54.

[4] Там же, № 92.

[5] Там же, № 20.

[6] Там же, № 116.

Ребятишки не любят несообразительных и излишне доверчивых сверстников. Некоторые из поддевок рассчитаны на использование этой слабости. Вот одна из таких поддевок:

— Тебе поклон послали.
— Кто?
— Маша.
— Какая Маша?
— Свинья наша[1].

Безобидной и веселой словесной игрой детей старшего возраста является быстрое повторение труднопроизносимых стишков и фраз; это — скороговорка. Ошибка оговорившегося каким-нибудь нелепым словом вызывает смех у сверстников и смущение у ошибившегося. Решаясь повторить скороговорку уже без ошибки, запнувшийся с еще большим напряжением произносит те же самые слова и, как правило, снова ошибается, вызывая новый смех. Скороговорка сочетает однокоренные или созвучные слова: *На дворе — трава, на траве — дрова, Сшит колпак не поколпаковски, надо его переколпаковать и перевыколпаковать* и другие.

Среди скороговорок встречаются и такие, которые состоят из коротких фраз невинного как будто содержания. Произнеся такую скороговорку несколько раз подряд, не сразу уловишь ее неожиданный, обычно нескромный, смысл.

Подобно многим произведениям фольклора, скороговорки, или, как их иногда называют, частоговорки, отличаются ясно выраженной развлекательной установкой, и время происхождения их не может быть отнесено к глубоким доисторическим эпохам.

Трудно решить, кто творец этих скороговорок: дети или взрослые. По крайней мере, некоторые из них (а именно те, у которых нескромный смысл) вряд ли созданы детьми.

В завершение нашего краткого обозрения жанров детского фольклора коснемся истории его собирания и изучения. Собирание детского фольклора началось сравнительно поздно. В первой половине XIX века были записаны и опубликованы лишь единичные тексты колыбельных песен и наиболее распространенные потешки. В

---

[1] Г. С. Виноградов, Детская сатирическая лирика, Иркутск, 1925, № 131.

богатом собрании песен П. В. Киреевского, первая часть которых была опубликована лишь в 1911 году, вошло всего шесть колыбельных песен.

Накануне реформы 1861 года и после нее в связи с общим подъемом передового освободительного движения остроту приобрели педагогические вопросы. Интерес к народной школе побудил педагогов, писателей и ученых обратиться к фольклору как важному художественно-воспитательному и учебному материалу.

В детских журналах «Подснежник», «Звездочка» и других органах печати стали появляться произведения детского фольклора. Особенно большую услугу общему делу собирания детского фольклора, а главное, возбуждению интереса к детским песням и потешкам оказал журнал «Учитель».

Со страниц его не сходили произведения детского фольклора. Право «гражданства» в учебной литературе детские песни и прибаутки получили после выхода в свет «Родного слова» К. Д. Ушинского. Знаменитый педагог-ученый включил в свою книгу детский фольклор.

В 1868 году вышли «Детские песни» П. А. Бессонова. Сборник составился из записей, сделанных собирателем по памяти. В отдельных случаях П. А. Бессонов производил литературную обработку народных текстов. Такого разнообразия произведений детского фольклора, какое представлено в этом сборнике, знают немногие книги для детей. Здесь и колыбельные песни, и потешки, и прибаутки, колядки, игровые песенки. Книга получила положительную оценку у критики и встретила восторженный прием у детей.

Крупным знатоком детского фольклора был В. И. Даль. В своих «Пословицах русского народа» (М., 1861 — 1862) он предоставил несколько страниц скороговоркам, считалкам и приговоркам. Потешки, прибаутки и игровые песни вошли в специальные детские книги В. И. Даля: «Первая первинка. Полуграмотной внуке. Сказки, песенки, игры» и «Первинка другая. Внуке грамотейке с неграмотной братьею. Сказки, песенки, игры» (1871). В этих книжках, не носивших характера научной публикации, В. И. Даль обрабатывал народные тексты.

Первое, подлинно научное крупное издание детского фольклора было осуществлено П. В. Шейном. Начав собирать фольклор еще в 50-е годы, П. В. Шейн опубли-

ковал свое небольшое собрание песен и былин в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (1859).

Пополненное новыми записями, собрание появилось в виде отдельного сборника (М., 1870). Оно открывается детскими песнями. Продолжая пополнять свое собрание, П. В. Шейн издал в 1898 году 1-й выпуск I тома своего «Великорусса»[1]. Это первая и единственная общая сводная публикация материалов по детскому фольклору.

Помимо своих записей, П. В. Шейн опубликовал в сборнике записи Г. Н. Потанина — знаменитого русского путешественника и исследователя Сибири, Монголии, Китая, записи драматурга А. Н. Островского, а также ученого-фольклориста А. Н. Афанасьева и крупного собирателя песен, пословиц и загадок в Вологодском крае Н. А. Иваницкого, записи сосланного царским правительством собирателя фольклора демократа-разночинца И. А. Худякова.

П. В. Шейн включил также в свое собрание ранее уже публиковавшиеся песни, заимствовав их из «Владимирских губернских ведомостей», журнала «Учитель» и «Воспоминаний» Е. А. Авдеевой («Отечественные записки» за 1849 г.). Это дает право считать труд П. В. Шейна в части детских песен коллективным. Большое число лиц заботилось о том, чтобы сохранить для народа созданные им в веках художественные ценности.

В собрание П. В. Шейна вошло около 300 произведений детского народного творчества. П. В. Шейн дал классификацию детского фольклора, которая в основном сохранена и поздними собирателями и исследователями народного детского творчества.

Помимо «Великорусса» и сборника, который ему предшествовал (М., 1870), П. В. Шейн способствовал появлению «Сборника народных детских песен, игр и загадок» (составил А. Е. Грузинский по материалам П. Шейна, М., 1898).

Вслед и одновременно с П. В. Шейном детский фольклор собирали В. Ф. Кудрявцев, А. Ф. Можаровский, В. Н. Добровольский и другие. Особого

---

[1] Издание не было завершено и оборвалось на 2-м выпуске I тома (Спб, 1900). Интересующие нас материалы целиком вошли в 1-й выпуск I тома.

внимания заслуживает книга Е. А. Покровского о детских играх («Детские игры», М., 1887).

Книга создавалась усилиями многих людей. Более двух тысяч лиц прислало свои записи и сведения о детских играх. Книга Е. А. Покровского остается лучшим собранием и исследованием детских игр.

Большое количество записей детского фольклора разбросано по периодическим изданиям: «Этнографическое обозрение», «Труды Этнографического отдела Известий Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», «Губернские ведомости», труды губернских архивных комиссий и пр.

По мере накопления материалов шло их изучение. Уже исследователи фольклора 60-х годов обратили внимание на отражение в детских песнях исторических пережитков и старины. Особенное внимание было уделено колыбельным песням. В последующее время, в 90-е годы, им посвятил большую статью А. Ветухов («Этнографическое обозрение», 1892, № 1—4).

В статье дано обозрение мотивов колыбельной песни, предложена их классификация. Анализируя русские, украинские и белорусские тексты, автор пытается установить национальные бытовые черты колыбельных песен.

В другой статье В. Харузина дала интересную разработку материалов, относящихся к вопросу об обрядовых песнях в детском обиходе («Об участии детей в религиозной обрядовой жизни», «Этнографическое обозрение», 1911, № 1—2). Из всего сказанного можно заключить, что широкого охвата материалов детского фольклора в исследовательской литературе дореволюционного времени не было.

Широкое изучение детского фольклора началось после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Оно связано прежде всего с именами профессора Иркутского университета Г. С. Виноградова, О. И. Капицы и писателя-критика К. И. Чуковского.

На протяжении нескольких лет Г. С. Виноградов собирал в Сибири детский фольклор. Он опубликовал массу новых записей, значительная часть из которых была ему передана другими собирателями детского фольклора. Г. С. Виноградов оставил науке большое число содержательных статей и исследований, богатых наблюдениями и

тонкими замечаниями. Это «Детский фольклор и быт. Программа наблюдений» (Иркутск, 1925), «Детская сатирическая лирика» (Иркутск, 1925), «Народная педагогика» (Иркутск, 1926), «Детский народный календарь» (сб. «Сибирская живая старина», 1924, вып. II) и, наконец, «Русский детский фольклор» (книга 1-я, Иркутск, 1930). К сожалению, широкий замысел Г. С. Виноградова оказался неосуществленным. Первая книга исследования посвящена в основном считалкам. В книге приведено свыше 500 текстов, не считая многочисленных вариантов. В большом «описании», предпосланном публикации текстов, Г. С. Виноградов дал детальное и единственное в своем роде по кропотливости анализа, широте охвата материалов исследование «игровых прелюдий», как назвал ученый жеребьевку и считалки.

Во всех своих работах Г. С. Виноградов ставил общие вопросы изучения детского фольклора в тесной связи трех «факторов»: этнографии, психологии детского творчества и традиционного творчества взрослых. И хотя исследователь преувеличивал роль детей в создании фольклора, хотя в его работах нередки очевидные теперь методологические ошибки, его исследования остаются лучшими в литературе о детском фольклоре.

О. И. Капице принадлежит книга «Детский фольклор» (Л., 1928). В книге дан обстоятельный обзор материалов и богатая фактами история изучения и собирания детского фольклора.

К. И. Чуковский в продолжение нескольких десятилетий собирает материалы по детскому словотворчеству. В результате их систематизации и изучения появилась книга «От двух до пяти» (последнее издание 1956 г.).

Это интересное исследование детской психологии, отношения детей к слову, тех эстетических и педагогических требований, которые дети предъявляют к искусству.

Анализируя материалы детского словотворчества, К. И. Чуковский обосновал важный тезис о единстве детского и народного начала в искусстве. Этот вывод подтвержден многочисленными данными народного детского творчества.

Книга К. И. Чуковского с самого начала до конца задумана как страстная полемика с вульгаризаторами педагогического и эстетического назначения и смысла произведений для детей. Исследование К. И. Чуковского

должно стать настольной книгой каждого, кто имеет отношение к воспитанию ребят или детской литературе.

История изучения детского фольклора была бы обеднена, если бы оказалась забытой работа Комиссии по детскому фольклору, быту и языку, учрежденной в 1927 году при Государственном Русском географическом обществе. Инициатором этого научного начинания была О. И. Капица.

Совместно со студентами Государственного педагогического института имени А. И. Герцена она вела работу по собиранию и систематизации материалов детского фольклора. Комиссия ставила своей целью собирание материалов по детскому фольклору и быту всех народностей, живущих на территории СССР. Предполагалась и частично была осуществлена работа по библиографии отечественной и зарубежной литературы по вопросам детского фольклора.

Членами комиссии была начата исследовательская работа. Увидел свет первый сборник «Детский быт и фольклор» (Л., 1930), подготовленный комиссией. К сожалению, на этом публикация материалов и исследований оборвалась, а самая комиссия прекратила существование. Коллективный труд инициаторов комиссии и активных ее членов заслуживает глубокого изучения.

По непонятным причинам детский фольклор не вошел ни в итоговую работу в области фольклористики 20-х и 30-х годов — в учебник Ю. М. Соколова «Русский фольклор» (М., 1938, 1940), ни в последующие исследования и учебные пособия по фольклору. Дело ученых и всех, кто пишет об искусстве слова, предназначенного для детей, продолжить замечательную работу старейших исследователей детского фольклора.

Тексты

I

ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ НАРОДА

1. ЯЗЫЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ И ПЕРЕХОД В ХРИСТИАНСТВО

Береженого коня и зверь в поле не берет[1].

Ловит волк роковую[2] овцу.

Обещанная скотина не животина[3].

Мать — сыра земля, говорить нельзя.

Вещий сон не обманет.

Не к ночи будь сказано.

Леший обошел.

---

[1] Пословицы и поговорки выбраны из собрания В. Даля, И. Снегирева, сборника И. Иллюстрова, лишь некоторые взяты из других сборников. Разделы даны в соответствии с историческим очерком, который вошел в статью о пословицах и поговорках. При внимательном чтении можно заметить, что внутри разделов пословицы и поговорки также расположены по темам. Устаревшим словам и выражениям дано разъяснение. К тем пословицам и поговоркам, о которых шла речь в статье, комментарии не даются.

[2] *Роковой* — урочный, связанный с тем, что обязательно совершается в свой срок; в данном случае — предназначенный.

[3] Согласно языческим представлениям, сохранившимся как пережиток и в позднее время, волки получают пищу от своего хозяина. Со временем таким хозяином стал христианский святой *Егорий* — волчий пастырь.

Лешак[1] тебя возьми.
Кричит, как леший.
Домовой лешему ворог.
Домовой тешится, леший заводит, а водяной топит.
Добрыня крести мечом, Путята — огнем.
Церкви не овины, в них образа все едины.
Егорий да Влас — всему богатству глаз.
С камня лык не надерешь, аминем от беса не отбудешь.
Во всяком подворье свое поверье.
Бес легок на помине.
Задумал мужик брагу сварить, а уже черт с чаркой стоит.
Было бы болото, а черти будут.

2. ЗЕМЛЯ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РАБОТА

Не та земля дорога, где медведь живет, а та, где курица скребет.
Наездом хлеба не напашешь[2].
Плуг кормит, а луг портит.
Межа не стена, а перелезать нельзя.
Всяк держи свои рубежи[3].
Через чур и конь не ступит[4].
Чья земля, того и хлеб.
Чей двор, того и хоромы, чей берег, того и рыба, чей конь, того и воз, чья земля, того и сено.
Мужик умирать собирайся, а земельку паши.
Держись за соху: она кормилица.
У матушки-сошки золотые рожки.
Держись ближе сохи Андреевны: она не выдаст.
Какова пашня, таково и брашно[5].

---

[1] *Лешак* — лесовик, леший. «Леший поет голосом без слов, бьет в ладоши, свищет, аукает, хохочет, плачет... обходит путников и лесников, заставляя их плутать» (В. Даль, Толковый словарь, т. II, М., 1955, стр. 279).
[2] Говорится об оседлости, привязанности к пашне.
[3] *Рубеж* — зарубка, насека, рубец; грани и межи означались затесями и метками на пнях и деревьях.
[4] *Чур* — грань, граница, рубеж, межа.
[5] *Брашно* — пища, яства.

Клади навоз густо, в амбаре не будет пусто.

Пашню пашут, руками не машут.

Коли орать[1], так в дуду не играть.

Иглой да бороной деревня стоит.

Коси, коса, пока роса; роса долой — и ты домой.

Перестоялась трава — ни сено, ни труха.

Каково волокно, таково и полотно.

Мни лен доле, волокна будут доле.

В лесу и обжорный ряд, в лесу и пушнина, в лесу — и курятная лавочка.

Кто пораньше встает, тот грибки себе берет; а сонливый да ленивый идут после за крапивой.

3. ПРИРОДА И ПРИМЕТЫ

Не примечать — и хлебушка не едать.

Снег глубок — год хорош.

Вешний день целый год кормит.

Снегу надует, хлеба прибудет; вода разольется, сена наберется.

Март сухой да мокрый май — будет каша и коровай.

Как в Евдокеи курочка на улочке водицы напьется, так в Егорьев барашек травки наестся[2].

Овес Микольский — ни хозяйский, ни конский[3].

До святого Николы не сей гречки, не стриги овечки.

Федул на двор заглянул — пора серпы зубрить[4].

Ивановские дожди — лучше золотой горы[5].

До Ильина дня в сене пуд меду, после Ильина дня — пуд навозу[6].

Акундин разжигает овин, Пагасий солнце гасит[7].

---

[1] *Орать* — пахать.

[2] День Евдокии — 1 марта, Егорьев день — 23 апреля.

[3] День Николин-летний — 9 мая.

[4] 18 июня — день св. мученика Федула.

[5] Иванов день — 24 июня и 29 августа.

[6] До Ильина дня — 20 июля — в цветах много сладкого соку.

[7] В ноябре крестьяне молотили. День мучеников Акундина и Пагасия — 2 ноября.

4. КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА-МИР

Мира никто не судит.
Что миром положено, тому и быть так.
Мирская правда крепко стоит.
Мир столбом стоит.
Мир зинет — камень треснет.
Мир — волна: что один, то и все.
Где у мира рука, там моя голова.
К миру приложился, головою заложился.
Никакой мирянин от мира не прочь.
От миру прочь — не мирянин.
С миру по нитке — голому рубаха.
Все за одного и один за всех.
Один вор — всему миру разоренье.
Мирская шея толста.
Мир что вода: пошумит и разойдется [1].
Правда на миру не стоит, а по миру ходит [2].

5. РУСЬ И ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

Русь святая, православная, богатырская, мать святорусская земля.
Киев — всем городам мать.
Древний Новгород и Псков — господа.
На одном вече, да не одни речи.
Волга — матушка, глубокая, раздольная, разгульная. Днепр быстрый широкий.
Что город, то норов; что деревня, то обычай.
Что двор, то говор.
С родной (родительской) земли — умри, не сходи.
Своя земля и в горсти мила.
Русский человек хлеб-соль водит.
Русский ни с мечом, ни с калачом не шутит.
Всякая сосна своему бору шумит.

---

[1] Мирская сходка.
[2] Пословица времени, когда мир утратил свою силу. См. статью.

Глупа та птица, которой гнездо свое не мило.
На чужой сторонушке рад своей воронушке.
Родимая сторона — мать, а чужая — мачеха.
И кости по родине плачут.

6. СКОМОРОШЕСТВО

У всякого скомороха свои погудки.
Рад скомрах о своих домрах.
Всякий спляшет, да не как скоморох.
Скоморох голос на гудке настроить умеет, а житья своего не устроит.
Волынка да гудок, сбереги домок.
Скоморошья жена всегда весела.
Весело́й калиге не товарищ[1].
Ладно слушать скомороха на гусельках, а сам играть станешь — ан не по нас.
Медведь лег — игра стала.
Гудки со двора, и жар простыл.

7. РАТНОЕ ДЕЛО

Мир стоит до рати, а рать до мира.
Крепка рать воеводою.
Не ставь недруга овцою, а ставь его волком.
Прежде соберись, а потом дерись.
Один в поле не ратник.
Косу острят на траву, а меч на главу.
Идти на рать, так бердыш брать.
Колчан пригож стрелами, а обед пирогами.
Изломленного лука двое боятся.
Коли у поля стал, так бей наповал.
Язва от стрел глубока, от меча широка.
Осажден город двоемыслен.
Сиденьем города не берут.

---

[1] *Весело́й, веселые люди* — скоморохи; *калига* — странник, богомолец.

8. ТАТАРСКОЕ ИГО

Пусто, словно Мамай прошел.
Бей сполох, татарин идет.
Не нашу тысячу рубят[1].
Старших и в Орде почитают..
Аще бы и в Орде, только бы в добре.
Злее зла татарская честь.
В татарских очах нету проку.
Каков хан, такова и орда.
Рано татарам на Русь идти.
Умерла та курица, которая несла татарам золотые яйца.

9. ЕДИНСТВО ГОСУДАРСТВА, МОСКВА И ЦАРЬ

Царство разделится, скоро разорится.
Москва всем городам мать; матушка Москва белокаменная, златоглавая, хлебосольная, православная, словоохотливая.
Наш городок Москвы уголок.
Близ царя — близ смерти.
Междуцарствие хуже грозного царствия.
Лучше грозный царь, чем семибоярщина.
Царские милости в боярское решето сеются.
Царю застят, народ напастят.
Не ведает царь, что делает псарь.
Коли все миром вздохнут, и до царя дойдут.
Царские глаза далеко видят.
У царя руки долги.
Бог — высоко, а царь — далеко.

10. КРЕПОСТНИЧЕСТВО: ДВОРОВЫЕ, МУЖИК И БАРИН

В боярский двор ворота широки, да с двора узки.
Неволя, неволя — боярский двор: ходя — наешься, стоя — выспишься.

---

[1] *Тысяча* — тысяча ратников, тысячный полк; предание связывает пословицу с татарским периодом; захватчики пользовались отсутствием единства среди русских князей.

Была бы спина, найдется и вина.

Холоп в неволе у господина, а господин — у прихотей своих.

Не куплен — не холоп, не закабален — не работник.

Всякий раб сам себе рад [1].

В те поры холопу время, когда господину безвременье.

Солнышко садится — батрак веселится, солнышко восходит — батрак с ума сходит.

Крестьянскими мозолями бары сыто живут.

Белые руки чужие труды любят.

Один с сошкой, а семеро с ложкой.

Не будет пахатника, не станет и бархатника.

Нужда учит, а барщина мучит.

День в день, а топор в пень; смотрю не на работу, а на солнышко [2].

Муж крепок по жене, а жена по мужу.

Не шей дубленой шубы, оброку прибавят.

Крепки ряды Юрьевым днем [3].

Мужик не тумак: знает, когда живет Юрьев день.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.

Господин, что плотник: что захочет, то и вырубит.

Тело — государево, душа — божья, спина — барская.

Утиного зоба не накормишь, господского кармана не наполнишь.

Господской работы не переработаешь.

Вселился черт в боярский двор.

Барская хворь — мужицкое здоровье.

Барская просьба — строгий приказ.

Барская милость — кисельная сытость.

Хвали рожь в стогу, а барина — в гробу.

Всякий боярин свою милость хвалит, а нашу услугу ни во что не ставит.

---

[1] *Рад* — радеет.
[2] О барщине: то есть *не пора ли кончать?*
[3] Юрьев день — 26 ноября. *Ряда* — договор, условие.

Посулил боярин шубу, да не дал: ин слово его тепло.
Дворянское кушанье — два грибка на тарелочке.
Ни тяга сын боярский [1].
Барин в поле полюет, мужик в поле горюет [2].

11. ЗАКОН, СУДОПРОИЗВОДСТВО И СУДЬИ

Где закон, там и обида.
Закон — как паутина: шмель проскочит, а муха увязнет.
Закон — что дышло: куда поворотишь, туда и вышло [3].
Холоп на боярина не послух [4].
Давши кабалку, не тяжутся.
За очи и баба князя перетяжет [5].
Доносчику первый кнут.
Очи на очи глядят, очи речи говорят [6].
Узнать подноготную.
Не скажешь подлинной, так скажешь подноготную [7].
На деле прав, а на дыбе виноват [8].
Батожье — дерево божье, терпеть можно.
Шемякин суд.
Шиворот на выворот [9].
Семь бед — один ответ.
Откладывать в долгий ящик [10].

---

[1] *Не тяга* — не тяглый, не работник.

[2] *Полевать* — охотиться с ружьем или с собаками.

[3] *Дышло* ворочает передок повозки.

[4] *Послух* — свидетель в суде.

[5] *Перетяжет* — от слова *тяжба,* судебное разбирательство.

[6] Об очной ставке.

[7] В средневековых судах пытку начинали с палок *(длинников);* речи, которые произносил пытаемый под палками — *под длинниками,* называли *подлинными* — подлинная правда; после подлинной правды пытаемого подвергали новой пытке, заставляя говорить правду *подноготную* — для этого ему забивали под ногти пальцев железные гвозди.

[8] Измученный, доведенный до иступления пытками на дыбе пытаемый ложно оговаривал себя.

[9] В старину на виновного надевали платье наизнанку, сажали на коня лицом к хвосту — это считалось позором.

[10] В XVII веке царь Алексей Михайлович повелел повесить при дворце *длинный ящик* для вкладывания просьб и жалоб, которые по рассмотрении отдавал боярам для исполнения. Исполнение тя-

Снять с кого шапку (платок).
С него шапки не сымешь [1].
Берет руками, а отдает ногами [2].
Борода — лишняя тягота.
Без рубля бороды не отрастишь [3].
Лоскут на ворот, а кнут на спину [4].
Где суд, там неправда.
Не бойся вечных мук, а бойся судейских рук.
Из суда, что из пруда, сухой не выйдешь.
Перо в суде — что топор в лесу: что захотел, то и вырубил.
Не бойся истца, бойся судьи.
Ждет, как ворон кости: поп — покойника, а судья — разбойника.
Перед богом ставь свечку, перед судьею — мешок.
Судейский карман — что утиный зоб: и корму не разбирает и сытости не знает.
В земле — черви, в воде — черти, в лесу — сучки, в суде — крючки: куда уйти?
В суд поди и кошелек неси.
Судье рыба, а просителю чешуя.
Когда деньги говорят, тогда правда молчит.
Будь чист, как стекло, будь светел, как солнце праведное, а ступил в суд ногой, полезай в мошну рукой.
В суде убогой с богатым, хотя и прав, бывает виноватым.
Не тягайся с богатым, не борись с сильным: коза с волком тягалась, хвост да шкура осталась.
Пошел в суд в кафтане, а вышел нагишом.

нулось годами, длинный ящик прозвали *долгим*. Он вошел в поговорку.

[1] С неплательщиков долгов на Красной площади или на большом торгу, на базарах при стечении народа снимали головной убор — это называлось *опростоволосить,* то есть лишить при народе доверия.

[2] Должников наказывали ударами палкой по пяткам.

[3] О пошлине, установленной в 1705 году за право ношения бороды.

[4] О раскольниках, которым при Петре I нашивали на спину кафтана лоскут для отличия от прочих.

12. РАЗБОЙ И ВОРОВСТВО

Тати не жнут, а погоды ждут[1].

Темна ночь вору родная мать.

Ну-те, ребята, промыслы водить: люди горох молотить, а мы замки колотить.

Изба крепка запором, а двор — забором.

Без запора и забора не уйдешь от вора.

Чужое добро страхом огорожено.

Вор слезлив, а плут богомолен.

Не годится к страже вор, ни дурак на разговор.

Не тот вор, кто крадет, а кто лестницу подставляет.

Вор — что заяц, и тени своей боится.

Не пойман — не вор.

Вор у вора дубинку украл.

Воровское стяжание не пойдет впрок.

На воре шапка горит[2].

Мокрый — дождя, а нагой разбою не боится.

Кошка мышей ловить не устанет, а вор воровать не перестанет.

От поблажки и воры плодятся.

По делам вору и мука.

Кто плут, для того сделан кнут.

Как вору не воровать, а петли ему не миновать.

Отвага мед пьет; отвага и кандалы трет.

Дошел тать в цель, ведут его на рель[3].

Злое ремесло на рель занесло.

13. КАЗЕННЫЕ ПАЛАТЫ, ВОЕВОДЫ И ВЗЯТКИ

Казенная палата от мужиков богата.

Начальнику нужны: и волчий рот и лисий хвост.

Не ходи к воеводе с одним носом, ходи к нему с приносом.

---

[1] *Тати* — воры.

[2] На базаре закричали: *на воре шапка горит,* а вор за шапку и хватился.

[3] *Рель* — виселица.

Просьбы не докуки, как не пусты руки.
Сухая ложка рот дерет.
Неподмазанное колесо скрипит[1].
Люди ссорятся, а воеводы кормятся.
От трудов праведных не нажить палат каменных.
Когда у кого голова пуста, то голове ума не придадут места.
Не идет место к голове, а голова к месту.
Судить, рядить не умеет, а на воеводство садят.
В большом месте сидеть — много надобно ума иметь.
Дома жить — чина не нажить.
Кулик на месте соколином не будет птичьим господином.
С ярыжкой кто не поводится, без рубахи находится[2].
Дьяк у места, что кошка у теста.
Подъячий любит калач горячий.
Хоть возьми на калачи, только делом не волочи.
Жалеть писцу бумажки — не нажить ему рубашки.
Дерет коза лозу, а волк — козу, а мужик — волка, а поп — мужика, а попа — приказный, а приказного — черт.
Приказный — безотвязный: стоит над тобой, как черт над душой.

14. РЕЛИГИЯ И ДУХОВЕНСТВО

Поповские глаза завидущи, руки загребущи.
Богу — слава, а попу — коровай сала.
Родись, крестись, женись, умирай — за все денежки подай.
Первую мерлушку попу на опушку.
Кому тошно, а попу в мошно.
Монастырщина — что барщина.
Игумен — за чарку, а братия — за ковши.
Голодный и архимандрит украдет.

---

[1] Обычно так говорят о взятках.
[2] *Ярыжка* — низший служитель в приказе; он же пьяница. В данном случае возможно и то и другое.

Не всякий в старцы стрижется для Иисуса, иной и для хлеба куса.
Есть деньги, так в свайку; нет денег, так в схиму.
От беды в чернецы.
Избу ставят, бога славят.
С богом начинай, а руками кончай.
Бог-то бог, да и сам не будь плох.
Богу молись, а к берегу гребись.
Гром не грянет, мужик не перекрестится.
Из одного дерева икона и лопата.
Бог за оброки не бьет в боки.
Молись до пупу, бог любит докуку.
Где просто, тут ангелов со сто, а где мудрено, тут нет ни одного.
Умен, как поп Семен: книги продал, да карты купил; забился в овин, да играет один.

15. ГРАМОТА И ОБУЧЕНИЕ

К мягкому воску — печать, а к юному — ученье.
Корень ученья горек, да плод его сладок.
Продай кафтан да купи буквицу [1].
Азбука к мудрости ступенька.
Сперва аз да буки, а там — и науки.
Без букв и грамматики не учатся и математике.
Молоденький умок — что вешний ледок.
Дерево и учитель познается по плоду.
Пойти в науку — терпеть муку.
Аз, буки и веди страшат, что медведи.
Азбука — наука, а ребятам — бука.
Аз, буки — бери указку в руки; фита, ижица — плетка ближится.
Азбуку учат, во всю избу кричат.
Мнится, писание — легкое дело, пишут два перста, а болит все тело.

---

[1] *Буквица* — азбука.

Наука не пиво: в рот не вольешь.
Неразумного учить — в бездонную кадку воду лить.
Сытое брюхо к ученью глухо.
Читает — летает, да ничего не понимает.
Повторенье — мать ученья.
Не на пользу книги читать, коли только вершки в них хватать.
Не всякий, кто читает, в чтении силу знает.
Ученый водит, неученый следом ходит.
Кто грамоте горазд, тому не пропасть.
Наукою люди кормятся.
Красна птица перьем, а человек — ученьем.
Ученье в счастье украшает, а в несчастье утешает.
Ученье лучше богатства.
Ученье человеку ожерелье.
Грамоте учиться — вперед пригодится.
За ученого двух неученых дают, да и то не берут.
Век живи, век учись.
Ученье — свет, а неученье — тьма.

16. ВОЛЬНОЛЮБИЕ И БУНТАРСТВО

Велика святорусская земля, а правде нигде нет места.
Правда на небо улетела.
Правда светлее солнца.
Правда глаза колет.
Неправда — что дуга ветловая: концы в воде, так середка наружу; середка в воде, концы наружу.
Нужда закон не знает, а через шагает.
Еловый пень не отродчиво, а смердий сын непокорчиво.
На Руси не все караси — есть и ерши.
Отольются волку овечьи слезы.
Князья в платье, бояре в платье; будет платье и на нашей братье.
Были, были, и бояре волком выли.
Барин за барина, мужик за мужика.

Пустить красного петуха.
Смелого ищи в тюрьме, глупого — в попах.
После ненастья и вёдро будет.
Взойдет солнце и перед нашими воротами.
Всяк своего счастья кузнец.

17. СТАРАЯ ВОЕННАЯ СЛУЖБА, СОЛДАТЧИНА И ВОЙНЫ

Дворянская служба, красная нужда.
В стрельцы ставка добра, да лиха выставка.
Жребей — дурак: и отца в солдаты отдает.
Бояться пульки, не идти в солдаты.
Солдатская голова — что под дождиком трава.
Солдат шилом бреется, дымом греется.
На ученье идешь — жмут подтяжки; домой пришел — дожидайся растяжки.
Не довернешься — бьют, и перевернешься — бьют.
Пройтись по зеленой улице [1].
За неимением капрала и ефрейтору править.
Солдат-горемыка хуже лапотного лыка.
Бой отвагу любит.
Не всякая пуля по кости, иная и по кусту.
Сам пропадай, а товарища выручай.
Храбрость города берет.
Воин воюет, а жена горюет.
Пропал, как швед под Полтавой.
От бородинской пушки под Москвой земля дрожала.
Отогрелся в Москве, а замерз на Березине.
Двадцать пять лет — солдатский век.

18. НУЖДА, ЗАЙМЫ И КАБАЛА

Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет.
Наготы, босоты, изувешены шесты: холоду, голоду амбары полны.
Богат Ермошка: есть собака да кошка.

---

[1] Сквозь строй солдат — наказание шпицрутенами.

Ни кола, ни двора.

Рогатой скотины — ухват да мутовка, дворовой птицы — сыч да ворона.

Кому пироги да пышки, а нам желваки да шишки.

Что в пир, что в мир, — все в одном.

Нужда — мизгирь, а заемщик — что муха.

Заимодавец — удавец.

Возьмешь лычко, а отдашь ремешок.

Взял у черта рогожу, отдать будет и кожу.

Заниматься — что самому продаться.

Долг — не разжива.

Долг стоит у порога.

Долг не ревет, а спать не дает.

В долгу — что в море: ни дна, ни берегов, ни сна, ни покоя не видать.

Должища — что печища: сколько не клади дров — все мало.

В долг брать легко, да отдавать тяжело.

Голод мучит, а долг крушит.

Идти внаймы — принимать кабалу.

Нанялся — продался.

Нужду мужик в реке топил, да не утопил.

19. БУРЛАЧЕСТВО

Нечем платить долгу — ехать на Волгу.

Вниз вода несет, а вверх кабала везет[1].

Кобылу в хомут, а бурлака в лямку.

Лямку три, налегай да при.

В уханье не слыхать и оханья.

Шли бечевой, а хлеба ничего.

Шилом моря не нагреешь и от бурлачества не разбогатеешь.

Бурлак на час денежку копит.

Тяну лямку, пока не выроют ямку.

---

[1] Вверх Волги приходилось тянуть лямку.

Торг — яма; берегись, не ввались; упадешь, совсем пропадешь.

Торг без глаз, а деньги слепы: за чтс отдаешь, не видят.

Базар цену скажет.

На базар ехать, с собой цены не возить.

Собою цены не установить.

Мало в привозе, — много в запросе.

Не всегда кормит обоз, иногда кормит и воз.

Калачи живут дешево, коли деньги дороги.

И дорогой товар из земли растет.

Барыш с накладом на одних санях ездят.

Лежачий товар не кормит.

Живой товар растит наклад.

Не обманешь — не продашь.

Деньга торгу большак [1].

Деньга деньгу достает.

На торгу деньга проказлива.

На торгу деньга на воле, а купцы и продавцы все под неволей.

Деньги отпирают все двери.

Деньгам все повинуется.

Денежка не бог, а полбога есть.

Деньги — крылья.

Серебряный молоток пробьет железный потолок.

Алтыном воюют, алтыном торгуют, а без алтына горюют.

Алтын сам ворота отпирает и путь очищает.

Злато не говорит, да много творит.

Без денег в город — сам себе ворог.

В городе кус хватишь, рубль платишь, а досыта наешься — и не разделаешься.

Быть было беде, да случились деньги на бедре.

Кабы не деньги, так бы весь в полденьги.

Без денег везде худенек.

---

[1] *Большак* — голова, староста.

Алтынного вора вешают, а полтинного чествуют.
Бедный от богатого невинно погибает, а богатый совесть из людей мешками выгоняет.
Пусти душу в ад, будешь богат.
Богат шел в пир, а убог брел в мир.
Богат творит, как хочет, а убог, как может.

21. РАЗОРЕНИЕ ДВОРЯН

И барину деньга — господин.
Хоромы кривые, сени лубяные, слуги босые, собаки борзые — дворянский дом.
Приход пономарский, а расход генеральский.
Где слуги в шелках, там баре в долгах.
Дворня вотчину съела.
Дворня да псарня барина съела.
Пропали наши головы за боярами голыми.
Боярин и в рубище не брат.
Такой-сякой боярин, а все не мужик.
Не богат дворянин, а едет не один.
Камзолы зелены, а щи не солены.
На брюхе шелк, а в брюхе щелк.
Иное барство хуже пономарства.
Что ни лучше барин, то хуже долги платит.

22. РЕМЕСЛО, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

За стрижку в закройщики не ставят.
Знай, чеботарь, свое кривое голенище, а в закройщики не суйся.
Я не на выучке, а ты не закройщик.
Работнику алтын, а подрядчику полтина.
Швецу гривна, а закройщику рубль.
Делавцу полтина, а подрядчику рубль.
С топора не разбогатеешь, а огорбатеешь.
Кто на бумагопрядильне стоит, тот, как свечка, горит.

Шахтер в землю спускается, с белым светом прощается.

Как родился, так и за молот ухватился.

В забой пойдешь — под бой попадешь.

Не кует железа молот, кует кузнецов голод.

Золото добываем, себе могилу копаем.

Золото моем, а сами голосом воем.

На заводе ад, а кругом смрад.

Батюшка Питер бока наши повытер, братцы-заводы унесли наши годы, а матушка-канава и совсем доканала.

23. ОБНИЩАНИЕ ДЕРЕВНИ И ПОЯВЛЕНИЕ КУЛАЧЕСТВА

Есть и орало, да нечего орать[1].

Стали дела наши поправляться: стало земли от семян оставаться.

То не беда, что во ржи лебеда; то беда, что ни ржи, ни лебеды.

Плох овес — наглотаешься слез; не уродится рожь — по миру пойдешь.

Голод в мир гонит.

Не грози щуке морем, а нагому — горем.

Трудись век, едва заработаешь на хлеб.

От работы не будешь богат, а скорее будешь горбат.

У богатого мужика все в долгу.

Буду богат, буду рогат; кого захочу, того избоду.

Кто кого смога, тот того и в рога.

Кто кого сможет, тот того и гложет.

24. РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА НАРОДНЫХ МАСС

В те поры жди свободы, как сольют воды.

Ко дворцу шли просители, от дворца шли мстители.

Боже, царя возьми, он нам не нужен.

Хорош манифест: мертвым свобода, живых под арест.

---

[1] *Орать* — пахать, *орало* — общее название орудия для пахоты, иногда — соха (в отличие от плуга).

Витте, Трепов, Дурново хуже черта самого.
Фабрика-то Кунаева, а порядок на ней Дунаева[1].
Середка сыта, да концы бунтуют.
Столыпинские галстуки[2].
За правду матку ссылают на Камчатку.
Дальше солнца не сошлют, хуже человека не сделают.
Сошлют к Ермаку латы чистить.

25. РЕВОЛЮЦИЯ, СОВЕТСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ЗАЩИТА РОДИНЫ

От ленинской науки крепнут разум и руки.
Ленина завет на тысячу лет.
Кто не работает, тот не ест.
Кто не горит, тот коптит.
Не верил большевикам, поверил панским шомполам.
Бились с нами атаманы да паны — да потеряли штаны.
Велико дело начать: смелое начало — та же победа.
Не следи за гудком, а следи за станком.
Не будь тетерей, борись с потерей.
Тот колхоз богат, в котором лад.
На трактор надейся, а коня не бросай.
У хорошей артели все лошади в теле.
На печи заседать, трудодней не видать.
Хорош бригадир, хороша и бригада.
Не трактор пашет, а тракторист.
Наше дело правое.
Смело иди в бой, родина за тобой.
Былой славой боя не выиграешь.
У фашистов шинели не по русской метели.
За край свой насмерть стой.
Если по-русски скроен, и один в поле воин.
Остался заряд — не пяться назад.

---

[1] Е. Дунаев — руководитель забастовки в Иваново-Вознесенске (май-июль 1905 г.).
[2] О виселицах.

Жизнь отдавай, а тайны не выдавай.
Кто смерти не боится, того и пуля сторонится.
Врага бояться — в живых не остаться.
Кипит суп — котелок — друг, стук-бряк — котелок — враг.
Мозоль не пуля, а с ног валит.
Не та мина страшна, что воет, а та, что землю роет.
Видит Москву фашистское око, да зуб неймет.
Миус-река — в память на века.
За Волгою для нас нет земли.
На героя и слава бежит.
Кому «Катенька» споет, тот минуты не живет.
Умирать — так умирать по-гвардейски.
Лучше смерть в бою, чем позор в строю.
Лодырь в цеху, что трус в бою.
«Катюша» с Тагила — немцу могила.
Трактор в поле, что танк в бою.
Не только штык, но и колос врага колет.
Пришел Гитлер в гости, да растерял кости.

II

ЖИТЕЙСКО-БЫТОВОЙ ОПЫТ НАРОДА

1. МАТЬ И ДЕТИ

Всякой матери свое дитя мило.
Дитя не плачет, мать не разумеет.
Малы детушки — что часты звездочки: и светят и радуют в темную ноченьку.
Детки — радость, детки ж — и горе.
Какова матка, таковы и детки.
Детей наказывай стыдом, а не грозою и бичом.
Материнская молитва со дна моря вынимает.
Молода жена плачет до росы утренней, сестрица — до золота кольца, мать — до веку.

2. О ЛЮБВИ

Нет лучше игры, как в переглядушки.

Иссушила молодца чужая девичья краса.

Не спится, не лежится, все про милого грустится.

Насильно мил не будешь.

Не по хорошу мил, а по милу хорош.

Без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить.

Хоть в лесной избушке жить, да за любимым быть.

Для милого дружка и сережка из ушка.

3. ВЫБОР НЕВЕСТЫ И СВАТОВСТВО

Не бери приданое, бери милу девицу.

Суженую-ряженую конем не объедешь.

Кто на борзом коне жениться поскачет, тот скоро поплачет.

Не вздыхай тяжело, не отдадут далеко: хоть за лыску, да близко, хоть за курочку, да на свою улочку, хоть за воронку, да на свою сторонку, хоть за батожок, да на свой бережок.

На свашенькиных речах хоть садись да катись.

Сваха лукавая — змея семиглавая.

Люди хвастают — не перелезешь; сват сватает — на коне не перескочешь.

Ближняя — ворона, а дальняя — соколена.

Не жени сына на теще, не отдавай дочери за свекра.

Из посадских взять — много вина держать.

Из приказных взять — надо приказный порядок знать.

Церковного чину взять — кутейником станут звать.

Из дворянства взять — надо много убору держать.

Знатную взять — не сумеет к работе пристать.

Не купи у цыгана лошади, не женись на поповой дочери.

Фабричную взять — дома не собрать.

Богатую взять — станет попрекать.

Бесприданница — безответница.

Он богатый жених: рогатого скота — кошка да курица, оловянной посуды — крест да пуговица.

Дочушку отдать — ночушку не спать.

Покроют головушку — наложат заботушку.

Венец всему делу конец.

Выдана замуж — отрезанный ломоть.

4. ДОМ И СЕМЬЯ

Всякой дом на большую голову стоит.

Бабе — кросна, мужу — соха.

Руном с овцы одевались и отцы.

Семейный горшок всегда кипит.

Хозяйкою дом стоит.

От хозяина чтобы пахло ветром, от хозяйки — дымом.

Муж — дому строитель, нищете отгонитель.

Жена, что лебедь-птица, вывела детей вереницу.

Хорошее замужество — прянишна коврижка, а худое замужество — гробова покрышка.

Муж да жена — одна душа.

Любовь да совет, так и нуждочки нет.

На что и клад, когда у мужа с женой лад.

Муж не лапоть, с ноги не скинешь.

Жена не рукавица, с руки не сбросишь.

Жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь.

Хозяин в дому — что медведь в бору; хозяюшка в дому — что оладышек в меду.

Мужику не наносить и мешком, что баба натаскает горшком.

Муж возом не навезет, что жена рукавом растрясет.

Веретеном оденусь, сохой укроюсь.

Жена — кабальный батрак.

Замуж идет — песни поет, а вышла — слезы льет.

В девках сижено — горе мыкано, замуж выдано — вдвое прибыло.

Дважды жена мила бывает: как в избу введут да как вон понесут.

5. В ЧУЖОЙ СЕМЬЕ

Богородица-Покров, дай мне смирную свекровь.

Бойся тестя богатого, как черта рогатого.

Женины деньги петухом в горле запоют.

Был у тещи, да рад утекши.

Свекор — драчлив; свекровь — ворчлива; деверья — журливы, золовки — мутливы.

Свекор — гроза, а свекровь выест глаза.

У лихой свекрови и сзади глаза.

Чужая сторонка без ветра сушит, свекровь-матушка без петли мучит.

Свекровь снохе говорила: невестушка, полно молоть; отдохни — потолки.

6. СИРОТСКАЯ И ВДОВЬЯ ДОЛЯ

В сиротстве жить — слезы лить.

Зайцу да воробышу, а третьему — приемышу нет житья на свете хуже.

В лесу медведь, а в дому мачеха.

Мать высоко замахивается, да не больно бьет; мачеха низко замахивается да больно бьет.

Житье сиротам — что гороху на дороге: кто мимо идет, тот и урвет.

В девках — притворно, замужем — натужно, а во вдовьей чреде — что по горло в воде[1].

С мужем — нужа, без мужа — и того хуже; а вдовой да сиротой — хоть волком вой.

Вдовети — беды терпети.

Вдовьи сени не стоят.

Шей, вдова, широкие рукава, было бы во что класть небылые слова.

---

[1] *Притворно* — от *притворить, закрыть,* здесь — в смысле жить взаперти.

7. О ДАЛЬНЕМ И МНИМОМ РОДСТВЕ

Десятая вода на киселе.
Седьмой квас на гуще.
Нашему слесарю — двоюродный кузнец.
Ваша-то Катерина да нашей Орине — двоюродная Прасковья.
Это барской курицы племянник.
Родня: наши собаки из одного корыта лакали.
Только и родни, что лапти одни.

8. ЛЮДИ, ИХ ДУШЕВНЫЕ СВОЙСТВА, ВНЕШНИЙ ВИД И ПОВЕДЕНИЕ

Неделя середой крепка, а жизнь половиной.
В бедах человек умудряется.
И на доброго коня бывает спотычка.
Как в кремне огонь не виден, так в человеке душа.
Что в сердце варится, на лице не утаится.
Видна печаль по ясным очам, а кручина по белу лицу.
Ржа железо ест, а печаль сердце.
День меркнет ночью, а человек — печалью.
Печаль без радости, ни радости без печали не бывает.
Кто гнев свой одолевает, тот крепок бывает.
Гнев человеку сушит кости, крушит сердце.
Вспыльчивый нрав не бывает лукав.
У страха глаза велики.
Добро творить — себя веселить.
Злой человек, как уголь: если не жжет, то чернит.
Злоба, что лед: до тепла живет.
Совесть с молоточком: и постукивает и наслушивает.
Когда придет беда, не пойдет на ум и еда.
В друге стрела, что в пне, а в себе, что в сердце [1].
Авоська веревки вьет, небоська петли накидывает.

---

[1] *В друге* — в другом.

Говорили Афанасью: быть, де, ненастью; знай, поскакал да колеса растерял.

Кувшин пополам — ни людям, ни нам.

Не наше дело горшки лепить, а наше дело горшки колотить.

Не все коту масленица, будет и великий пост.

Всяк кулик свое болото хвалит.

Овсяная каша хвалилась, будто с коровьим маслом родилась.

Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить.

Невесел калика, что сума не полна [1].

Чего в другом не любишь, того и сам не делай.

Береги одежду снова, а здоровье и честь — смолоду.

Сам кашу заварил, сам ее и расхлебывай.

Свои собаки дерутся, чужая не приставай.

Лихи зарецкие собаки, а наша одна от семерых отъелась.

В согласном стаде волк не страшен.

Худая трава из поля вон.

Кошка скребет себе на хребет.

По Сеньке и шапка, по горшку и крышка.

У Сидора обычай, у Карпа свой.

Род в род идет.

Ребенку дорог пряник, а старцу покой.

Колыбелька — младенцу, а костыль — старику

Молодой — игрушки, а старой — подушки.

Молодость пташкой, а старость черепашкой.

Молодой на битву, а старый на думу.

Каков в колыбельку, таков и в могилку.

В добром житье сами кудри вьются, в худом — секутся.

Не время волос белит, а кручина.

Девичья краса до возрасту, а молодичья — до веку.

Такая красава, что в окно глянет — конь прянет; на двор выйдет — три дня собаки лают.

---

[1] *Калика* — нищенствующий.

На зеркало нечего пенять, коли рожа крива.
Тощ, как хвощ.
Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше.
Сокол на одном месте не сидит, а где увидит птицу, туда и летит.

9. ОБ УМЕНИИ И ТРУДОЛЮБИИ, ЛЕНИ И НЕРАДИВОСТИ

Деревья смотри в плодах, а людей смотри в делах.
Работа да руки — надежные в людях поруки.
Терпенье и труд все перетрут.
Лес сечь — не жалеть плеч.
Под лежачий камень и вода не течет.
От скуки бери дело в руки.
Маленькое дело лучше большого безделья.
Без охоты не споро у работы.
Встань мужа кормит, а лень портит.
На ловца и зверь бежит.
С топором весь свет пройдешь.
Клин мастеру опора.
Дерево скоро садят, да не скоро с него плод едят.
За один раз дерева не срубишь.
Не везде — сила, где — уменье, а где — и терпенье.
Тяжело понесешь, домой не донесешь.
Бери всегда ношу по себе, чтобы не кряхтеть на ходьбе.
За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.
Одна пчелка немного меду натаскает.
Не умеешь шить золотом, так бей молотом.
Не за свое дело не берись, за своим делом не ленись.
Горька работа, да сладок хлеб.
Ясли за конем не ходят.
На палатях лежать, так и ломтя хлеба не видать.
Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть.
Грибов ищут — по лесу рыщут.
На чужом хребте легко работать.
Ты что делаешь? Ничего. А ты что? Да я ему помощник.

Собака собаку в гости звала: «Нет, нельзя, недосуг». — «А что?» — «Да завтра хозяин за сеном едет, так надо вперед забегать да лаять».

Синица за море летала и море зажигать хотела, синица много нашумела, да не было из шума дела.

Пошла по масло, а в печи погасло.

Стирала — не устала, выстирала — не узнала.

Какова Устинья, такова у нее и ботвинья.

На печи по дрова поехал.

Делано наспех и сделано насмех.

В лес идут, а на троих один топор берут.

Люди жать, а мы на солнышке лежать.

Двое пашут, а семеро руками машут.

Застала зима сватью в летнем платье.

И готово, да бестолково.

10. УМ И ГЛУПОСТЬ

Око видит далеко, а мысль еще дальше.

Осла знать по ушам, медведя — по когтям, а дурака — по речам.

На вожжах и лошадь умна.

Коня положили, да зайца уходили.

Глупый ищет большого места, а умного и в углу знать.

Умного пошли — одно слово скажи; дурака пошли — три скажи, да и сам за ним поди.

Где умному горе, там дураку веселье.

Голова с печное чело, а мозгу совсем ничего.

Не спрашивай у старого, спрашивай у бывалого.

11. О ДОБРОМ И ХУДОМ СЛОВЕ

Слово не стрела, а хуже стрелы.

Не ножа бойся, а языка.

До слова крепись, а давши слово, держись.

Написано пером, не вырубишь топором.

Язык коснеет, а перо не робеет.

От слова до дела целая верста.
Кто словом скор, тот в делах редко спор.
Хвастать — не косить, спина не заболит.
На языке — мед, а на сердце — лед.
Льстец под словами — змей под цветами.
На льстивы речи не мечись, на грубу правду не сердись.
У насмешливого зубы белы.
Брань на вороту не виснет.
Браниться — бранись, а на мир слово береги.
Заочную брань ветер носит.
Брань не смола, а сажа сродни: не льнет, так марает.
На крепкий сук точи топор, на брань умей давать отпор.
Сорока скажет вороне, ворона — борову, а боров — всему городу.
На чужой роток не накинешь платок.
Сухую грязь к стене не прилепишь.
Придорожная пыль неба не коптит [1].
Ворожба — не молотьба.
Твоими б устами да мед пить.

12. О ДРУЖБЕ

У дружных соседей и сохи свились вместе.
Конь познается при горé, а друг при беде.
Старый друг лучше новых двух.
Вешний лед обманчив, а новый друг ненадежен.
Друг познается при рати да при беде.
Дружба — дружбой, а служба — службой.
С кем хлеб-соль водишь, на того и походишь.
С подружьем и горе пополам разгорюешь.

13. О СЧАСТЬЕ

Счастье — вольная пташка: где захотела, там и села.
Не родись хорош, пригож, родись счастлив.
Счастье — вешнее вёдро [2].

[1] Эта пословица и предыдущая — о клевете.
[2] То есть ненадежно.

У кого счастье поведется, у того и петух несется.

Счастье лучше богатства.

Счастье без ума — дырявая сума; где найдешь, там и сгубишь.

Счастье придет — и на печи найдет.

Счастье не лошадь: его не запряжешь.

14. ВИНО, ПЬЯНСТВО И ГУЛЬБА

Не винно вино, виновато пьянство.

Выпьем по всей, чтоб повеселей.

Первая рюмка — колом, другая — соколом, а третья — мелкой пташечкой.

Чару пить — здраву быть; другую пити — ум обвеселити; утроити — ум устроити; учетверити — ум погубити; много пити — без ума быти.

Святые угодники на пьяниц угодливы: что ни день, то праздник.

На радостях запьешь, с горем об руку пойдешь.

Сегодня до дна, завтра — до дна, осталась коровушка одна.

Хмель-хмелек сведет и богатый домок в один уголок.

Хмель-щеголек поводит без сапог.

Ныне гуляшки и завтра гуляшки — находишься без рубашки.

Гули да гули, да и в лапти обули.

Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Хмель шумит, ум молчит.

По гостям, коли любо, гуляй, да и сам ворота отворяй.

Горевал, когда брагу сливал, а слил, так всем стал мил; а как выпили, то и хозяина вон выбили.

Винушко. — Ась, мое милушко? —Лейся мне в горлышко! — Изволь, красно солнышко.

Наш Фома пьет до дна: выпьет, поворотит и в донышко поколотит.

Первое — что я вина в рот не беру; второе — что сегодня

и день не такой; а третье — что я уже две рюмочки выпил.

Горе, горе, где живешь? — В кабаке за бочкой. — Горе, горе, что жуешь? — Сухари с примочкой.

Послушай дело, Кузя! А Кузя пьян, как зюзя.

При пире, при бражке — все дружки; при горе-кручине все ушли.

Не хвали пиво разливши, а хвали распивши.

Последнюю юбочку заложить, а маслену проводить.

В лесу птицы, в тереме девицы, а у браги старые бабы.

15. ЕДА И ПИТЬЕ

Хлеб в человеке воин.

Хлеб да вода — то наша мужицкая еда.

На одно солнце глядим, да не одно едим.

Худ обед, когда хлеба нет.

Хлебушка — калачу дедушка.

Что изба, что стряпня.

Недосол — на столе, а пересол — на спине.

Скорый едок — спорый работник.

Заяц скор, да есть не спор.

Когда ем, тогда глух и нем.

Губа не дура, язык не лопатка: знает, что горько, что сладко.

Лук добро и в бою и во щах.

Рыба мелка, да уха сладка.

Много ерша и на деньгу, до столько не съешь, сколько расплюешь.

Хороша курочка перьями, а мясом еще лучше.

Ельник, березник — чем не дрова; хрен да капуста — чем не еда?

Не красна изба углами, красна пирогами.

Блин не клин, брюха не расколет.

Житье блинам на поминках.

Нынче толокно, завтра толокно, да как на всякий день одно, так прискучит оно.

С медом и долото проглотишь.

Орехи — девичьи потехи.

Где кисель, тут и сел; где оладьи, тут и ладно; где пирог с крупой, тут и мы с рукой.

Семь перемен, а все редька: редька триха, редька ломтиха, редька с квасом, редька с маслом, редька в кусочках, редька в брусочках да редька целиком.

16. ЗДОРОВЬЕ, БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ

Здоровье всего дороже.

Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле.

Здоровье выходит пудами, а входит золотниками.

Здорову врач не надобен.

Болезнь человека не красит.

Застарелую болезнь трудно лечить.

Кто не боится холеры, того она боится.

Ретив веку не доживает.

С дерева убился бортник, утонул рыбак, а убит солдат.

Старость не радость, не красны дни.

Еле-еле душа в теле.

Уходили бурку крутые горки.

Олень быстр бывает, а от смерти не утекает.

Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Дума за горами, а смерть за плечами.

Красны похороны слезами, а свадьба песнями.

III

НАРОДНАЯ ПРАКТИЧЕСКАЯ «ФИЛОСОФИЯ»

1. ОСОБЕННОСТИ ЯВЛЕНИЙ И НЕОТЪЕМЛЕМОСТЬ ИХ СУЩНОСТИ

На кукушкиных яйцах цыплят не выведешь.

От овцы волк не родится.

Не бывать калине малиною.

Вороне соколом не быть.

Сколько воды ни пить, а пьяну с нее не бывать.

Сколько с быком не биться, а молока от него не добиться.

Черного кобеля не отмоешь до бела.

Родимое пятно и в бане не отмоешь.

От козла ни шерсти, ни молока.

Сколько волка не корми, а он все к лесу глядит.

Степного коня на конюшне не удержишь.

Волк и всякий год линяет, а нрав не переменяет.

Сова хоть бы под небеса летала, а все соколом не будет.

2. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ В КАЖДОМ ЯВЛЕНИИ

Нет худа без добра.

Жгуча крапива родится, да в щах пригодится.

Палка о двух концах.

3. ОБ УЧЕТЕ КОНКРЕТНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ МЕСТА И ВРЕМЕНИ

Одна головня и в печи не гаснет, а две и в поле курятся.

Всякий кулик на своем месте велик.

Дорогá ложка за обедом.

Дорого при пожаре ведро воды, а при скудости — подаяние.

Дорого яичко к Светлому дню[1].

Временем — гнать, а другим — бежать.

Веник в мыльне — всем господин[2].

На безрыбье и рак рыба.

4. О ВЗАИМНОЙ ЗАВИСИМОСТИ И ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ЯВЛЕНИЙ

Каков сад, таковы и яблоки.

От худой курицы худые яйца.

Не было бы снегу, не было бы и следу.

---

[1] К пасхе.

[2] *В мыльне* — в бане.

Как аукнется, так и откликнется.
Не винен гвоздь, что лезет в стену: обухом колотят.
Без поджоги и дрова не горят.
Посеянное — взойдет.
Что посеешь, то пожнешь.
От одного порченого яблока целый воз загнивает.
Который палец не укуси, все больно.
Лес рубят — щепки летят.

5. *ОБЪЕКТИВНАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЯВЛЕНИЙ*

Всякому овощу свое время.
Все идет своим чередом.
Через сноп не молотят.
Не вдруг Москва строилась.

6. *РАЗВИТИЕ И ИЗМЕНЕНИЕ*

Время переходчиво.
Сенька городит, мостит и хоромит, а время и Сенькины сени подломит.
Всему бывает перемена.
Все перемелется, мука будет.

7. *ОБ УЧЕТЕ РЕАЛЬНОСТИ*

Не сади дерева корнем кверху.
Море песком не засыплешь.
Острым топором камня не перерубишь, лишь топор иступишь.
В камень стрелять, только стрелы терять.
В воде рыбы много, всей не выловишь.
Не погнетши пчел, меду не едать.
Не узнавши броду, не суйся в воду.
Не продавай шкуры, не убив медведя.
Цыплят по осени считают.

8. ДРУГИЕ ОБЩИЕ СУЖДЕНИЯ

Мельница не по ветру, а против ветра мелет.

Мала искра города пожигает, а сама прежде всех погибает.

Умерла щука, да зубы остались.

Незнаемая прямизна наводит на кривизну.

У кольца нет конца.

Козы сыты и капуста цела.

Велик осел, да воду возят, мал сокол да на руках носят.

Не все то золото, что блестит.

Была бы свинка, будет и щетинка.

Иглою шьют, чашею пьют, а плетью бьют.

Пятое колесо в телеге.

Воды из моря синица немного упьет.

У зимы с летом ладу нету.

1. ЧЕЛОВЕК

1. За стеной
Костяной
Соловейко спой! [1]
(Язык.)

2. Маленький, кругленький,
А до неба докинешь.
(Глаз.)

3. Два братца
Через дорожку живут,
Друг дружку не видят.
(Глаза.)

---

[1] Загадки выбраны из сборника Д. Садовникова, Загадки русского народа (Спб, 1876), и из сборника М. Рыбниковой, Загадки («Academia», М.—Л., 1932). При отборе учитывались художественные достоинства текста, полнота варианта и чистота языка. Во всех тех случаях, когда устаревшие слова могли бы затруднить понимание смысла, в примечаниях дано разъяснение. Тематические отделы, представленные здесь в избранных текстах, в основном соответствуют отделам сборника Д. Садовникова с той разницей, что изменен порядок расположения отделов. Последовательность тематических отделов воспроизводит порядок загадывания загадок постепенно расширяющимися концентрическими кругами: сначала — о человеке и функциях его тела, одежде, затем — об избе и всем, что находится в доме, потом — о том, что на дворе, в огороде, в саду, на пасеке, в полях и т. д. Завершается этот порядок загадками о природе. Загадки о книге, письме, затейливые вопросы и головоломки возникли позднее, чем другие загадки. Они отнесены в конец.

4. Между двух светил
Я в середине один.
(Нос.)

5. Под мостом мостищем,
Под соболем соболищем
Два соболька разыгрались.
(Брови и глаза.)

6. Полон хлевец
Белых овец.
(Зубы.)

7. Плосконька досочка,
По краям — обшивочка,
А в середке — дырочка.
(Ухо.)

8. Тонок,
Долог,
В траве не видать.
(Волос.)

9. Идут четыре брата
Навстречу старшему.
— Здравствуй, большак! — говорят.
— Здорово, Васька-указка,
Мишка-середка,
Гришка-сиротка,
Да крошка Тимошка.
(Пальцы руки.)

10. У двух матерей
По пяти сыновей,
Одно имя всем.
(Пальцы.)

11. Стоят два кола,
На кольях бочка,
На бочке кочка,
А на кочке дремучий лес.
(Человек.)

12. Сижу верхом,
Не знаю на ком,
Знакомца встречу,
Соскочу — привечу.
(Шапка.)

13. Пять чуланов,
Одна дверь.
(Перчатка.)

14. У бедного толсто,
У богатого тонко,
Всегда при себе.
(Рубашка.)

15. Маленький Данилка
В петелке удавился.
(Пуговка.)

16. Полон шестик
Воробышков.
(Кайма и пуговицы.)

17. По дороге я шел,
Две дороги нашел,
По обеим пошел.
(Штаны.)

18. Днем обручем,
Ночью змеей.
(Пояс.)

19. Летели две сороки;
У них четыре хвоста.
(Лапти.)

20. Овца в корове.
(Чулок в ботинке.)

21. Под лесом, лесом
Пестрые колеса висят,

Девок красят,
Молодцов дразнят.
(Серьги.)

3. ИЗБА

22. Стоит терем,
В тереме ящик,
В ящике мучка,
В мучке жучка.
(Изба, печь, зола, жар.)

23. Основа
Соснова,
Уток [1] соломенный.
(Крыша.)

24. Стоит Арина
Рот разиня.
(Труба на крыше.)

25. Два братца
Глядятся,
А вместе не сойдутся.
(Пол и потолок.)

26. Марья-царевна
Сама в избе,
Рукава на дворе.
(Матица [2])

27. Зяб, перезяб
В тонких березях.
(Оконное стекло.)

28. И зиму и летом
На одном полозу ездит.
(Волоковое окно.)

---

[1] *Уток* — нитка, которую ткут; вставлена в челнок, идет поперек *основы* и перебором образует ткань.

[2] *Матица* — балка, брус поперек всей избы, на нее настлан накат, потолок.

29. В лавке пятак,
Не вынешь никак.
(Сучок.)

30. Два подьячих
Водят Марью вертячу.
(Петли и дверь.)

31. По сеням ходит,
А в избу нейдет.
(Дверь.)

32. Черненька собачка
Свернувшись лежит;
Не лает,
Не кусает,
А в дом не пускает.
(Замок.)

33. Двое сойдутся,
Приобоймутся.
(Ворота с запором.)

4. ОСВЕЩЕНИЕ, ОГОНЬ И ТЕПЛО

34. Мать толста,
Дочь красна,
Сын-сокол
Под небеса ушел.
(Печь, огонь, дым.)

35. У нас в печурочке
Золотые чурочки.
(Дрова в печи.)

36. Белое ест,
Черное роняет.
(Лучина горит.)

37. Сама нагая,
А рубашка в запазухе.
(Свеча.)

38. Закопай — не гниет,
Кинь в воду — поплывет.
(Уголь.)

39. Ударю булатом
По белым каменным палатам,
Выйдет княгиня
И сядет на пуховую перину.
(Огниво, кремень, искра и трут.)

40. Пришел вор
Во двор,
Хозяина в окно унес.
(Ветер и дым.)

41. Красненький петушок
По улице бежит.
(Пожар.)

42. В маленьком амбаре
Держат сто пожаров.
(Спички.)

5. ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО

43. Четыре братца
Под одним шатром стоят.
(Стол.)

44. Четыре ноги,
Да не зверь;
Есть перья,
Да не птица.
(Постель.)

45. Без рук,
Без ног,
Во все стороны клонится.
(Зыбка.)

46. Два брюшка,
Четыре ушка.
(Подушка.)

47. Светленько,
Чистенько,
Посмотреть любенько.
(Зеркало.)

48. Годится молиться,
Годится горшки покрывать.
(Икона.)

49. Мах, мах!
Под порог ляг!
(Голик.)

6. ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ И ПОСУДА

50. Черный конь
Скачет в огонь.
(Кочерга.)

51. Не бык, а бодает,
Не ест, а еду хватает.
Что схватит, отдает,
Сам в угол идет.
(Ухват.)

52. Зашел медведь в избу,
Лапу оставил,
А сам убежал.
(Помело.)

53. Через сине море —
Журавлино горло.
(Дужка у котла.)

54. — Черныш-загарыш!
Куда поехал?
— Молчи, кручено-верчено,
Там же будешь.
(Чугун и горшок.)

55. Был я на копанце.
Был я на хлопанце,
Был на пожаре,

Был на базаре;
Молод был —
Людей кормил,
Стар стал —
Пеленаться стал,
Умер — мои кости негодящие
Бросили в ямку,
И собаки не гложут.

(Горшок.)

56. Ни свет ни заря
Пошел, согнувшись, со двора.

(Коромысло.)

57. Два братца
Пошли в воду купаться.

(Ведра.)

58. Три братца
Пошли купаться;
Два купаются,
Третий на берегу валяется.
Искупались, вышли,
На третьем повисли.

(Ведра, коромысло.)

59. Рыба в море,
Хвост на заборе.

(Ковшик.)

60. Стоит попадья,
Тремя поясами подпоясана.

(Кадка.)

61. С ушами, да не слышит.

(Ушат.)

62. В брюхе — баня,
В носу — решето,
На голове — пупок,
Всего одна рука,
И та — на спине.

(Чайник.)

63. Кто при царе в шапке сидит?

(Самовар.)

64. Все голубки
Вкруг одной пролубки[1].

(Чашки и ложки.)

65. Чудо чудом
Сошлось кругом:
Дыр много,
А выскочить некуда.

(Решето.)

66. Сивая кобыла
По миру ходила;
К нам пришла —
По рукам пошла.

(Сито.)

67. Поевши, конь
В ясли пал.

(Нож.)

68. Сам худ,
Голова с пуд.

(Безмен.)

69. Железна душа
Не берет барыша.

(Безмен.)

70. Узловат Кузьма,
Развязать нельзя.

(Цепь.)

7. *ПИЩА И ПИТЬЕ*

71. Сидит барыня в ложке,
Свесив ножки.

(Лапша.)

[1] *Пролубка* — прорубь.

72. Чисто, да не вода;
Клейко, да не смола;
Бело, да не снег;
Сладко, да не мед;
От рогатого берут
И живулькам дают.
(Молоко.)

73. В печь несут —
Жидко, горячо;
Из печи несут —
Густо, холодно.
(Кисель.)

74. Бел, как снег,
В чести у всех.
В рот попал —
Там и пропал.
(Сахар.)

75. Синий мундир,
Бела подкладка,
В середине сладко.
(Сахарная голова.)

76. Одну меня не едят,
А без меня мало едят.
(Соль.)

77. Идет в баню черен,
Выходит красен.
(Рак.)

78. Крепь-город
Да Бел-город,
А в Беле-городе
Воску брат.
(Яйцо.)

79. И комковато,
И ноздревато,
И мягко, и ломко,
А всех милей.
(Хлеб.)

80. Не пахарь, не столяр,
Не кузнец, не плотник,
А первый на селе работник.
(Лошадь.)

81. Два-ста ухаста,
Два-ста рогаста,
Четыре-ста ходаста,
Один пыхтун,
Один вертун.
(Корова.)

82. Четыре сестрицы
В одну лунку цедят.
(Доят корову.)

83. По горам, по долам
Ходит шуба да кафтан.
(Овца.)

84. По земле ходит,
Неба не видит,
Ничего не болит,
А все стонет.
(Свинья.)

85. Сер, да не волк,
Длинноух, да не заяц,
С копытами, да не лошадь.
(Осел.)

86. На сене лежит,
Сама не ест
И другим не дает.
(Собака.)

87. Вся мохнатенька,
Четыре лапки,
Сама усатенька.
(Кошка.)

88. Кто родится с усами?
(Котенок.)

89. Тур-потутур
Потутурившись сидит,
Ждет гостей из Нова-города.
(Мыши и кот.)

90. Вышел Понур
Из-под Тура-града,
Спрашивает у царя Кологрея:
— Ты, царь Кологрей,
Не видал ли ты царя Кащея?
— Был он в Греме-граде,
Ушел на Пещоры.
(Мышь из подполья спрашивает у петуха, не видал ли он кота. Был, говорит, на жерновах, ушел под печку.)

91. Бел, как снег,
Надут, как мех,
На лопатах ходит.
(Гусь.)

92. Пришли немцы [1]
Под наши сенцы,
Кожу полощут.
(Утки в луже.)

93. Харитонова жена
Под тыном шла,
Семьсот рубах нашла.
Ветер подул,
Все рубахи раздул
(Курица.)

94. Не ездок, а со шпорами,
Не сторож, а всех будит.
(Петух.)

---

[1] *Немцы* — немые, неговорящие.

95. Ходит царь круг города.
Носит честь на голове.
(Петух.)

96. В водице родился —
Ни разу не крестился.
(Цыпленок.)

9. ВРЕДИТЕЛИ В ДОМЕ И НА ОГОРОДЕ

97. Над нами —
Вверх ногами,
Ходят — не страшатся,
Никого не боятся.
(Мухи.)

98. Жеребец гнед,
На нем шерсти нет.
(Таракан.)

99. Черненька,
Маленька
В платье вскочила,
Царя разбудила.
(Блоха.)

100. Мала, а проворна:
Где бывает —
Там повелевает;
В шатер взойдет —
Богатыря перевернет.
(Блоха.)

101. Не по рыбам,
А сети расставляет.
(Паук.)

102. Висит сито, не руками свито.
(Паутина.)

103. Сивую буренушку
И дома не любят,
И на базаре не купят.
(Мышь.)

104. Маленький мальчишка
В сером армячишке
По дворам шныряет, —
Крохи собирает,
В полях ночует —
Коноплю ворует.
(Воробей.)

10. ОГОРОД И САД

105. Сто один брат,
Все в один ряд,
Одним кушаком подпоясаны.
(Изгородь.)

106. Алый сапог
В земле горит.
(Свекла.)

107. Красна девица
Сидит в темнице,
А коса наружу.
(Морковь.)

108. Ни шит, ни кроен,
А весь в рубцах;
Без счету одежек,
И все без застежек.
(Кочан капусты.)

109. Ни окон, ни дверей —
Полна горница людей.
(Огурец.)

110. Кругла, а не месяц,
Желта, а не масло,
С хвостиком, а не мышь.
(Репа.)

111. Желтая курица
Под тыном дуется.
(Тыква.)

112. Кину с порошок,
Вырастет с подожок,
На подожке-то городок,
В городке-то шумок.
(Маковка.)

113. Не огонь,
А жжется.
(Крапива.)

114. Однолетняя трава
Выше двора.
(Хмель.)

115. Тряхнется,
Давнется,
Кровью обольется.
(Вишня.)

11. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ РАБОТЫ

116. Бабушка Андреевна,
Сгорбившись стоит,
Ноженьки в землюшку,
Рученьки расширила,
Все хочет схватить.
(Соха.)

117. Железный нос
В землю врос;
Роет, копает,
Землю разрыхляет.
(Плуг.)

118. Все поле в шнурках.
(Вспаханная полоса.)

119. В поле едет на спине,
А по полю — на ногах.
(Борона.)

120. Один льет,
Другой пьет,
Третий зеленеет да растет.
(Дождь, земля, хлеб.)

121. Криво-лукаво
К лесу бежало;
Зелено-кудряво
Спрашивало:
«Криво-лукаво!
Куда побежало?»
— «Зелено-кудряво,
Тебя стеречи».
(Изгородь в поле.)

122. Не море, а волнуется.
(Нива.)

123. Что две недели зеленится,
Две недели колосится,
Две недели отцветает,
Две недели наливает,
Две недели подсыхает.
(Рожь.)

124. Сто братьев в одну избушку
Соткнулись ночевать.
(Зерна в колосе.)

125. Месяц
Новец
Днем на поле блестел,
К ночи на небо слетел.
(Серп.)

126. Лежит мужичок в золотом кафтане,
Подпоясан, а не поясом;
Не поднимешь, так не встанет.
(Сноп.)

127. Девять братьев под одной шапкой.
(Бабка снопов.)

128. Летят гуськи,
Дубовые носки,
Летят и говорят:
«То-то мы, то-то мы».

(Цепами молотят.)

129. Стучит,
Бренчит,
Сто коней бежит;
Что есть в околодке
Весь хлеб поест.

(Мельница.)

130. Трах-трах,
Стоит дом на горах,
Вода бежит,
Весь дом дрожит.

(Мельница.)

131. Птица
Юрица
На ветер глядит,
Крыльями машет,
Сама ни с места.

(Ветряная мельница.)

132. Режут меня,
Вяжут меня,
Бьют нещадно,
Колесуют меня;
Пройду огонь и воду,
И конец мой —
Нож и зубы.

(Хлеб.)

133. Все поле в сережках.

(Овес.)

134. Матушкой-весной
В платьице цветном,
Матушкой-зимой
В саване одном.

(Поле.)

135. Щука-вертуха
Хвостом вернула:
Все леса пали,
Горами стали.
(Косят.)

136. Согнута в дугу,
Летом на лугу,
Зимой на лягу [1].
(Коса.)

137. Зубасты, а не кусаются.
(Грабли.)

12. ПРЯЖА, ТКАНЬЕ, ШИТЬЕ

138. Били меня, били,
Колотили, колотили,
Клочьями рвали,
По полю валяли,
Под ключ запирали,
На стол сажали.
(Лен — пряжа, холст, скатерть.)

139. Бежит свинка,
Вырезана спинка.
(Челнок.)

140. Конь стальной,
Хвост льняной.
(Игла с ниткой.)

141. Весь мир одевает,
Сама нагишом.
(Игла.)

142. Маленька боярыня
Весь мир покручивает [2].
(Игла.)

---

[1] *На лягу* — то есть на отдыхе, на покое.
[2] *Покручивает* — от *покрут* — одежда, платье, наряд.

13. НА ПАСЕКЕ

143. В темной темнице
Красны девицы
Без нитки, без спицы
Вяжут вязеницы [1].

(Улей, соты, пчелы.)

144. Ества липка,
Посуда — не крепка;
Посуда — в церковь,
Ества — в мир.

(Соты в улье.)

145. Пришел в городок
Разбойник с ножом, с огнем;
Жильцов не режет,
Избы не жжет,
А добро берет.

(Подрезка меда.)

146. В потемках родится,
С огнем помирает.

(Воск.)

14. ПЕРЕДВИЖЕНИЕ, УПРЯЖЬ И ДОРОГА

147. Два брата меньших
Бегут впереди,
А два старших —позади,
А догнать никак не могут.

(Колеса в телеге.)

148. И стучиха,
И бренчиха,
И четыре шумитихи,
И хохол,
И махор,
И змея с хохлом.

(Телега, колеса, лошадь, кнут)

---

[1] *Вязеницы* — вязаная шерстяная рукавица.

149. Встанет — выше лошади,
Ляжет — ниже курицы.
(Дуга.)

150. Купи, денег не жалей,
Со мной ехать веселей.
(Звонок.)

151. Два кума Аввакума,
Две кумы Авдотьи,
Пять Фалалеев,
Десять Андреев.
(Сани.)

152. Бегут плоски,
Загня носки.
(Лыжи.)

153. Шесть ног,
Две головы,
Один хвост.
(Верховой.)

154. Ася[1]
Разлеглася;
Кабы встала —
Небо достала;
Кабы руки — вора связала,
Кабы ноги — коня догнала;
Кабы глаза — увидала.
Кабы язык — рассказала.
(Дорога.)

155. Сам не видит,
А другим указывает.
(Верстовой столб.)

156. Бежит конь вороной,
Много тащит за собой
(Паровоз.)

---

[1] Непонятное слово *Ася* вставлено для рифмы (в других вариантах этой загадки *Гася, Рася* и пр.). Вероятно, это искаженное *А се!* Отгадывающему предлагают новую загадку, спрашивая: *«А это?» (А се?)*

157. Еду-еду —
Следу нету,
Режу-режу —
Крови нету.
(Лодка.)

15. РЕКА И РЫБОЛОВСТВО

158. Течет, течет —
Не вытечет,
Бежит, бежит —
Не выбежит.
(Река.)

159. Два братца
В воду глядятся,
Век не сойдутся.
(Берега.)

160. Между гор,
Между дол
Бежит белый конь.
(Ручей.)

161. День и ночь кричит,
А голос не устанет.
(Водопад.)

162. Ни в огне не горит,
Ни в воде не тонет.
(Лед.)

163. В новой стене,
В круглом окне
Днем стекло разбито,
За ночь вставлено.
(Прорубь.)

164. Дом шумит,
Хозяева молчат;
Пришли люди,

Хозяев забрали;
Дом в окошки ушел.
(Вода, рыба, рыбаки, невод.)

165. Драчун и забияка,
Живет в воде,
Кости на спине —
И щука не проглотит.
(Ерш.)

16. В ЛЕСУ И ПОЛЕ: ЖИВОТНЫЕ, РАСТЕНИЯ, НАСЕКОМЫЕ; ОХОТА И РУБКА

166. Зимой и летом
Одним цветом.
(Ель и сосна.)

167. Красненько, кругленько,
Красненько, кругленько,
Листочки продолговатеньки
(Рябина.)

168. Шел я лесом,
Нашел я древо;
Из этого древа
Выходят четыре дела:
Перво дело — слепому посвечение;
Второ дело — нагому потешение;
Третье дело — скрипячему поможение;
Четверто дело — хворому полегчение.
*(Береза: лучина, веник,
береста, сок.)*

169. Одно проклятое дерево без ветра шумит[1].
(Осина.)

170. Летит тень
На Петров день,
Сел тень на пень,

[1] По библейскому преданию, на осине повесился Иуда.

Стал тень плакать:
«Где моя дубровушка,
Где моя головушка,
Где мое веселое времечко!»

(Лист.)

171. Летом — девица,
Зимой — молодица.

(Пень в снегу.)

172. Бел балахон,
А шапка красная.

(Подосиновик.)

173. На бору, на яру
Стоит мужичок
Красный колпачок.

(Мухомор.)

174. Стоит Егорка
В красной ермолке;
Кто ни пройдет,
Всяк поклон отдает.

(Земляника.)

175. В лесу выросла,
Из лесу вынесли,
Ножом порезали;
В руках плачет,
А кто слушает — скачет.

(Дудка.)

176. За горами,
За лесами
Жеребята ржут,
Домой не бегут.

(Волки.)

177. Страх тепло волочет.

(Волк и овца.)

178. Пришла из лесу птичница
В рыжей шубке
Кур подсчитать.

(Лиса.)

179. Маленький, беленький
По лесочку прыг-прыг,
По снежочку тык-тык.
(Заяц.)

180. Не портной,
А всю жизнь с иголками ходит.
(Еж.)

181. Летом за пахарем ходит,
А под зиму с криком уходит.
(Грач.)

182. В болоте плачет,
А из болота нейдет.
(Кулик.)

183. Молод конь за морем бывал,
Спереди шильце,
Сзади вильце,
На груди белое полотенце.
(Ласточка.)

184. Бела, как снег,
Черна, как жук,
Зелена, как лук,
Вертится, как бес,
Иповертка в лес.
(Сорока.)

185. Днем спит,
Ночью летает
И прохожих пугает.
(Сова.)

186. Живет в лесу,
Ухает, как разбойник;
Люди его боятся,
А он людей боится.
(Филин.)

187. Без рук, без топоренка
Построена избенка.
(Гнездо.)

188. Выпуча глаза сидит,
По-французски говорит,
По-блошьи прыгает,
По-человечьи плавает.
(Лягушка.)

189. Под кустом, под ярусом
Лежит пояс гарусный.
(Змея.)

190. Кто на себе дом возит?
(Улитка.)

191. Летел,
Гудел
Дюк.
(Жук.)

192. Черен, да не ворон,
Рогат, да не бык,
Шесть ног без копыт:
Летит — воет,
Падет — землю роет.
(Жук.)

193. Летит птица:
Нос долог,
Голос звонок,
И кричит: «Была я, была
У царя в Москве,
У короля в Литве;
Цари меня боялись,
В палаты запирались...
Только я не ела рыбы в море,
Птицы на большой воле!»
Кто эту птицу убьет,
Тот свою кровь прольет.
(Комар.)

194. Птичка
Невеличка
По полю катится,
Никого не боится.
(Пуля.)

195. Летит птица крылата,
Без глаз, без крыл,
Сама свистит,
Сама бьет.

(Стрела.)

196. Шла «шалда-балда»,
Ее поймали «чики-брики»,
Увидали «мякинники»,
Сказали «хлебакам»:
«Хлебаки, хлебаки,
Садитесь на «овсянников»,
Берите «шалдаки»,
Догоняйте «шалду-балду»,
Бейте «чики-брики».

*(Овцы, волки, собаки,
мужики, лошади, ружья.)*

197. В лес идет, —
Домой глядит;
Домой идет, —
В лес глядит.

(Топор за поясом.)

198. Едет, едет взад-вперед,
В зубы возьмет,
На две части разоймет.

(Пила.)

17. ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ (ПОГОДА)

199. Тур ходит по горам,
Турица-то по долам;
Тур свистнет,
Турица-то мигнет.

(Гроза: гром и молния.)

200. Тур(с)ки поскоки,
Оленьи поглядки,
Шерсть черна соболя,
Очи ясна сокола.

(Туча, гром и молния.)

201. Ревнул вол
За сто сел,
За сто речек.
(Гром.)

202. Рассыпался горох
На семьдесят семь дорог;
Никто его не подберет:
Ни царь, ни царица
Ни красная девица.
(Град.)

203. Шел долговяз,
В землю увяз.
(Дождь.)

204. На дворе горой,
А в избе водой.
(Снег.)

205. Лежал, лежал,
Да и в речку побежал.
(Снег.)

206. Летит — молчит,
Лежит — молчит,
Когда умрет,
Тогда заревет.
(Снег.)

207. Заря-зарница,
Красная девица.
По миру (по свету) ходила,
Слёзы (ключи) обронила;
Месяц видел,
Солнце скрало.
(Роса.)

208. Без рук, без ног
Под окном стучится,
В избу просится.
(Ветер)

209. Бежал по одной улице,
На другую перешел,
И по третьей полетел.
(Ветер.)

210. Щука хвостом махнула,
Лес погнула.
(Вихрь.)

211. Старый дед,
Ему сто лет,
Мост намостил
Во всю реку,
А пришла молода,
Весь мост размела.
(Мороз и весна.)

18. НЕБО И ЗЕМЛЯ

212. Синенька шубенка
Покрыла весь мир.
(Небо.)

213. Меня бьют, колотят,
Ворочают, режут;
Я все терплю
И всем добром плачу.
(Земля.)

214. Красная девушка
По небу ходит.
(Солнце.)

215. Бурая корова
Через прясло глядит.
(Солнце.)

216. Золот хозяин — на поле;
Серебрян пастух — с поля.
(Солнце и месяц.)

217. Сестра к брату в гости идет,
А он от сестры прячется.
(Солнце и месяц.)

218. Лысый жеребец
С белыми глазами,
Круглый, как венец,
Своими очами
На все он глядит.
(Месяц.)

219. За бабиной избушкой
Висит хлеба краюшка;
Собаки лают,
А достать не могут.
(Месяц.)

220. Когда я молод был —
Светло светил,
Под старость стал —
Меркнуть стал.
(Месяц.)

221. Поле не мерено,
Овцы не считаны,
Пастух рогатый.
(Небо, звезды и месяц.)

222. Рассыпался корабль
По мхам,
По морям,
По всем городам,
Не собрать этого корабля
Ни князьям,
Ни попам,
Ни думным дьякам,
Ни серебреникам.
(Небо и звезды.)

223. Из какого ковша
Не пьют, не едят,
А только глядят.
(Большая Медведица.)

224. Махнула птица крылом,
Покрыла (закрыла) весь свет одним пером.
(Ночь.)

225. Черная корова
Весь мир (всех) поборола,
А белая подняла.
(День и ночь.)

226. Летит орлица
По синему небу,
Крылья распластала,
Солнышко застлала.
(Облако.)

227. Крашеное коромысло
Через реку свисло.
(Радуга.)

228. Ходит без ног,
Рукава — без рук,
Уста без речи.
(Тень.)

229. У тебя есть,
У меня есть,
У дуба — в поле,
У рыбы — в море.
(Тень.)

19. ВРЕМЯ

230. Стоит дуб;
На дубу двенадцать гнезд,
На каждом гнезде
По четыре синицы,
У каждой синицы
По четырнадцати яиц:
Семь беленьких,
Да семь черненьких.
(Год, месяцы, недели, дни и ночи.)

231. Двенадцать братьев
Друг за другом бродят,
Друг друга не обходят.
(Месяцы.)

232. Есть семь братьев:
Годами равные,
Именами разные.
(Неделя и дни.)

20. *ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ, ОБРЯДЫ*

233. Озеро кругленько,
Берега узеньки,
Кто в нем искупается —
К царским слугам причисляется.
(Купель.)

234. Два комка,
Третья лакомка.
(Младенец у груди.)

235. Лубен город,
Отрепьин город,
А в том городе
Воевода нем.
(Младенец в зыбке.)

236. И долга и коротка, а один одному не верит: всяк сам по себе мерит.
(Жизнь.)

237. Что без горя живет?
(Бел-горюч камень.)

238. Что острее меча?
(Взор человеческий.)

239. Кого не осилит
Ни царь,

Ни псарь,
Ни княжий выжлок?[1]
(*Сон.*)

240. На море, на океане,
На острове Буяне
Сидит птица
Юстрица;
Она хвалится,
Выхваляется,
Что все видала,
Всего много едала,
Видела царя в Москве,
Короля в Литве,
Старца в кельи,
Дитя в колыбели,
А того не едала,
Чего в море не достала.
(*Смерть.*)

241. Воимчики поют[2],
Сухо дерево везут:
Заехал в ухаб,
Не выехать никак.
(*Похороны.*)

242. Спереди мужик, а сзади баба.
(*Поп.*)

243. Кто с живого и с мертвого дерет?
(*Поп.*)

244. С длинными косами,
А не баба.
(*Поп.*)

245. Стоит село,
Все заселено,
По утрам петухи поют,
А люди не встают.
(*Кладбище.*)

---

[1] *Выжлок* — гончая собака.
[2] *Воимчики* — попы, от «во имя отца и сына» и т. д.

21. ГРАМОТА

246. Не куст, а с листочками,
Не рубашка, а сшита,
Не человек, а рассказывает.
(Книга.)

247. Семя плоско,
Поле гладко;
Кто умеет,
Тот и сеет;
Семя не всходит,
А плод приносит.
(Бумага и письмо.)

248. Носила меня мать,
Уронила меня мать,
Подняли меня люди,
Понесли в торг торговать,
Отрезали мне голову,
Стал я пить
И ясно говорить.
(Гусиное перо.)

249. Черный Ивашка,
Деревянная рубашка,
Где носом ведет,
Там заметку кладет.
(Карандаш.)

22. ЗАТЕЙЛИВЫЕ ВОПРОСЫ И ИГРА СЛОВ

250. У Бориса — спереди,
У Глеба — сзади,
У девки нет до венца,
У бабы есть и будет до конца.
(Буки(Б).)

251. У нас бог без добра.
(Добро(Д).)

252. Что находится между горой и долиной?
(Буква «и».)

253. Среди Волги люди стоят.

(Люди(Л).)

254. Чем оканчивается день и ночь?

(Мягким знаком «ь».)

255. Без чего человеку жить нельзя?

(Без имени.)

256. Чего всего на свете мягче?

(Рука.)

257. Чего нет быстрее?

(Очей.)

258. Где находится небо, на котором ангелы не поют и звезды не блистают?

(Во рту.)

259. Чем хлеб в огонь сажают?

(Тестом.)

260. Где свету конец?

(В темной горнице.)

261. Что чаще леса темного?

(Звезды частые.)

262. Какая птица из сорока букв?

(Сорока (Сорок'а).)

263. Когда дурак умен бывает?

(Когда молчит.)

264. Какой в реке камень?

(Мокрый.)

265. Кто сидит спиной к царю?

(Кучер.)

23. ГОЛОВОЛОМКИ

266. У семерых братьев по одной
сестрице. Много ли всех?

(Одна.)

267. Ты да я, да мы с тобой
Много ли их стало?

(Двое.)

268. Шел муж с женой, да брат с сестрой,
да шурин с зятем. Много ли всех?

(Трое.)

269. Шли гурьбой:
Теща с зятем
Да муж с женой,
Мать с дочерью,
Да бабушка с внучкой,
Да дочь с отцом.
Много ли всех?

(Четверо.)

270. Летела стая тетеревов,
села на рощу деревов;
по двое на дерево сядут —
одно дерево лишне, по одному
сядут — один тетерев лишний.

(4 тетерева и 3 дерева.)

271. Летело стадо гусей; попадается ему навстречу гусь и говорит: «Здравствуйте, сто гусей!» Они ему отвечают: «Нас не сто гусей, а как бы было еще столько, да полстолько, да четверть столько, да ты бы, гусь, с нами, то и было бы нас сто гусей». Сколько их летело?

($36 + 36 + 18 + 9 + 1 = 100$.)

1. КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ [1]

№ 1

Ой, лю-лю, мое дитятко,
Спи-тко, усни, дитя материно,
Все ласточки спят,
И касатки спят,
Куницы спят,
И лисицы спят,
Нашему Ванюше
Спать велят.
Для чего, зачем
Ванюше не спать?
Ласточки спят
Все по гнездышкам,
Касаточки спят
Все по кусточкам,
Лисицы спят
Все по подкусточкам,
Куницы спят
Все по норочкам,
Соколы спят
Все по гнездышкам,

---

[1] Публикуемые тексты в основном выбраны из собрания П. В. Шейна, Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. 1, вып. 1, Спб. 1898; из книги Г. С. Виноградова, Русский детский фольклор (Иркутск, 1930); сборника Е. А. Покровского, Детские игры, (М., 1887).

Соболи спят,
Где им вздумалось,
Маленькие детки
В колыбелях спят.
Спи-тко, Ванюша,
Спи-тко, дитятко родное!

№ 2

Люли, люли, мою милую!
Люли, люли, мою хорошую!
Люли, люли, мою пригожую!
Баю, баю, покачаю
Дитя миленькую,
Дитя крошечную!
Я пойду во торги
И куплю пояски,
Все шелковенькие.
К люльке прицепите,
Аннушку усыпите.
Баю, баю, укачаю.
Сон да дрема
По новым сеням брела,
По новым сеням брела,
Аннушку искала.
«Ино где мне ее найдтить —
Тут и спать уложить,
Спать уложить, дитю усыпить
Баю, баю, баю!»

№ 3

Гуркота, гуркота!
А Митеньке дремота.
Сон да дрема
Вдоль по улице прошла,
К мому Митеньке зашла,
Под головушку спать легла.
Баюшки, баю,
Баю деточку мою!
Прилетели гулюшки[1],

---

[1] *Гулюшки, гули* — голуби.

Садились на люлюшку,
Они стали гурковать,
Стали Митеньку качать,
Прибаюкивати:
Спи, Митенька, засни,
Угомон тебя возьми...

№ 4

Сон да дрема
По новым сеням брела
Да и к Маше забрела:
«Где Машина колыбель?»
— На высоком тереме [1]
В шитом браном пологе:
Кольцы-пробойцы серебряные.
Ты вырастешь большая,
Будешь в золоте ходить,
Чисто серебро носить,
Мамушкам, нянюшкам
Обносочки дарить,
Красным девушкам —
　　По ленточке,
Молодым молодушкам —
　　По сборничкам,
А старым старухам —
　　По повойничкам [2].

№ 5

Спи, усни, —
　　Бай, бай, бай!
Угомон тебя возьми...
Спи, посыпай,
　　Боронить поспевай.
Мы те шапочку купим,
　　Зипун сошьем;

---

[1] По другим вариантам — «*Во* высоком терему».

[2] *Сборничек, повойничек, повойник* — женские головные уборы; сборничек — род кокошника; повойник носили по будням, а кокошник по праздникам.

Зипун сошьем,
Боронить пошлем
В чистые поля,
В зелены луга.

№ 6

Пошел котик по лесок, —
Нашел котик поясок
Чем люлечку подцепить,
Да Ванюшку положить.
Ваня будет спать,
Котик Ваню качать,
А котик его качать,
Да, серенький, величать.
«Сон да дрема,
Усыпи мое дитя!»
Пошел котик во торжок[1],
Купил себе пирожок.
Идет котик по лавочке,
Ведет киску за лапочку.
Ходят вместе они, —
А ты, маленький, усни.

№ 7

Котинька, коток,
Котя, серенький хвосток!
Приди, котик, ночевать,
Мово Лешеньку качать,
Прибаюкивати.
Я тебе, коту,
За работу заплачу:
Беленький платочек
На шею навяжу,
А другой, голубой,
В ручки подарю.
А еще тебе, коту,
За работу заплачу:
В великий пост —

[1] *Торжок* — рынок, базар.

Редьки хвост,
Склянку вина
И конец пирога.

№ 8

Ай ты, котинька-коток,
Кудреватенький лобок!
Ай, повадился коток
По боярский творог.
Хотят котика изловить,
Ему ножки переломить.

№ 9

А качи́, качи́, качи́,
Прилетели к нам грачи.
Они сели на ворота.
Ворота-то скрып, скрып!
А Коленька спит, спит.

№ 10

Баю-баюшки, баю,
Живет мужик на краю.
Он не беден, не богат[1],
Полна горница ребят.
Все по лавочкам сидят,
Кашу масляну едят.
Кашка масляная,
Ложка крашеная...

№ 11

Баю-баю, баю-баю,
Пошел отец за рыбою,
Мать пошла пеленки мыть,
Бабушка дрова рубить.

---

[1] В других вариантах: «Он *не скуден,* не богат».

2. ПЕСТУШКИ И ПОТЕШКИ

№ 12

Когда ребенок гулит или агукает, приговаривают:

Ах, поет, поет
Соловушка!
Ах, поет, поет
Молоденький;
Молоденький,
Хорошенький,
Пригоженький!

№ 13

Когда ребенок просыпается и потягивается, то его гладят по животику, приговаривая:

Потягунюшки, поростунюшки,
Роток говорунюшки,
Руки хватунюшки,
Ноги ходунюшки.

№ 14

Когда дитя начинает становиться на ножки, приговаривают:

Дыбки, дыбки, дыбки,
Стой дыбки, стой дыбки!

№ 15

Когда ребенок учится ходить:

«Ножки, ножки,
Куда вы бежите?»
— В лесок по мошок:
Избушку мшить [1],
Чтобы не холодно жить.

№ 16

Движениями детских ручек изображают растягивание холста и говорят:

Тяни холсты,
Тяни холсты,

---

[1] *Мошок* — мох, *мшить* — прокладывать, конопатить избу мхом.

На рубашечку,
На столешничек [1].

№ 17

Мать или няня сажает ребенка на колени и, держа его за ручки, покачивает то в сторону к себе, то от себя, приговаривая:

Тóню тя́ну [2],
Рыбу лóвлю,
В кóшель кладу [3],
Домой несý:
Щуркú в кýчки [4],
Плотички в полúчки [5],
Один ершок —
Да и тот в горшок.
Щей наварю,
Николая накормлю,
Спите-тко, ребята,
Не чухкайте [6].

№ 18

Взяв ребенка на руки, его качают вверх и вниз, напевая и приговаривая:

А тпру, тпру, тпру!
А тпру, тпру, тпру!
Не вари кашу круту,
Вари жиденькую,
Вари мяконькую,
Да молошненькую.

№ 19

Петушок, петушок
На поветку взлетел [7],

---

[1] *Столешник, столечник* — скатерть.
[2] *Тоня* — залов, закидка сети, невода.
[3] *Кошель* — сумка, крестьянская котомка, из лык, бересты.
[4] *Щуркú, щурята, щуренок* — маленькие щуки.
[5] *Поличка, полица* — полка.
[6] *Не чухкайте* — может быть, от глагола *чуть, чуять* — слышать. Мы говорим: *чуткий сон* — то есть легкий, будкий сон. *Не чухкайте* равнозначно: спите крепко, ничего не чуя.
[7] *Поветь, поветка* — крыша над скотным двором.

Трое лапотки сплел
И себе, и жене. и своячинке [1].

№ 20

Тюшки, тютюшки,
На горе пичужки,
Там Ванюшка был,
Пичужку поймал.

№ 21

Тюшки, тютюшки,
Овсяны лепешки,
Пшеничный пирожок
На опаре замешен [2],
Высоконько взошел...

№ 22

А тари, тари, тари!
Куплю Маше янтари,
Останутся деньги,
Куплю Маше серьги,
Останутся пятаки, —
Куплю Маше башмаки,
Останутся грошики,
Куплю Маше ложки,
Останутся полушки,
Куплю Маше подушки.

№ 23

Тютюшки, тютюшки!
Веселы ли душки?
Подниму дочушку
На крутую горку.
Бух! покатились,
С горки свалились.

---

[1] *Свояченка, свояченина* — сестра жены.
[2] *Опара* — тесто в квашне.

№ 24

Ребенка водят под мышки или за ручки вдоль лавочки, приговаривая:

Три-та, та, три-та, та!
Вышла кошка за кота.
Ходит кот по лавочке,
А кошечка по подлавочке,
Ловит кота за лапочки:
«Ох ты, котик, коток,
Крутолобенький!
Поиграй ты, кот, со мной,
С Машкой, кошкой молодой!»

№ 25

Ребенка качают, посадив к себе на колени, и приговаривают:

Скок, поскок!
Молодой дроздок
По водичку пошел,
Молодичку нашел.
Молодиченька,
Невеличенька:
Сама с вершок,
Голова с горшок.
Шу-вы! полетели,
На головушку сели.

№ 26

Изображая пальцами правой руки рога, слегка щекочут ими ребенка и припевают речитативом:

Идет коза рогатая,
Идет коза бодатая:
Ножками: топ! топ!
Глазками: хлоп! хлоп!
Кто кашки не ест,
Кто молоко не пьет,
Того забодает, забодает.

№ 27

Взяв ручки ребенка, хлопают ими в ладоши, в такт, а при последних словах ручки разводят и подымают на голову ребенка:

«Ладушки, ладушки![1]
Где были?» — «У бабушки».
«Что ели?» — «Кашку».
«Что пили?» — «Бражку».
Кашка сладенька,
Бражка пьяненька,
Бабушка добренька.
Попили, поели, —
Шу-у-у — полетели,
На головушку сели.

№ 28

Берут у ребенка ручку, водят по ладошке указательным пальцем и приговаривают:

Сорока, сорока,
Сорока-белобока,
Кашку варила,
На порог скакала,
Гостей созывала.
Гости не бывали,
Кашки не едали.
Все своим деткам отдала.

Указывая на каждый палец руки, начиная с большого, приговаривают:

Этому дала на блюдечке,
Этому на тарелочке,
Этому на ложечке,
Этому поскребышки[2].

Останавливаясь на мизинце, добавляют:

А этому нет ничего.
А ты мал-маленек:
За водицей не ходил,

---

[1] *Ладушки* от слова *ладошить* — бить в ладоши.

[2] *Поскребышки* — остатки, то, что надо соскребать ложкой со стенок и с донышка горшка.

Дров не носил,
Кашки не варил.

Разводя ручки в стороны и затем, быстро положив на головку, говорят:

Шу-у-у, полетели —
На головушку сели.

№ 29

Перебирают по очереди пальчики ребенка и приговаривают:

Большаку [1] дрова рубить (большой палец),
А тебе воды носить (указательный),
А тебе пéчи топить (безымянный),
А малышке песни петь (мизинец),
Песни петь да плясать,
Родных братьев потешать.
Песни петь да плясать,
Родных братьев потешать.

3. *ПРИБАУТКИ И НЕБЫЛИЦЫ*

№ 30

Дон, дон, дон!
Загорелся кошкин дом.
Бежит курица с ведром —
Заливать кошкин дом.

№ 31

Долгоногий журавель
На мельницу ездил,
Диковинку видел:
Коза муку мелет,
Козел засыпает,
А маленьки козленочки
Муку выгребают,
А барашки-круты рожки

---

[1] *Большак* — старший.

В дудочку играют,
А сороки-белобоки
Пошли танцевати,
А вороны стережены [1]
Пошли примечати.
Сова из-за угла смотрит,
Ногами топчет,
Головой вертит.

№ 32

Курочка ряба
Все овес толкла,
Просо сеяла,
Горох веяла.

№ 33

Девица, девица,
Сходи по водицу,
Я волка боюсь,
Я лисицы боюсь,
Я медведя боюсь.
Волк на работе,
Лиса на болоте
Платьице мыла,
Валек опустила.
Сама-то смеется,
Хохолок трясется.

№ 34

«Бабушка Ульяна,
Где была?» — «Гуляла?»
«Како чудо видела?»
— «Курочку-рябушку
С петушком на дрожках».

---

[1] *Стережены вороны* — от глагола *стеречь*. Известно слово *стережа, стережка,* означающее действие по глаголу. По-видимому, отсюда производное *стереженый* — тот, кто в стереженье, стережет, оберегает, караулит, сторожит.

№ 35

Скачет галка
    По ельничку,
Бьет хвостом
    По березничку.
Наехали на галку
    Разбойнички,
Сняли они с галки
    Синь кафтан.
Не в чем галочке
    По городу гулять.
Плачет галка,
    Да негде взять.

№ 36

Идет кузнец из кузницы,
Несет кузнец два молота.
Тук, тук, тук,
Да ударил разом вдруг.

№ 37

Стучит, бренчит на улице, —
Фома едет на курице,
Тимошка на кошке —
Туда же по дорожке.
«Куда, Фома, едешь,
Куда погоняешь?»
— «Сено косить». —
«На что тебе сено?» —
«Коровок кормить». —
«На что тебе коровы?» —
«Молоко доить». —
«На что тебе молоко?» —
«Ребяток поить».

№ 38

А дуду, дуду, дуду!
Потерял мужик дуду
На поповом на току [1].

[1] *Ток* — расчищенное место для молотьбы.

Шарил, шарил — не нашел,
Ко боярыне пошел:
«Сударыня, боярыня!
Прикажь вора поймать,
Руки, ноги обломать,
На низеньких ножках,
В синеньких сапожках».

№ 39

Ой люли, та-ра-ра!
На горе стоит гора,
А на той горе лужок,
А на том лужку дубок,
А на том дубку сидит
Ворон в красных сапогах,
Во зелененьких серьгах.
Черный ворон на дубу
Играет во трубу.
Труба точеная —
Позолоченная.
Он утром в трубу трубит,
А вечером сказки говорит.
Сбегаются зверьки
Ворона послушать,
Пряничка покушать.

№ 40

Таракан дрова рубил,
Комар по воду ходил,
В грязи ноги завязил.
Блоха поднимала —
Живот надорвала.
Вошка баню топила,
Гнидка щелок варила,
Вошка париться ходила,
Со угару-то упала,
На лохань ребром попала,
Славу богу околела,
Всему миру надоела.

№ 41

У нашего Данилы
Разыгралася скотина,
И коровы и быки
Разинули кадыки[1],
Утки в дудки,
Тараканы в барабаны;
Коза в синем сарафане,
Во льняных штанах,
В шерстяных чулках,
Вол и пляшет,
Ногой машет,
Журавли пошли плясать,
Долги ноги выставлять,
Бух, бух, бух.

№ 42

У нашего дядюшки
Четыре лошадушки:
Перва лошадь пегая[2] —
Мимо двора бегала,
Другая гнедуха[3], —
Ушла с голодухи;
Третью савраску[4]
Свел с двора Тараска,
А четвертый соловой[5],
Его давит домовой[6]
— Сиди, Ерема, дома.

№ 43

Чечотки — сестрицы,
Красные девицы!
Кукушка — подружка,

---

[1] *Разинуть, драть, распустить кадыки* — кричать, орать.

[2] *Пегая лошадь* — в белых больших пятнах.

[3] *Гнедая лошадь* — темно-рыжей масти с черным хвостом и такой же гривой.

[4] *Саврасый* — светло-гнедая с желтизной лошадь. *Савраска* — кличка.

[5] *Соловый* — лошадь желтоватой масти со светлым хвостом и гривой.

[6] Согласно верованиям домовой (хозяин), не взлюбивший лошадь, мучает ее по ночам, *давит*, лошадь бьется и ржет.

Воробушек — шурин
Глазки прищурил;
Ворона — невеста
Села на место.

№ 44

Ехал шурин на базар,
Купил шурин шапку,
Туда угол, сюда угол, —
В середине кисточка.

№ 45

А Иван, а Иван!
Проводи меня домой.
Мой дом недалек. —
Собачка на речке
Побрехивает,
А курочка на печке
Лепешки печет.
А хозяин на печи
Обувается,
А медведь на дворе
Повивается[1],
А свинья под мостом
Овес толчет,
А лягушка на дворе
Песенки поет.

№ 46

Утка — Маврушка,
Селезень — Павлушка,
Кошка — Хаврошка,
Кот — Мирошка,
Свинья — Апросинья,
Боров — Василий,
Телушка — Матрюшка,

---

[1] *Повивать* означает обвить, обмотать, укутать повязкой. *Повивают молодую* — надевают кокошник, повойник. *Повиваться* — возвр. глагол. Медведь надевает повойник — *повивается.*

Кобыла — Арина,
Мерин — Гаврила —
Пестрое рыло.

№ 47

«Ох ты, козонька, коза!
Где же ты была?» —
  «У попа я на дворе». —
«Что там делала?» —
  «Коней пасла». —
«Что ж ты выпасла?»
  «Жеребеночка
  В золотой узде —
  Позолоченной». —
«Где жеребеночек?» —
  «В клетку ушел [1]» —
«Где же клетка?» —
  «Водой снесло». —
«Где вода?» —
«Быки выпили». —
«Где быки?» —
  «За бугор ушли». —
«Где бугор?» —
  «Черви выточили [2]» —
«Где черви?» —
  «Гуси выклевали». —
«Где гуси?» —
  «В тростник ушли». —
«Где тростник?»
  «Девки выжали [3]» —
«Где девки?»
  «Замуж повышли». —
«А где мужья?»
  «На войну ушли». —
«А где война?» —
  «Посередь поля».

---

[1] *Клеть, клетка* — место, огороженное тыном, оградой.
[2] *Выточили* — источили, поели, уничтожили.
[3] *Выжали* — от глагола *жать,* срезать серпом.

№ 48

Ворона — невеста,
Сова моя теща,
Воробышек — шурин,
Глазки сощурил,
Синичка — сестричка
На полочке топ-топ,
Глазами-то хлоп, хлоп!
Кукушка — подружка.

№ 49

Бубен, ты, бубен? [1]
Отдай свою дочку
За нашего князя.
У нашего князя
Трое саней с козырями [2],
Шелком обшиты,
Серебром покрыты;
Сени новые.
Курица взлетела,
Сени обломила,
Пришла коза,
Подняла на рога.

№ 50

Поповы ребята
Горох молотили
Цепы поломали,
За тын побросали,
Попу не сказали.
Ударили восполох —
Всполошили весь народ.
Ударили в доску,
Поехали в Москву;
Ударили в барабан,
Поскакали по горам.

---

[1] *Бубен* — голыш, человек, все промотавший.
[2] *Козырь* — головка саней, загнутая кверху часть.

№ 51

Ехал рыжий на быке.
Как по речке, по реке
Рыжий красного спросил:
«Чем ты бороду красил?» —
«Я не краской, ни помазкой [1],
Я на солнышке лежал,
Кверху бороду держал».

№ 52

Где это видано,
Где это слыхано,
Чтоб курочка бычка родила,
Поросенок яичко снес,
Безрукий-то клеть обворовал [2],
Нагому за пазуху наклал,
Безногий вприпрыжку побежал!

№ 53

Лыко мужиком подпоясано,
Ехала деревня середь мужика,
Глядь из-под собаки лают ворота;
Ворота-то пестры, собака-то нова,
Мужик схватил собаку
И давай бить палку.
Собака амбар-то поджала.
Да под хвост и убежала.
Изба пришла в мужика,
Там квашня бабу месит.

№ 54

Облоухая свинья [3]
На дубу гнездо свила,
Поросила поросят
Ровным счетом шестьдесят.

---

[1] *Помазка* — от глагола *помазывать,* мазь.
[2] *Клеть* — в этом случае: чулан, амбар или кладовая.
[3] *Облоухая* — долгоухая, ушастая.

Распустила поросят
Все по маленьким сучкам.
Поросята визжат,
Полететь они хотят.
Полетели, полетели
И на воздухе присели.
Косолапый медведь
С мухи шкуру содрал,
Полсапожки себе сшил,
В полсапожках щеголял,
Оскользнулся и упал,
В сине море он попал.
Сине море все повыгорело,
Бела рыба вся повылетела.
А на печке мужик
Осетра-рыбу поймал,
А в пламени другой
Быстру щуку схватил.
Как пошло на чудеса,
И где море — там леса,
Водой палют леса [1].

№ 55

Уж как шла лиса по тропке,
Нашла грамотку в охлопке [2].
Она по лесу ходила,
Громким голосом вопила.
Лиса лычки драла,
Лиса лапотки плела.
Вот и села на пенек —
И читала весь денек:
Будто небо провалится,
И земля загорится, —
Лисе негде будет жить —
И пришлось с горя топиться.

---

[1] Текст освобожден от диалектизмов.

[2] *Найти грамотку в охлопке* означает найти грамоту, написанную на бумаге, выделенной из *охлопка*, льняных очесов, пеньки. В старину говорили *хлопчатая хартия* — это писчая бумага, приготовленная из охлопка.

№ 56

У бабушки козел,
У Варварушки седой;
Он под печкой живал,
Все сухарики жевал.
Отпросился козелок
У бабушки на часок —
Погулять во лесок:
«Уж ты, бабушка,
Ты Варварушка!
Ты пусти, пусти в лесок,
На единый часок!
Я семь волков убью,
Тебе шубу сошью,
А восьмого убью, —
Воротник пришью».
    Пошел козел дорогою,
Пошел дурак широкою —
    Поплясывает,
    Поскакивает, —
Веселехонек дурак
    Посматривает.
Навстречу козлу
    Да и заюшка,
    Да и серенький.
Приустрастился козел,
    Приужахнулся, —
Кос на кос припадал [1]
    Головой замотал,
    Бородою затряс,
    Словно веничком,
    Ногами застучал,
    Точно ступочками.
  А что же тому козлу
  Бежать, — не убежать;
  Не лучше ли козлу
  К самому зверю челу? [2]
  «А я заюшка,

---

[1] *Кос на кос*, то есть кость на кость, — первая часть поговорки. *Кость на кость — зуб на зуб* — дрожать.

[2] *Чело* — лоб. *К самому зверю челу* — прямо зверю к голове.

А я серенький,
По городам[1] я хожу,
Я капустку стерегу,
А на пору[2] хозяину
Рассаду полью».

Опять сначала «Жил у бабушки», до слова: посматривает», затем следует:

Навстречу козлу
Да и лисонька,
Да и желтенькая.

Приустрастился козел (и пр., до слов «зверю челу»).

«А я лисанька,
Я желтенькая,
Я по коникам[3] хожу,
Я курей стерегу,
А на пору хозяину
Цыплят загоню.

Опять сначала, до слова «посматривает», после чего следует:

Навстречу козлу
Да и семь волков,
Осьмой-от волк
Подопрелый бок.
Он три года болел,
Все козлятинки хотел.
«Мы давай-ка, козелок,
Мы поборемся,
Побрухаемся!»[4]
Ухватил волк козла
Поперек живота,
Разорвал волк козла,
Да на часточки:
Туда, сюда голова,
Под колоду рога,
Его ноженьки
По дороженьки.

---

[1] *Город* — огород.

[2] *А на пору* — порой.

[3] *Коник* — лавка в крестьянских хатах вдоль передней стены, вроде неподвижного сундука. В этих *кониках*, по замечанию народного певца, большей частью несутся куры.

[4] *Побрухаться, брухаться* — бодать, бодаться.

Есть вариант с благополучным концом; козел возвращается домой невредимый:

Ах ты, бабушка,
Ты, Варварушка,
Отворяй-ка ворота,
Принимай-ка козла.

4. ЗАКЛИЧКИ И ПРИГОВОРКИ

№ 57

В начале марта дети закликивали весну такой песенкой-приговоркой:

Весна красна! На чем пришла?
На сошечке, на бороночке
На овсяном снопочку,
На ржаном колосочку.

№ 58

Играя на дворе, на улице, дети радостно окликают хором весенний дождь:

Дождик, дождик, пуще,
Дам тебе гущи,
Выйду на крылечко,
Дам огуречка...
Дам и хлеба каравай —
Сколько хочешь понуждай [1].

№ 59

Уж, дождь дождем,
Поливай ковшом!

№ 60

Песни о дожде при случае поют и в другое время. Когда дожди «зарядят», станут вредными для посевов, закликают солнышко, просят радугу прекратить дождь:

---

[1] *Понуждать* — гнать, торопить, заставлять, здесь: заставлять литься сильнее.

Солнышко, солнышко,
Выгляни в окошечко —
Дам тебе веретешечко [1],
Насыплю горошечка.

№ 61

Радуга-дуга,
Не давай дождя,
Давай солнышка,
Колоколнышка [2].

№ 62

Радуга-дуга,
Перебей дождя!

№ 63

Когда случается засуха, а дождь идет мимо или выпадает небольшой дождь, просят у радуги, чтобы она не уносила дождя:

Радуга-дуга,
Принеси нам дождя.

№ 64

Радуга-дуга,
Не пей нашу воду.

№ 65

Уродися, репка,
Ни густа, ни редка,
С мыший хвост,
С тараканий нос... [3]

---

[1] *Веретешечко* — судя по смыслу заклички, это название какой-то еды. В Сибири, где записан этот текст, бытовали однокоренные с этим словом слова *верещага, верещанка:* так называли яичницу с поджаренным хлебом или просто яичницу-глазунью.

[2] *Колоколнышко* — корень слова *коло* означает обод, обруч, колесо, круг. По-видимому, это искаженное *коло-колышко.*

[3] «С наступлением дня матери Елены (21 мая) или немного раньше сеют репу. Как узнают али увидят ребяты, што баба пошла репу сеять, и зачнут петь «репку»... Делают это с целью испортить посев репы» (Г. С. Виноградов, Детский народный календарь. Сб. «Сибирская живая старина», вып. II, Иркутск, 1924, стр. 68).

№ 66

Коровушка, буренушка,
Подай молочка,
Покорми пастушка.

№ 67

Встречая худого теленка, ребятишки шутят:

Телешь, телешь[1],
Куда бредешь?
— В лес волков есть.
Смотри, телешь,
Тебя допреж[2].

№ 68

После купания, чтобы избавиться от воды, налившейся в уши, прыгают на одной ноге и, наклоняя голову то в одну, то в другую сторону, прижимая к уху ладонь, приговаривают в такт прыжкам:

Мышка, мышка,
Вылей воду
Под горячую колоду —
Коням на болтушку,
Свиньям на кормушку.

№ 69

У крестьянских детей, которые бегают босиком по грязи и роются в земле, в иных случаях заболевает кожа, на руках и на ногах показываются «цыпки» — кожа трескается. Цыпки лечили коровьим маслом с приговоркой:

Цыпи, цыпи, под порог!
Дам вам маслица комок.

№ 70

Этой приговоркой вызывают улитку из раковины:

Улитка, улитка,
Высуни рога!
Дам тебе пирога.

---

[1] *Телешь* — теленок.
[2] *Допреж* — раньше.

№ 71

Божья коровка,
Вёдро иль ненастье?

Эта приговорка — своего рода гаданье-примета: если жучок полетит — к вёдру, а нет — в ближайшее время погода не изменится; если коровка поползет, будет ненастье.

№ 72

Воробьев дети передразнивают:

Зимой так чуть жив,
А летом-то на коноплянник.
Щечи, ребята,
Щечи, ребята, на березке.
Чин чина больше.

№ 73

Подражая витютню, приговаривают:

На дубу сижу витютень!
Девка идет,
Ведро несет,
На дубу сижу витютень!

№ 74

Передразнивая вечерний перепелиный крик, дети приговаривают:

Спать пора!
Спать пора!
Под полоть[1]!
Под полоть!

№ 75

Пигалице вторят так:

У пигалицы хохол горит,
Детей зорит[2].

---

[1] *Под* — низ, земь, утоптанное и устланное место. Скирдный *под* — очищенное место для хлебной клади. Зарастающий *под* из года в год пропалывают.

[2] *Зорить* — сверкать, блестеть, а также забиячить. Возможны оба случая.

№ 76

Когда вороны и воробьи клюют что-либо вместе и кричат, дети, уподобив крики птиц базарным голосам, передразнивают их:

— Харч! Харч! (Одна ворона.)
— Творог! Творог! (Другая.)
— Что по чем? Что по чем? (Воробьи.)
— Так клюй! Так клюй (Вороны в ответ.)

№ 77

Курице подражают в таком приговоре:

Куд-кудах, куд-кудах,
Снесла яйцо в кулак.

№ 78

Петушиный разговор представлен в приговорках:

— Били-били!
— Кого? Кого?
— Тебя, тебя!

№ 79

Петух зовет кур:

— Ух, ух!
Сюда, сюда!
Нашел, нашел!

№ 80

Завидев стаю летящих галок и ворон, дети кричат:

Галки, вороны,
Где ваши хоромы?
На дубу, на сосне,
У матери кресне (ой).

№ 81

Когда летит ворон, дети кричат:

Крикни, ворон,
На сухой корень,

Корень сохнет,
Ворон сдохнет [1].

№ 82

В поисках грибов приговаривают:

Грибы на грибы,
А мой поверху.
Жили-были мужики,
Брали грибы рыжики.

№ 83

Дети бросали в подпечек выпадающие у них зубы с такими словами:

Мышка, мышка!
На тебе зуб липяной [2],
Дай мне гребяной [3].

5. ИГРОВЫЕ ПРИПЕВЫ И ПРИГОВОРЫ

№ 84

Дети становятся в круг, ходят в ту и другую сторону и поют:

А мы землю парили, парили [4].
А мы землю пахали, пахали.
А мы просо сеяли, сеяли.
А мы просо пололи, пололи.
А мы просо косили, косили.
А мы просо рушали, рушали [5].

---

[1] «Если ворон кружится над чьей-нибудь избой, то это считается предвестьем какого-либо несчастья, которое должно посетить семейство того крестьянина, над двором которого кружился ворон. Вышеписанный заговор (то есть приговорка. — *В. А.*) служит крестьянам отстранением несчастья, накликиваемого вороном» (В. Н. Добровольский, Смоленский этнографический сборник, ч. IV, М., 1903, стр. 494).

[2] *Липяной* — то есть липовый, из липы, самого мягкого дерева, липяной зуб — значит мягкий.

[3] *Гребяной* — то есть как у гребня, крепкий, острый.

[4] *Парить землю* — оставить землю в залежи, дать отдохнуть год, предварительно унавозив.

[5] *Просо рушать* — драть, молоть, дробить.

А мы просо веяли, веяли.
А мы пшено сушили, сушили.
А мы кашу варили, варили. (Каждый куплет поется два раза.)

Исполняя песню, дети подражают работе.

№ 85

А шли кони по улице,
Чем они попутаны?
Золотым путом [1]
Под копытом.
Зайка идет,
Травку рвет —
Что вырвет,
То в пучок.

Спев эту песню, дети приседают. Кто не успевает сесть, тот «квач-бальмач, черные глаза» [2]

№ 86

Играющие выбирают из своей среды волка и хозяина, а сами изображают гусей-лебедей. Волк уходит на какое-нибудь место, называемое играющими «горой». «Гуси-лебеди», посидев некоторое время дома, у хозяина, уходят в поле. Через некоторое время хозяин кричит:

— Гуси-лебеди, домой!

Гуси отвечают:

— Волк под горой?
— Что волк делает?
— Травы щиплет.
— Ну, бегите же домой!

Гуси бегут, а волк их ловит и поодиночке уводит на свою гору. Когда переловит всех, хозяин топит для волка баню и просит его помыться. Волк идет, парится, моется.

---

[1] *Путами* — веревками вяжут ноги лошадям, чтобы не уходили далеко.

[2] *Квач* — помазок в дегтярнице. *Бальмач* вместо *бельмач* от слова *бельмы*, глаза. *Квач-больмач*, или *квач-бельмач*, означает черноглазый, глазастый. Черный глаз считался худым, завистливым, насылающим порчу.

По выходе из бани хозяин берет камень или палку и, показывая их волку, говорит:

— Волкушко! Я тебе коровушку брошу!

Бросает палку или камень, волк бежит за «коровушкой», гуси-лебеди тем временем бегут домой к хозяину.

№ 87

Играющие становятся в круг, в середину которого ставят утку, за кругом — селезня, который, как в игре «Кошка и мышка», ловит утку. Стоящие в кругу поют:

Селезень ловил утку,
Молодой ловил серую.
Поди, утица, домой,
Поди, серая, домой!
У тебя семеро детей
Восьмой селезень.

№ 88

Один из играющих изображает медведя, а другие в бор за грибами и ягодами, припевая:

У медведя на бору
Грибы, ягоды беру!
Медведь постыл,
На печи застыл!

При этих словах медведь, до сих пор как будто дремавший, тихо ворочается, потягивается и как будто неохотно идет на детей, которые бегут от него. Медведь ловит кого-нибудь. Пойманный становится медведем, и игра продолжается.

№ 89

Играющие становятся в кружок, в середине на скамье сидит «Дрема». Хор поет о Дреме:

Сиди, Дрема,
Сиди, Дрема,
Выбирай-ай, Дрема,

Выбирай,-ай, Дрема,
Бери-и, Дрема,
Бери-и, Дрема!

Дрема встает со скамьи, выбирает кого-нибудь, и выборный считается Дремой.

6. СЧИТАЛКИ И СКОРОГОВОРКИ

№ 90

Соломинка,
Яреминка
Прела,
Горела,
На море
Летела.
Кастюк,
Мастюк,
Радивон
Поди вон.

№ 91

Ехал чичик через мост,
Вел кобылушку за хвост.
Кобылушка пала,
Шкурка не пропала,
А из шкурки сапожки,
Из копытца гребешки.

№ 92

Раз, два,
Голова;
Три, четыре,
Прицепили;
Пять, шесть,
Сено везть;
Семь, восемь,
Сено косим;
Девять, десять,

Деньги весить,
Одиннадцать, двенадцать,
На улице бранятся,
В избе ссорятся.

№ 93

Раз, два, три, четыре,
Жили мошки на квартире.
К ним повадился сам друг
Крестовик — большой паук.
Пять, шесть, семь, восемь,
Паука мы попросим:
«Ты, обжора, не ходи».
Ну-ка, Мишенька, води.

№ 94

Аты-баты — шли солдаты.
Аты-баты — на базар.
Аты-баты — что купили?
Аты-баты — самовар.
Аты-баты — сколько дали?
Аты-баты — три рубля.

№ 95

Тара-бара
Домой пора
Коров доить,
Тебе водить.

№ 96

Ехала барыня
По ровненькой дорожке,
По кочкам, по кочкам —
Да бух!

№ 97

Зайчишка-трусишка
По полю бежал,
В огород забежал,

Морковку нашел,
Морковку нашел,
Сидит, грызет.
Ай, кто-то идет!

№ 98

Катилось яблоко
Мимо сада,
Мимо сада,
Мимо града.
Кто поднимет,
Тот и выйдет.

№ 99

Конь ретивый
С длинной гривой
Скачет по полям
Тут и там.
Где проскачет он?
Выходи вон.

№ 100

Бегал заяц по болоту,
Он искал себе работу,
Да работы не нашел,
Сам заплакал и пошел.

№ 101

Шишел-вышел, вон пошел,
На боярский двор зашел,
Там бояре шапки шьют,
На окошко их кладут.

№ 102

Шла торговка мимо рынка,
Спотыкнулась о корзинку
И упала в яму — бух,
Раздавила сорок мух.

№ 103

Сыворотка из-под простокваши.

№ 104

У быка губа тупа.

№ 105

В один, Клим, клин колоти.

№ 106

На горе, на пригорке,
Стояли двадцать два Егорки.
Раз Егорка, два Егорка, три
Егорка... и так до двадцать
два Егорки.

№ 107

Расскажите про покупки.
Про какие про покупки?
Про покупки, про покупки,
Про покупочки мои.

№ 108

Стоит копна с подприкопеночком.

№ 109

Стоит поп на копне,
Колпак на попе,
Копна под попом,
Поп под колпаком.

№ 110

Сшит колпак,
Вязан колпак,
Да не по-колпаковски.

№ 111

И при Прокопе кипит укроп.
И без Прокопа кипит укроп.
И ушел Прокоп, кипит укроп,
И без Прокопа кипит укроп.

№ 112

Нашего пономаря не перепономаривать стать.

№ 113

У нас на дворе-подворье погода размокропогодилась.

№ 114

Два дровосека, два дровокола, два дроворуба говорили про Ларю, про Ларьку, про Ларину жену.

№ 115

Хохлатые хохотушки,
Хохотом хохотали:
Ха! ха! ха! ха! ха!

№ 116

От топота копыт пыль по полю летит.

БИБЛИОГРАФИЯ

Пословицы и поговорки

Сборники

«Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту», «Рукописный сборник пословиц конца XVII и начала XVIII века». Напечатаны в книге: П. Симони, Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII—XIX столетий, вып. I—II, Спб, 1899, стр. 69—162; 173—216 (Сборник Отдел. русского языка и словесности Академии наук, т. XVI, 7.)[1].

«Собрание 4291 древних российских пословиц». Печатано при Московском университете, 1770.

«Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку с присовокуплением таблицы содержания оных для удобнейшего приискания», Д. К., Спб, 1822.

«Русские пословицы, собранные А. В. Кольцовым», «Воронежская беседа», 1861, стр. I—XX. Перепечатаны в Полном собрании сочинений А. В. Кольцова, изданном Академией наук, Спб, 1909, стр. 289—300.

* «Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым», М., 1848.

* «Новый сборник русских пословиц и притчей, служащих дополнением к собранию русских народных пословиц и притчей, изданных в 1848 году И. Снегиревым», М., 1857.

А. Н. Афанасьев, Дополнения и прибавления к собранию русских пословиц и притчей, изданному И. Снегиревым, «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», изд. Н. Калачевым, кн. 1, отдел IV, М., 1850, стр. 48—68.

Ф. И. Буслаев, Русские пословицы и поговорки, «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», изд. Н. Калачевым, кн. II, отдел IV, М., 1854, стр. 1—176.

Н. А. Добролюбов, Заметки и дополнения к сборнику русских пословиц г. Буслаева. Полное собрание сочинений Н. Добролюбова в шести томах, т. 1, ГИХЛ, 1934, стр. 495—521.

В. И. Даль, Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. («Чтения Общества истории древностей российских

---

[1] В библиографию вошла лишь основная критическая и фольклорная литература.

Знаком * помечены те сборники и исследования, которые учителю рекомендуются в первую очередь.

при Московском университете»), М., 1861—1862; изд. 2, два тома, 1879; изд. 3, 1905.

«Сборник пословиц, поговорок, примет и пр.» (Русско-народная философия), сост. Отшельник Мери-Хови, Спб, 1882.

Н. А. Иваницкий, Пословицы Вологодского уезда. «Статистический сборник, издаваемый Вологодским губернским статистическим комитетом», т. 3, Вологда, 1883, стр. 229—266.

Л. Н. Толстой, Пословицы на каждый день, изд. «Посредник», Спб, 1887; переиздания: «Русские пословицы», М., 1900; М., 1904; вошли в книгу Л. Н. Толстого «Сказки, рассказы и пословицы из народной жизни», М., 1913.

М. А. Дикарев, Пословицы, поговорки, приметы и поверья Воронежской губернии, «Воронежский этнографический сборник», Воронеж, 1891, стр. 68—286.

А. С. Ермолов, Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, т. 1, Спб, 1901, т. II, III, IV, 1905.

И. И. Иллюстров, Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок, изд. 3, испр. и доп., М., 1915.

А. И. Соболев, Народные пословицы и поговорки, М., 1956.

Исследования и пособия

И. М. Снегирев, Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках в четырех книгах, 1831—1834.

Ф. И. Буслаев, Русский быт и пословицы. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1, Спб, 1861, стр. 78—136.

Н. А. Добролюбов, О некоторых местных пословицах и поговорках Нижегородской губернии. Полное собрание сочинений Н. Добролюбова в шести томах, т. 1, ГИХЛ, 1934, стр. 493—495.

* В. И. Даль, Предисловие к сборнику «Пословицы русского народа» (упом.)

В. Острогорский, Выражающееся в пословицах народное воззрение на слово, «Учитель», 1866, № 13 и 14, стр. 465—467.

И. Белов, Русская история в народных поговорках и сказаниях, «Исторический вестник», 1884, № 8, стр. 233—252.

И. Белов, Народный ум в пословицах и поговорках, «Исторический вестник», 1885, № 2, стр. 375—384.

И. Белов, Наш солдат в песнях, сказаниях и поговорках, «Исторический вестник», 1886, № 8, стр. 315—349.

С. В. Максимов, Крылатые слова, Спб, 1890; изд. 2, Спб, 1899, изд. 3, М., 1955.

А. И. Желобовский, Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества. Историко-литературный очерк, Воронеж, 1892 (отдельный оттиск из «Филологических записок»).

А. А. Потебня, Из лекций по теории словесности. «Басня. Пословица. Поговорка», Харьков, 1894.

П. В. Владимиров, Русские народные пословицы. Введение в историю русской словесности (из лекций и исследований), Киев, 1896, стр. 132—137.

М. И. Михельсон, Меткие и ходячие слова. Сборник русских и иностранных пословиц, изречений и выражений, Спб, 1894; изд. 2 под названием «Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов», 1896.

Е. А. Ляцкий, Несколько замечаний к вопросу о пословицах и поговорках, «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1897, т. II, кн. 3, Спб, 1897, стр. 745—782.

И. Е. Тимошенко, Литературные первоисточники и прототипы 300 русских пословиц и поговорок, Киев, 1897.

В. Н. Перетц, Из истории пословицы. Историко-литературные заметки и материалы, Спб, 1898 (отдельный оттиск статьи из «Журнала министерства народного просвещения», май 1898).

Я. Кузнецов, Обязательственное право в пословицах и поговорках русского народа, «Журнал министерства юстиции», 1903, № 2, стр. 243—270; № 3, стр. 277—308.

Я. Кузнецов, Характеристика общественных классов по народным пословицам и поговоркам, «Живая старина», вып. III, Спб, 1903, стр. 394—404.

А. Невзоров, Торговый оборот в пословицах русского народа, Спб, 1906.

И. И. Вознесенский, О складе или ритме и метре кратких изречений русского народа: пословиц, поговорок, загадок, присказок и др., Кострома, 1908.

Т. Ивановская, Дети в пословицах и поговорках русского народа, «Вестник воспитания», 1908, № 2, стр. 112—162.

Я. Кузнецов, Положение членов крестьянской семьи по народным пословицам и поговоркам, «Журнал министерства юстиции», 1909, № 7, стр. 235—279.

Я. Кузнецов, Семейное и наследственное право в народных пословицах и поговорках, «Журнал министерства юстиции», 1910, № 6, стр. 201—243; № 10, стр. 160—199.

Н. Полочанин, Времена года в народных пословицах, поговорках и приметах, Спб., 1911.

И. И. Иллюстров, Введение к собранию «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках», стр. 1—73.

М. Сперанский, Пословицы и поговорки (глава курса «Русская устная словесность», М., 1917), стр. 453—455.

Б. Шейдлин, Москва в пословицах и поговорках, М., 1929.

М. О. Шахнович, Краткая история собирания и изучения пословиц и поговорок, «Советский фольклор», 1936, № 4—5.

* Ю. М. Соколов, Пословицы и поговорки (глава учебника «Русский фольклор», Учпедгиз, 1938), стр. 200—217. См. также изд. 2, Учпедгиз, 1940.

* М. О. Шахнович, Пословицы и поговорки (глава в пособии для вузов «Русское народное поэтическое творчество», под редакцией Богатырева П. Г., Учпедгиз, М., 1954), стр. 189—206.

«Русское народное поэтическое творчество» (коллективный труд, подготовленный Институтом русской литературы — Пушкинским домом), т. I, изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1953, стр. 214, 243—244, 345—346, 430—446; т. II, кн. 1, изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1955, стр. 505—525 (глава «Пословицы и поговорки» написана Шаповаловой Г. Г.); т. II, кн. 2, изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1956, стр. 355—356, 411.

Библиографию см. во «Введении» к собранию «Жизнь русского народа» И. И. Иллюстрова, стр. 1—73; в курсе М. Н. Сперанского «Русская устная словесность», М., 1917, стр. 466; в учебнике Ю. М. Соколова «Русский фольклор», Учпедгиз, 1938, стр. 217.

Загадки

Сборники

«Древние русские простонародные загадки», «Парнасской Щепетильник», ежемесячное издание, Спб, 1770, майский номер, стр. 46—48.

В. С. Л[е в ш и н], Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени, М., 1773.

«Увеселительные загадки со нравоучительными отгадками, состоящие в стихах», М., 1781.

Г. Б., Сто и одна загадка, М., 1790.

И. П. С а х а р о в, Сказания русского народа, т. 1, кн. 2, Спб, 1841, стр. 89—104; переиздание А. Суворина, Спб, 1885.

И. М. С н е г и р е в, Русские народные пословицы и притчи, М., 1848 (в число пословиц попали и загадки).

В. И. Д а л ь, Пословицы русского народа, М., 1861—1862; изд. 2, 1879; изд. 3, 1905 (среди пословиц встречается немало загадок).

И. А. Х у д я к о в, Великорусские загадки, М., 1861.

И. А. Х у д я к о в, Великорусские загадки. Этнографический сборник Российского географического общества, вып. VI, Спб, 1864.

* Д. Н. С а д о в н и к о в, Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач, Спб, 1876; переизд. Спб, 1901.

Н. А. И в а н и ц к и й, Загадки, собранные по Вологодской губернии. Статистический сборник, издаваемый Вологодским губ. статистическим комитетом, т. 3, Вологда, 1883, стр. 307—313.

Е. П. Ж д а н о в, Загадки русского народа, М., 1887.

В. С е р е б р я н н и к о в, Загадки как народное развлечение, Пермь, 1918.

* М. А. Р ы б н и к о в а, Загадки, изд. «Academia», М.—Л., 1932.

Исследования и пособия

И. А. Х у д я к о в, Вступительная статья к собранию «Великорусских загадок». Этнографический сборник Российского географического общества, вып. VI, Спб, 1864.

Д. Н. С а д о в н и к о в, Предисловие и примечания к сборнику «Загадки русского народа», Спб, 1876.

П. В. В л а д и м и р о в, Русские народные загадки. Введение в историю русской словесности, Киев, 1896, стр. 128—132.

Е. Н. Е л е о н с к а я, Некоторые замечания о роли загадок в сказке, «Этнографическое обозрение», 1907, № 4, М., 1908, стр. 78—90.

М. Н. С п е р а н с к и й, Загадки (глава курса «Русская устная словесность», М., 1917), стр. 455—457.

О. И. К а п и ц а, Детский фольклор, Л., 1928 (раздел «Загадка»), стр. 170—173.

* Ю. М. С о к о л о в, Загадки, «Литературная энциклопедия», т. IV, 1930, столб. 264—270.

* М. А. Рыбникова, Загадка, ее жизнь и природа (вступительная статья к сборнику «Загадки», изд. «Academia», М.—Л., 1932), стр. 11—68.
* Ю. М. Соколов, Загадки (глава учебника «Русский фольклор», Учпедгиз, 1938, 1940), стр. 217—222.
* И. М. Колесницкая, Загадки (глава в пособии для вузов «Русское народное поэтическое творчество», под редакцией П. Г. Богатырева, Учпедгиз, 1954, 1956), стр. 207—219.

И. М. Колесницкая, Загадки (глава в исследовании «Русское народное поэтическое творчество», т. II, кн. 1 (Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII — первой половины XIX века, изд. Академии наук СССР, М. — Л., 1955), стр. 525—536.

Библиографические данные находятся в конце вступительной статьи Д. Садовникова, Загадки русского народа, Спб., 1876, 1901; в курсе М. Н. Сперанского, Русская устная словесность, М., 1917, стр. 467; в статье Ю. М. Соколова, Загадки, «Литературная энциклопедия», т. IV, 1930, столб. 270; в учебнике «Русский фольклор», Учпедгиз, 1938, стр. 222.

Детский фольклор

Сборники

П. Бессонов, Детские песни, М., 1868.

П. В. Шейн, Русские народные песни, ч. 1, изд. Общества истории и древностей российских, М., 1870.

В. Ф. Кудрявцев, Детские игры и песенки Нижегородской губернии. Нижегородский сборник, изд. Нижегородского губ. статистического комитета, т. IV, Нижний Новгород, 1871.

А. Ф. Можаровский, Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, остротах, стишках и песнях. «Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», кн. IV, М., 1877 («Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XXVIII), стр. 102—139.

А. Ф. Можаровский, Из жизни крестьянских детей Казанской губернии, Казань, 1882.

* Е. А. Покровский, Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогикой и гигиеной), М., 1887 (существует и второе издание).

П. В. Шейн, Сборник народных детских песен, игр и загадок, изд. журнала «Детский отдых», М., 1898.

* П. В. Шейн, Великорусс в своих песнях, обрядах, верованиях, сказках, легендах и т. п., изд. Академии наук, т. 1, вып. 1, Спб, 1898.

В. Н. Добровольский, Смоленский этнографический сборник, ч. IV, «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. XXVII, М., 1903, Детские песни и игры, стр. 472—498.

Е. И. Резанова, Материалы по этнографии Курской губернии, «Труды Курской губернской ученой архивной комиссии», вып. 1, Курск, 1911, стр. 172—249. (Детские игры, календарная поэзия, гадания, стр. 172—195.)

Г. С. Виноградов, Детский народный календарь. (Из очерков по детской этнографии.) Сборник «Сибирская живая старина». Этнографический сборник под ред. М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова, вып. II, Иркутск, 1924, стр. 55—86.

Г. С. Виноградов, Детская сатирическая лирика, изд. Вост. отд. Русского географического общества, 1925 (отдельный оттиск из сборника «Сибирская живая старина», вып. III—IV, стр. 65—106) (как приложение к статье дан свод детских прозвищ, дразнилок и поддевок).

Г. С Виноградов, Русский детский фольклор, кн. 1, Иркутск, 1930 (тексты считалок — на стр. 135—234).

Сборник «Детский быт и фольклор». Сборник первый, под редакцией О. И. Капицы, Л., 1930 (тексты — на стр. 57—70).

Исследования

Е. А. Покровский, Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогикой и гигиеной), М., 1887.

А. Ветухов, Народные колыбельные песни, «Этнографическое обозрение», 1892, № 1, 2, 3, 4.

В. Харузина, Об участии детей в религиозной обрядовой жизни, «Этнографическое обозрение», 1911, № 1—2.

Г. С. Виноградов, Детская сатирическая лирика, изд. Вост. отд. Русского географического общества, 1925.

Г. С. Виноградов, Детский фольклор и быт. Программа наблюдений, Иркутск, 1925 («Библиотека собирателя», вып. III).

Г. С. Виноградов, Народная педагогика, изд. Вост. отд. Русского географического общества, 1926.

* О. И. Капица, Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собирание. Обзор материалов, Л., 1928.

* Г. С. Виноградов, Русский детский фольклор, кн. 1, Иркутск, 1930 (исследование на стр. 1—134 об игровых прелюдиях, жеребьевках, считалках).

Сборник «Детский быт и фольклор». Сборник первый, под редакцией О. И. Капицы, изд. Русского географического общества, Л., 1930, стр. 1—41.

* К. И. Чуковский, От двух до пяти, изд. испр., «Советский писатель», М., 1955, Гос. изд. детской литературы, М., 1956.

(Библиографические данные находятся в конце книги О. И. Капицы «Детский фольклор», Л., 1928, стр. 213—218; в книге Г. С. Виноградова» «Русский детский фольклор», кн. 1, Иркутск, 1930, стр. 10—14, стр. 114—115 — о считалках; в сборнике «Детский быт и фольклор». Сборник первый, под редакцией О. И. Капицы, стр. 42—49 — библиография по детскому быту, фольклору и языку (с 1917 по 1928 гг.), здесь дан также обзор некоторых трудов по детскому фольклору на английском языке — стр. 50—56.).

ОГЛАВЛЕНИЕ